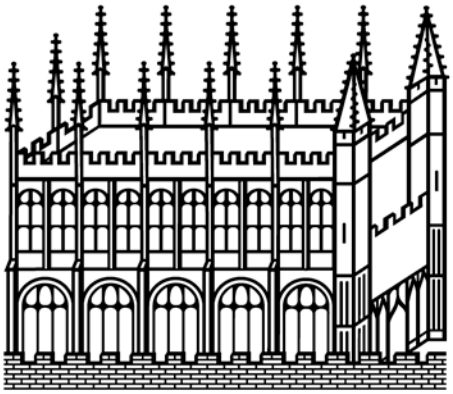


Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

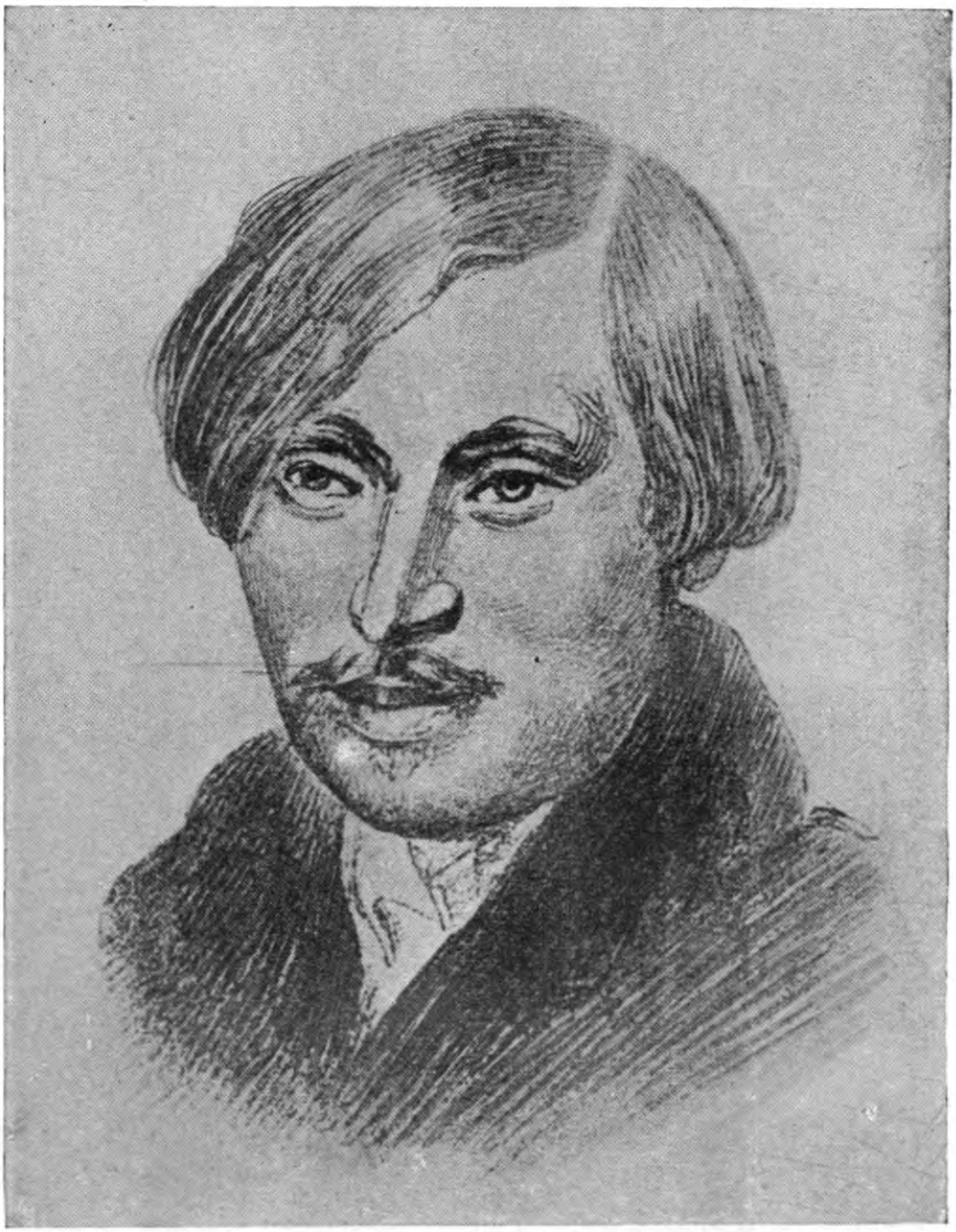
Сочиненія

Н. В. Гоголя

32. Al. 1896 (b)

G3332. A1. 1896 (6)
= Rep. Slav. 107
300
JJ
43

Presented to the Library
by Dr. Ivy Williams.



Н. В. Гоголь. VI. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Н. В. Гоголь.

По фотографіи съ карандашнаго рисунка А. А. Иванова (1840 годовъ).

Сочиненія и письма

Н. В. Гоголя.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій извѣстныхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Русскіе писатели:

Аксаковъ, С. Т., подъ редакціей *А. Г. Горнфельда;*
Андреевъ, Л. Н., со вступительной статьей проф. *М. А. Рейснера;*
Ан—скій, С. А., подъ наблюденіемъ *автора;*
Амфитеатровъ, А. В., подъ наблюденіемъ *автора;*
Айзманъ, Д. Я., подъ наблюденіемъ *автора;*
Гоголь, Н. В., подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
Добролюбовъ, Н. А., подъ редакціей *В. П. Кранихфельда;*
Достоевскій, Ѳ. М., съ многочисл. приложеніями;
Златовратскій, Н. Н., подъ наблюденіемъ *автора;*
Кольцовъ, А. В., подъ редакціей *Арс. Ив. Введенскаго;*
Крыловъ, И. А., подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
Лазаревскій, Б. А., подъ наблюденіемъ *автора;*
Левитовъ, А. И., со вступ. статьей *А. А. Измайлова;*
Лермонтовъ, М. Ю., подъ ред. *Арс. И. Введенскаго;*
Максимовъ, С. В., со вступ. статьей *П. В. Быкова;*
Мачтетъ, Г. А., подъ редакціей *Д. П. Сильчевскаго;*
Муйжель, В. В., подъ наблюденіемъ *автора;*
Невѣжинъ, П. М., подъ наблюденіемъ *автора;*
Никитинъ, И. С., подъ ред. *А. Г. Фомина,* со вступительной статьей *Ю. И. Айхенвальда;*
Немировичъ-Данченко, Вас. И., подъ наблюденіемъ *автора;*
Олигеръ, Н. Ф., подъ наблюденіемъ *автора;*
Осиповичъ, Н. М., подъ наблюденіемъ *автора;*
Островскій, А. Н., подъ ред. *М. И. Писарева;*
Помяловскій, Н. Г., съ біограф. очеркомъ *Н. А. Благовѣщенскаго*
Потѣхинъ, А. А., подъ наблюденіемъ *автора;*
Пушкинъ, А. С., подъ редакціей *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша;*
Соловьевъ, Н. Я., съ портретомъ *автора;*
Танъ, В. Г., подъ наблюденіемъ *автора;*
Толстой, Л. Н., подъ редакціей *А. М. Хирьякова;*
Шапиръ, Ольга, подъ наблюденіемъ *автора.*

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Сочиненія и письма

Н. В. Гоголя.

Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія

В. В. Каллаша.

Томъ шестой.

Драматическія произведенія.

Ревизоръ.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Акціонернаго О-ва „Самообразованіе“,
Забалканскій просп., д. № 75.

LIBRARY OF THE TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
29 SEP. 1942
OF OXFORD

Бумага безъ примѣси древесной массы

Оглавленіе VI-го тома.

Стр.

Вступительная статья: Драматическія произведенія Гоголя 3

Ревизоръ 33

Приложенія къ „Ревизору“:

I. Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ одному литератору 169

II. Двѣ сцены, выключенныя и при первомъ изданіи, какъ замедлявшія теченіе пьесы 175

III. Сцены перваго изданія „Ревизора“, передѣланныя авторомъ для изданія 1842 г. . . 180

IV. Сцены, написанныя для второго изданія „Ревизора“ и измѣненныя при третьемъ изданіи комедіи 220

V. Сцена, не внесенная авторомъ въ печатныя изданія „Ревизора“ 232

VI. Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ „Ревизора“ въ пользу бѣдныхъ 234

VII. Развязка „Ревизора“ 237

VIII. Дополненіе къ „Развязкѣ Ревизора 250

IX. Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“ 256

X. „Ревизоръ“ (первоначальный текстъ) . . . 265

Примѣчанія 381

Списокъ иллюстрацій.

Стр.

Н. В. Гоголь (По фотографіи съ карандашнаго рисунка А. А. Иванова) 1

Послѣдняя сцена „Ревизора“. (А. А. и М. А. Сквозникъ-Дмухановскія) 32

Послѣдняя сцена „Ревизора“. (Съ рисунка Н. В. Гоголя) 192

Послѣдняя сцена „Ревизора“. (Съ рисунка Н. В. Гоголя) 256

Снимокъ съ собственноручнаго наброска Гоголя послѣдней сцены „Ревизора“ . . 368

Вступительная статья.

Драматическія произведенія Гоголя.

I.

Интересъ къ драмѣ и театру сложился у Гоголя очень рано, въ годы дѣтства и юности.

Отецъ его былъ недурнымъ малороссійскимъ драматургомъ и актеромъ; въ Кибенцахъ у Трощинскаго былъ домашній театръ, который, конечно, Н. В. посѣщалъ не разъ. Въ Нѣжинѣ онъ былъ однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ школьнаго театра.

„Воротясь однажды, послѣ каникулъ, въ гимназію, онъ привезъ на малороссійскомъ языкѣ комедію, которую играли на домашнемъ театрѣ Трощинскаго, и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра и актеромъ. Кулисами служили ему классныя доски, и недостатокъ въ костюмахъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Съ этого времени театръ сдѣлался страстью Гоголя и его товарищей, такъ что, послѣ предварительныхъ опытовъ, ученики сложились и устроили себѣ кулисы и костюмы, копируя, разумѣется, по указаніямъ Гоголя, театръ, на которомъ подвизался его отецъ: другого никто не видалъ. Начальство гимназіи воспользовалось этою страстью, чтобы заохотить воспитанниковъ къ изученію французскаго языка и ввело въ репертуаръ Гоголева театра французскія піесы.

Тутъ то Гоголю пришлось познакомиться съ французскимъ языкомъ, который вообще малороссіянамъ, не пріученнымъ къ нему съ дѣтства, кажется гораздо труднѣе и, главное, противнѣе даже нѣмецкаго. Русскія піесы, однакожъ, не выводились, и преданіе гласитъ, что Гоголь особенно отличался въ роляхъ старухъ. Театръ, основанный Гоголемъ въ гимназіи, процвѣлъ, наконецъ, до того, что на представленія его съѣзжались и городскіе жители. Нѣкоторые изъ нихъ помнятъ его до сихъ поръ въ роли Простаковой и говорятъ, что онъ исполнялъ ее превосходно“ [1].

[1] Кулишъ, „Записки о жизни Гоголя“, I, 27—28.

Основанная на нѣжинскихъ успѣхахъ, вѣра въ свой актерскій талантъ настолько была велика у Гоголя, что въ Петербургѣ, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ пристроиться, онъ серьезно собирался поступить въ актеры, и только реализмъ его читки, шедшій въ разрѣзъ съ тогдашними театральными традиціями, помѣшалъ осуществленію этого намѣренія.

Многіе изъ современниковъ (Тургеневъ, Аксаковъ, Анненковъ и др.) оставили восторженные отзывы о мастерскомъ чтеніи Гоголя, его мимическомъ и мистификаторскомъ талантѣ. Несомнѣнно, въ его богато и разносторонне одаренной натурѣ были крупные задатки большой артистической силы. Онъ охотно сближается съ артистическимъ міромъ, глубоко любитъ театръ, вдумчиво изучаетъ исторію и теорію драматическаго искусства. Даже такой тонкій знатокъ театра, какъ Бѣлинскій, будетъ потомъ поражаться глубиною, мѣткостью и оригинальностью его сценическихъ наблюденій, его взглядовъ на характеръ и значеніе драматическаго искусства.

Возможно, что первыя драматургическія попытки великаго писателя относятся еще къ нѣжинскому періоду; въ „Вечерахъ“ онъ уже ясно могъ сознать свои драматическія способности. Съ 1832 г. мысль о комедіи все болѣе захватываетъ его душу. „Женихи“ (впослѣдствіи „Женитьба“), „Владиміръ 3-ей степени“, „Ревизоръ“ — таковы главные этапы развитія его комическаго дарованія.

Въ 1832 г. Гоголь былъ проѣздомъ въ Москвѣ и познакомился съ семьей Аксаковыхъ. По словамъ С. Т. Аксакова, у него съ Гоголемъ „дорогой (къ Загоскину) разговоръ шелъ о Загоскинѣ. Гоголь хвалилъ его за веселость, но сказалъ, что онъ не то пишетъ, что слѣдуетъ, особенно для театра. Я легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

... даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

Но Гоголь посмотрѣлъ на меня какъ то значительно и сказалъ, что это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его ... Изъ послѣдующихъ словъ я замѣтилъ, что русская комедія его сильно занимала, и что у него есть свой оригинальный взглядъ на нее“.

Въ томъ же году Плетневъ писалъ Жуковскому [1]: „У Гоголя вертится на умѣ комедія. Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшней зимой; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства. Въ его сказкахъ меня всегда поражали драматическія мѣста".

Въ записную книжку Гоголь набрасываетъ замѣтки и матеріалы для комедіи. Нѣкоторые изъ нихъ очень интересны [2]. „Комед. Матеріалы общіе. Старое правило: уже хочетъ достигнуть, схватить рукою, какъ вдругъ помѣшательство и отдаленіе желаемаго предмета на огромное разстояніе. — Какъ игра въ накидку и всякая азартная игра. — Внезапное или неожиданное открытіе, дающее вдругъ всему дѣлу новый оборотъ или озарившее его новымъ свѣтомъ". Подъ заглавіемъ „Матеріалы частные" замѣтка: „не понимаетъ и толкуетъ по-своему — вродѣ „метафизическій" — „математическимъ". Дальше — обрывки діалоговъ для комедіи: „Что вамъ сталъ вицъ-мундиръ? По чемъ суконцо?" — „Да, да! Знаю, понимаю ... Да, да! Ну, а разскажите. Да объ чемъ бишь вы говорили?" — „Подойди, скотъ! Вотъ столъ краснаго дерева работы Скоб ... Подъ лакомъ?" — Посреди важнаго разговора: „у меня вѣдь кухарка" и проч. Также: „фуфайку, надобно вамъ знать, сударыня, я ношу лосиную: она гораздо лучше фланелевой".

Комедія вызвала въ Гоголѣ охлажденіе къ сказкамъ „Вечеровъ". На запросъ Погодина о второмъ изданіи этой книги онъ отвѣчалъ (въ началѣ 1833 г.): „Чортъ съ ними! я не издаю ихъ ... Прибавлять сказки не могу. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ „Вечеровъ", и вы только напомнили мнѣ объ этомъ ... Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣстъ что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изойдетъ изъ меня!" Спустя нѣсколько дней Н. В. пишетъ тому же Погодину: „Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего ... Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться; уже и заглавіе было написалось на бѣлой толстой тетради: „Владиміръ 3-ей степени", и сколько злости, смѣху, соли!.. Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда піеса не бу-

---

[1] Соч. и переписка Плетнева, III, 522.
[2] 10-ое изд., т. II, стр. 734.

детъ играться? Драма живетъ только на сценѣ; безъ нея она, какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе? — Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости? Итакъ, за комедію я не могу приняться. Примусь за исторію — передо мной движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы и — исторія къ чорту!"

„Самый невинный сюжетъ" — вѣроятно, сюжетъ „Женитьбы", надъ которымъ Н. В. работаетъ одновременно съ „Владиміромъ 3-ей степени".

Помимо предполагавшихся цензурныхъ затрудненій окончанію смѣлой комедіи Н. В., изъ жизни петербургскаго чиновничества, помѣшало и то, что авторъ хотѣлъ захватить въ ней многое, и не справился съ слишкомъ сложнымъ планомъ.

11 марта 1833 т. Плетневъ писалъ Жуковскому (ib., стр. 528): „У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ".

„Лоскутки истребленной комедіи" (Гоголь написалъ два ея акта) были потомъ, значительно позднѣе, переработаны въ „драматическіе отрывки": „Тяжба", „Утро дѣлового человѣка", „Лакейская" и „Отрывокъ"; при чемъ совсѣмъ была почти затерта ихъ связь съ драматическимъ цѣлымъ комедіи. А оно очень характерно для Гоголя: комедія должна была вскрыть всю пошлость канцелярскаго честолюбія, весь ужасъ чиновничьей и свѣтской жизни, утреннихъ занятій петербургскихъ „дѣловыхъ людей" и нравовъ „лакейской". И надъ всѣмъ носился девизъ, символъ этого міра — „Владиміръ 3-ей степени" ...

Щепкинъ такъ передавалъ г. Родиславскому содержаніе этой комедіи [1]:

„Героемъ ея былъ человѣкъ, поставившій себѣ цѣлью жизни получить крестъ Св. Владиміра 3-ей степени. Извѣстно, что изъ всѣхъ орденовъ орденъ Св. Владиміра пользуется особенными привилегіями и уваженіемъ и дается за особенныя заслуги и долговременную службу. Даже теперь, когда съ полученіемъ другихъ орденовъ не даются уже дворянскія права, какъ

[1] Бесѣды въ Общ. Люб. Рос. Слов., М., 1871, III, 140.

это было прежде, орденъ Св. Владиміра удержалъ еще за собою это право. Старанія героя піесы получить этотъ орденъ составляли сюжетъ комедіи и давали для нея богатую канву, которою, какъ говорятъ, превосходно воспользовался нашъ великій комикъ. Въ концѣ піесы герой ея сходилъ съ ума и воображалъ, что онъ самъ и есть Владиміръ 3-й степени. Съ особенною похвалою М. С. Щепкинъ отзывался о сценѣ, въ которой герой піесы, сидя передъ зеркаломъ, мечтаетъ о Владимірѣ 3-ей степени и воображаетъ, что этотъ крестъ уже на немъ".

Врагъ бюрократизма, достигшаго при Николаѣ I апогея своего развитія, Гоголь отрицалъ и осмѣивалъ его только съ нравственной точки зрѣнія, будучи по существу своей духовной природы человѣкомъ аполитическимъ. Подобно Мишѣ своего „Отрывка", онъ больше всего боялся слова „либералъ". Общественная тенденція его комедій — „тенденція нравственная, безъ всякой примѣси политическаго элемента".

„Гоголь по своимъ политическимъ взглядамъ былъ всегда чистокровнымъ консерваторомъ и вѣрноподданнымъ. Либеральный оттѣнокъ его комедіямъ и его творчеству придалъ не онъ, а условія нашей общественной жизни временъ императора Николая, — условія, которыя въ 1852 году заставили само правительство признать Гоголя „опаснымъ" писателемъ и попытаться „замолчать" въ нѣкоторомъ смыслѣ его кончину. Помимо того, что всякое рѣзкое обличеніе нравственныхъ недостатковъ всегда можетъ быть истолковано въ либеральномъ смыслѣ, т. е. всегда бросаетъ извѣстную тѣнь на государственный порядокъ, при которомъ такіе недостатки процвѣтаютъ — помимо этого, въ комедіяхъ и въ „Мертвыхъ Душахъ" было, какъ извѣстно, высказано довольно рѣзкое осужденіе русской бюрократической системы. И это осужденіе, вмѣстѣ съ общегуманнымъ отношеніемъ къ низшей братіи, и подало поводъ всѣмъ нашимъ прогрессивнымъ партіямъ зачислить Гоголя въ разрядъ если не своихъ сотрудниковъ, то, во всякомъ случаѣ, въ число лицъ, подготовлявшихъ почву для воспріятія прогрессивныхъ идей. И это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вопреки самому Гоголю, его придется признать однимъ изъ отцовъ русскаго либерализма или, вѣрнѣе, русской прогрессивной общественной мысли, которая, покинувъ общенравственныя точки зрѣнія, переходила къ критикѣ существующаго общественнаго и государственнаго порядка ... Для большинства силъ, какими приводилась въ движеніе русская

общественная и государственная жизнь, Гоголь желалъ, отъ всего своего консервативнаго сердца, сохраненія существующаго. Ролью одной только силы, и притомъ очень важной, онъ былъ недоволенъ, мало сказать, — онъ былъ оскорбленъ ею. Этой силой была бюрократія, дѣйствительно, всесильная въ Николаевское царствованіе. На нее направилъ Гоголь свои удары сатирика и моралиста ... Чиновный міръ, отъ губернатора и городничаго до квартальнаго, былъ главной мишенью наиболѣе сильныхъ сатирическихъ нападокъ нашего автора. Но и въ этихъ нападкахъ сатирикъ соблюдалъ нѣкоторую осторожность. Въ комедіи „Владиміръ 3-ей степени", въ этой первой попыткѣ систематическаго обличенія бюрократіи, Гоголь рѣшился было заговорить о столичныхъ, довольно высокопоставленныхъ кругахъ, но сообразилъ, что это не совсѣмъ удобно, и потому въ дальнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ продолжалъ говорить лишь о чиновникахъ губернскихъ и уѣздныхъ ... Поэтъ Николаевскаго времени былъ призванъ указать на все то зло, какое влекла за собой широко развившаяся въ это время бюрократическая система. И Гоголь свою задачу выполнилъ какъ настоящій патріотъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ вѣрноподданный. Онъ не допускалъ даже мысли о томъ, что сама правительственная система могла быть виновата въ томъ бюрократическомъ злѣ, которое онъ такъ вѣрно подмѣтилъ и оцѣнилъ; въ его глазахъ вся вина падала не на укладъ правительственной жизни, ставящій чиновника въ такое положеніе, при которомъ превышеніе власти и злоупотребленіе ею само собой напрашивалось, а на самого чиновника, какъ на отдѣльную нравственную единицу, какъ на личность съ извѣстнымъ нравственнымъ содержаніемъ. Такимъ образомъ, вопросъ съ почвы общественной переводился Гоголемъ прямо на почву нравственную, а позднѣе на религіозную. Все зло проистекало, по мнѣнію автора, изъ природы самого человѣка, а не изъ тѣхъ условій, въ какія онъ былъ поставленъ. Чтобы излѣчить его, не было нужды мѣнять обстановки, въ которой онъ выросталъ, и которая пріучала его къ гордынѣ, своеволію, самопоклоненію, хитростямъ, обманамъ, лѣни и отсутствію понятія о гражданскомъ долгѣ — лѣчить его нужно было или нравственнымъ воздѣйствіемъ на его душу, или силою кары — силою падающаго на него несчастья, которое должно было непосредственно повліять на его нравственное самосознаніе. Труднѣйшій общественный вопросъ рѣшался, такимъ образомъ, для Гоголя весьма просто. Весь ходъ жизни зависитъ онъ нравственнаго совершенствованія человѣка, думалъ нашъ моралистъ.

Можно поставить человѣка въ какія угодно условія — экономическія, общественныя и политическія, его жизнь будетъ посвящена благу своему и ближняго, если только въ немъ самомъ есть этотъ нравственный регуляторъ. Можно спросить, конечно: не зависитъ ли въ свою очередь это нравственное сознаніе отъ тѣхъ самыхъ условій, на которыя оно должно воздѣйствовать? Но этотъ вопросъ не остановилъ на себѣ вниманія Гоголя“ [1].

Между писателемъ и читателями происходило коренное недоразумѣніе, которое вскрылось только въ эпоху „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Самъ Гоголь былъ чуждъ тѣхъ выводовъ, которые вытекали естественно изъ его произведеній для его читателей — и почитателей.

Романтикъ и сантименталистъ, мистикъ и аскетъ въ наиболѣе интимныхъ стремленіяхъ своей души, онъ, въ силу стихійнаго развитія таланта, страстно увлекся идеей бытовой, „общественной“ комедіи, съ которою ему, на первыхъ порахъ, всего труднѣе было справляться; убѣжденный консерваторъ, онъ взялся за смѣлую обличительную сатиру. И отъ „Владиміра 3-ей степени“ остались одни „лоскутки“.

Когда „Утро дѣлового человѣка“ появилось въ „Современникѣ“, Бѣлинскій увидѣлъ въ этомъ отрывкѣ необыкновенную оригинальность и удивительную вѣрность. „Если вся комедія такова, то одна она могла бы составить эпоху въ исторіи нашего театра и литературы“. Еслибы великій критикъ познакомился съ основнымъ замысломъ пьесы, онъ пришелъ бы, конечно, въ еще большій восторгъ. И въ другихъ разрозненныхъ обломкахъ погибшей комедіи онъ подмѣтилъ „рѣзкую печать таланта автора“ „Ревизора“: подобно послѣднему и „Женитьбѣ“, они до сихъ поръ остаются въ литературѣ уединенными памятниками среди широкой песчаной степи, гдѣ не видно ни дерева, ни былинки“.

„Со стороны художественнаго выполненія, эти отрывки — совершенство. Трудно себѣ представить, какъ такимъ малымъ количествомъ словъ можно достигнуть такой образности. Всѣ лица — живыя лица; рѣчь—простая и художественно-естественная; реализмъ въ выполненіи — поразительный. Какъ живой передъ нами Иванъ Петровичъ — олицетвореніе безчисленнаго количества разныхъ начальниковъ, внушающихъ трепетъ своимъ дѣловымъ видомъ и разносящихъ своихъ подчиненныхъ за то, что у нихъ поля по краямъ бумаги неров-

[1] Котляревскій, Гоголь, стр. 249—252

ны, и за то, что они въ одной строкѣ пишутъ „сі“, а въ другой „ятельству“; какъ хорошъ онъ, управляющій однимъ изъ колесъ государственной машины, когда онъ навязываетъ своей Зюзюшкѣ бумажку на хвостъ и, встрѣчая посѣтителя, развертываетъ сводъ законовъ, чтобы сейчасъ же начать разговоръ о вчерашнемъ вистѣ! Но мысль его не о самъ-третей дамѣ крестовъ, которую онъ запомнилъ: его мысль вертится вокругъ другого креста, который ему мучительно хочется видѣть на своей шеѣ; и достаточно одного замѣчанія его собесѣдника о томъ, что его высокопревосходительство, услыхавъ фамилію Ивана Петровича, сказалъ многозначительно „гм!“, чтобы онъ — эта гроза канцеляріи — утратилъ на цѣлый день спокойствіе духа... Великолѣпенъ и Александръ Ивановичъ, сенатскій оберъ-секретарь, пришедшій въ такое негодованіе при извѣстіи о производствѣ Бурдюкова. Чтобы имѣть возможность уличить этого Бурдюкова въ гадости, самъ Александръ Ивановичъ готовъ выхлебать все, что угодно; и когда наклевывается дѣло о фальшивомъ завѣщаніи, подписанномъ вмѣсто „Евдокія“ словомъ „обмокни“, — завѣщаніи, въ которомъ Бурдюковъ самъ себѣ отказалъ всѣ угодья, а своему брату — три стаметовыя юбки, Александръ Ивановичъ, блюститель справедливости, — на седьмомъ небѣ“ [1].

Марья Александровна, Миша и Собачкинъ „Отрывка“ вводятъ насъ въ свѣтскій кругъ Петербурга. Здѣсь и тупая боязнь „мезальянса“, и пошлые дамскіе счеты, и царство самыхъ нелѣпыхъ сплетенъ, и жестокая игра сердцемъ и жизнью слабохарактернаго сына, и мелкое пройдошество Собачкиныхъ...

Помимо своей связи съ цѣлымъ, „Лакейская“ представляетъ большой бытовой и художественный интересъ и сама по себѣ. Она вскрываетъ закулисную сторону жизни „чиновной особы“, мірка, для котораго онъ былъ центромъ. Кромѣ того, эта сценка — „первая и, вплоть до „Плодовъ просвѣщенія“ единственная художественно-реальная картина изъ жизни барской дворни. Эта дворня — вся налицо, съ ея тунеядствомъ, зубоскальствомъ и нахальствомъ. Она очень говорлива, пока „медвѣдь не зарычалъ изъ берлоги“ и пока не схватилъ кого-нибудь за ухо; она лжетъ или молчитъ, когда передъ ней стоитъ баринъ; она дерзка съ другимъ бариномъ, когда получила приказаніе не принимать его; она имѣетъ, наконецъ, и своего резонера, который ей читаетъ мораль на тему: „Коли слуга — такъ слуга, коли дворянинъ —

[1] Котляревскій, стр. 262—263.

такъ дворянинъ, а то бы, пожалуй, всякій зачалъ: нѣтъ, я не дворецкій, а губернаторъ или тамъ какой-нибудь отъ инфантеріи“.. Мораль въ тѣ годы весьма ходкая и для многихъ очень успокоительная, которую, однако, сама жизнь опровергала, прививая праздному слугѣ всѣ пороки барина и заставляя каждаго барина думать, что онъ „губернаторъ или какой-нибудь отъ инфантеріи“.

„Такъ наглядно проскальзывала злость въ смѣхѣ нашего автора. Еслибы онъ не испугался борьбы, комедія „Владиміръ 3-ей степени“ была бы настоящей боевой комедіей, не уступающей, быть можетъ, въ силѣ удара ни „Недорослю“, ни „Горю отъ ума“. Но этого не случилось. Гоголь замѣнилъ этотъ опасный сюжетъ другимъ болѣе скромнымъ“ [1] — сюжетомъ Ревизора“.

II.

Гоголь задумалъ своихъ „Жениховъ“ (потомъ „Женитьба“) почти одновременно съ „Владиміромъ 3-ей степени“, въ 1833 году. Послѣ ряда передѣлокъ въ 1834—1835, 1838 — 1840 гг., „взыскательный художникъ“ окончательно установилъ текстъ своей пьесы только въ 1842 г., когда она попала на сцену и въ печать. Особенно интенсивно онъ работалъ надъ нею въ 1833 — 1834 гг., когда искалъ сюжета, „которымъ бы и квартальный не могъ обидѣться“. Насколько сильно было тогда у Н. В. увлеченіе театромъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ его письма начала 1833 г.: „примусь за исторію — передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы — и исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей“.

Постановка на сценѣ „Женитьбы“ вызвала нѣсколько критическихъ отзывовъ.

Булгаринъ („Сѣверная Пчела“, 1842, № 279), по обыкновенію, обрушился на Гоголя [2] и его пріятелей, которые „захвалили“ Н. В. „Наконецъ, въ бенефисъ г. Сосницкаго мы видѣли эту знаменитую к о м е д і ю, о которой уже нѣсколько лѣтъ трубятъ его пріятели. „Женитьба“ имѣетъ точно такое же право на названіе к о м е д і и, какъ „Мертвыя Души“ на названіе п о э м ы! Побойтесь Бога, господа, что это вы дѣлаете? За кого это вы принимаете нашу русскую публику? Ни завязки, ни развязки, ни характеровъ, ни остротъ, ни даже весело-

[1] Котляревскій, стр. 264—265.

[2] Булгаринъ говорилъ даже о томъ, что пьеса была ошикана. Такого же клеветническаго свойства и рецензія „Репертуара и Пантеона“ (1846,6)

сти — и это комедія!.. „Женитьба“ — каррикатура, съ очень неудачно выбраннымъ сюжетомъ. „Изъ него можно составить забавный фарсъ, и, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя мѣста въ этой, такъ называемой, комедіи, очень смѣшны, но смѣшны каррикатурой и преувеличеніемъ, а не веселостью характеровъ, не остроуміемъ разговора, не забавными положеніями дѣйствующихъ лицъ. Это — что называютъ французы des scénes à tiroir!“

„Отечественныя Записки“ (1842), въ безыменной рецензіи, отмѣтили и художественное, вѣрное дѣйствительности изображеніе жизни въ „Женитьбѣ“, и проникающій эту пьесу своеобразный юморъ, смѣшеніе веселости съ грустью. „Эта фигура Подколесина, фигура самая апатичная, истощенная и истощенная не въ какихъ-нибудь бойкихъ страстяхъ, а, говоря языкомъ Гоголя, чортъ знаетъ въ какихъ — типъ чрезвычайно жизненный! Ну, что тутъ кажется такое? Молодой человѣкъ, надворный совѣтникъ, хочетъ жениться, рѣшился, и потомъ отдумалъ — и событіе неважное, и положеніе весьма комическое — чудакъ и только! Но отчего вы не можете смѣяться, глядя на этого чудака, и даже, напротивъ, вамъ становится грустно? Оттого, что Подколесинъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни будетъ точно такимъ же: одни побужденья, а не дѣло“.

Бѣлинскій [1] далъ, главнымъ образомъ, сжатыя характеристики дѣйствующихъ лицъ. Особенно интересенъ отзывъ о Подколесинѣ. „Подколесинъ — не просто вялый и нерѣшительный человѣкъ съ слабою волею, которымъ можетъ всякій управлять: его нерѣшительность, преимущественно, высказывается въ вопросѣ о женитьбѣ. Ему страхъ какъ хочется жениться, но приступить къ дѣлу онъ не въ силахъ. Пока вопросъ идетъ о намѣреніи, Подколесинъ рѣшителенъ до героизма; но чуть коснулось исполненія — онъ труситъ. Это — недугъ, который знакомъ слишкомъ многимъ людямъ, поумнѣе и пообразованнѣе Подколесина. Въ характерѣ Подколесина авторъ подмѣтилъ и выразилъ черту общую, слѣдовательно, идею. Подколесинъ покоряется одному Кочкареву, потому что тотъ нахалъ, которому не уступить — значитъ рѣшиться на исторію, конечно, не опасную, но зато неприличную, а одно стоитъ другого“.

Заканчиваетъ онъ свою рецензію словами: „Сколько юмора, какіе характеры, какая типическая вѣрность натурѣ!“.

Внимательный анализъ первоначальныхъ набро

---

[1] Соч., VII, 443–446.

сковъ и позднѣйшихъ редакцій „Женитьбы“ привелъ г. Шенрока [1] къ выводу, что пьеса эта „не только имѣла самое близкое отношеніе. преимущественно, къ двумъ повѣствовательнымъ произведеніямъ первоначальной поры творчества Гоголя („Ночь передъ Рождествомъ“ и „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“), но даже перерабатывалась и постепенно сложилась именно подъ вліяніемъ тѣхъ художественныхъ образовъ, которые возникали въ фантазіи автора при одновременныхъ трудахъ надъ нѣсколькими занимавшими его сюжетами“.

„Сличеніе удостовѣряетъ, что въ первоначальномъ замыслѣ автора совершенно отсутствовало представленіе о будущей роли Подколесина, явившагося позднѣе главнымъ дѣйствующимъ лицомъ пьесы, а также не возникло еще и мысли о перенесеніи дѣйствія изъ малороссійской помѣщичьей среды въ сферу столичныхъ купчихъ и чиновниковъ. Очевидно, всѣ эти перемѣны — позднѣйшаго происхожденія и вызваны впечатлѣніями жизни автора въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, какъ „Женихи“ соотвѣтствуютъ малороссійскимъ повѣстямъ, такъ „Женитьба“ примыкаетъ уже къ т. н. повѣстямъ петербургскимъ. Здѣсь мы имѣемъ, слѣдовательно, любопытный примѣръ видоизмѣненія подробностей художественнаго замысла въ зависимости отъ чисто мѣстныхъ условій, въ разное время окружавшихъ автора“.

Какъ Подколесинъ выработался изъ Шпоньки, такъ нѣкоторыя черты и роль его тетушки перешли къ Кочкареву, а Авдотья Гавриловна первоначальной редакціи возникла не безъ вліянія образовъ Хиври и Солохи, чтобы потомъ переработаться въ типъ застѣнчивой и робкой купеческой невѣсты, Агафьи Тихоновны. Перемѣна обстановки пьесы, можетъ быть, была вызвана и другой причиной — изученіемъ нашихъ комедій XVIII вѣка. Въ построеніи ея, впрочемъ, довольно обычномъ, Ждановъ увидѣлъ не безъ основанія сходство съ такими произведеніями, какъ „Именины госпожи Ворчалкиной“ или „Чудаки“ Княжнина. Агаѳья Тихоновна и Старковъ, можетъ быть, отчасти навѣяны купеческими типами ранней нашей комедіи („Гостиный дворъ“ Матинскаго, „Сидѣлецъ“ Плавильщикова и пр.). Препирательство Анучкина и Яичницы („Мужъ долженъ быть утонченный... Да, утонченный и собою поплотнѣе“) напомнило г. Шенроку извѣстное мѣсто „Недоросля“: „Коль есть въ глазахъ дворянинъ, малый молодой“... „Изъ ребятъ давно уже вышелъ“. . „У кого достаточекъ хоть и небольшой“ и пр.

[1] Матеріалы, II, 324 — 343.

Съ другой стороны, къ „Женитьбѣ“ непосредственно примыкаетъ серія комедій Островскаго изъ купеческаго быта („Не въ свои сани не садись“ и т. д.), а въ Старковѣ и теткѣ Агаѳьи Тихоновны какъ бы мелькаетъ прообразъ будущихъ Русакова, Бородкина и старухи Торцовой.

Своеобразной чертой „Женитьбы“, рѣзко отдѣлявшей ее отъ предшествующихъ комедій, было отсутствіе положительныхъ типовъ, „резонеровъ“ и прямолинейнаго возвеличенія, обязательнаго „торжества“ добродѣтели. Сантиментализмъ вообще и старая „слезная комедія“ въ частности любили искать въ среднемъ кругу, въ противоположность развращенному высшему классу, торжество семейныхъ добродѣтелей. Гоголь нашелъ въ немъ профанацію самой идеи брака, превращеніе его въ пошлую или смѣшную сдѣлку. „Вмѣсто любви — чувственность, вмѣсто союза умовъ и сердецъ — инвентарь приданаго и доходовъ, вмѣсто уваженія къ личности — погоня за званіемъ и общественнымъ положеніемъ“ [1].

„Женитьба“ названа авторомъ „совершенно невѣроятнымъ событіемъ“, и къ этому названію поразительной по своей пошлости картины сватовства отъ нечего дѣлать, кажется, ничто такъ не подходитъ, какъ Гоголевское же восклицаніе надъ Плюшкинымъ: „И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? — Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ“ [2].

Въ „Женитьбѣ“ Гоголь слегка пересолилъ въ компановкѣ положеній, въ какія онъ поставилъ дѣйствующихъ лицъ своей комедіи. Ихъ, встрѣчающихся въ жизни въ розницу, онъ собралъ въ кучу и въ одномъ мѣстѣ. Но авторъ въ свое оправданіе можетъ сказать, что старый порядокъ смотринъ жениховъ или невѣсты— предлогъ вполнѣ законный для разныхъ необычныхъ встрѣчъ. Агаѳья Тихоновна сама требовала разнообразія, и потому сваха могла обратить ея гостиную на нѣкоторое время въ выставку всякихъ рѣдкостей... При всей невинности своего содержанія, „Женитьба“ не лишена общественнаго смысла. Комедія много выиграла отъ переноса мѣста дѣйствія изъ Малороссіи въ Петербургъ. Бесѣды съ артистами Сосницкимъ и Щепкинымъ помогли Гоголю въ обрисовкѣ мало ему знакомаго купеческаго быта, а петербургская обстановка, съ своей сто-

---

[1] Бокадоровъ, комедіи Гоголя, Памяти Гоголя, Кіевъ, 1902, стр. 275—276.

[2] Лобода, комедіи Гоголя, ib., стр. 300.

роны, позволила ему ввести въ комедію рядъ типовъ, появленіе которыхъ въ малороссійской усадьбѣ было бы мало правдоподобно. Въ общемъ, эта комедія — сборище какихъ то чудаковъ, цѣлая кунсткамера. Если припомнить, однако, каковъ былъ въ тѣ времена уровень духовныхъ интересовъ и потребностей мелкаго чиновничества, купечества и вообще средняго люда, то такое собраніе не должно поражать насъ своей вычурной внѣшностью. Всѣ эти лица — историческіе документы. Каждый изъ нихъ — представитель извѣстнаго сословія, и авторъ съ умысломъ набралъ дѣйствующихъ лицъ изъ разныхъ круговъ общества. Здѣсь и купцы, и чиновники, и военные. Всѣ они, за исключеніемъ гостинодворца Старкова — коренного русака, котораго затѣмъ такъ возвеличилъ Островскій, — до нельзя смѣшны и нелѣпы въ своемъ міросозерцаніи; всѣ они люди жалкіе, но не дурные... И всѣми этими обиженными Богомъ людьми вертитъ и крутитъ Кочкаревъ, — натура, безспорно, энергическая, но съ однимъ очень часто встрѣчающимся недостаткомъ, съ отсутствіемъ мысли о томъ, „что изъ всего этого выйдетъ“. Ему лишь бы дѣйствовать и суетиться, а какъ на другихъ его суета отзовется, до этого ему дѣла мало: онъ доволенъ, что вмѣшался, что самъ на виду, и въ этой суетѣ безъ разсчета и плана все его самоудовлетвореніе... И рядомъ съ нимъ — его застѣнчивый спутникъ Подколесинъ, этотъ родной братъ Обломова, безъ стремленій, безъ желаній, съ одной лишь мыслью, чтобы скорѣй прошелъ день, который безконечно тянется. Этого человѣка ничѣмъ не побудишь къ дѣйствію, онъ со своей флегмой и пассивностью устоитъ противъ всякихъ доводовъ разума или обольщеній мечты; жизнь для него — дремота въ сумерки. И никто и ничто его отъ этого полусна не пробудитъ. Вскипѣть и заторопиться на мгновеніе — онъ можетъ, но лишь затѣмъ, чтобы сейчасъ же впасть въ отчаяніе страха передъ поступкомъ. Таковы дѣйствующія лица этой веселой комедіи. Насмѣявшись вдоволь, зритель можетъ, однако, задуматься: сколько сѣрыхъ, томительно скучныхъ и глупыхъ людей увидитъ онъ тогда передъ собой, людей, которые осуждены влачить жизнь безъ всякаго смысла, и для которыхъ все спасеніе — въ отсутствіи сознанія своего духовнаго нищенства. Если же подумать, для сколькихъ людей въ Россіи жизнь Жевакиныхъ, Анучкиныхъ, Яичницъ и Подколесиныхъ была существованіемъ нормальнымъ, а, можетъ быть, и неизбѣжнымъ, то могло стать и страшно“ [1].

[1] Котляревскій, Гоголь, стр. 259—261.

III.

Время созданія „Игроковъ“ не можетъ быть опредѣлено съ точностью. Въ первомъ собраніи своихъ сочиненій Гоголь помѣстилъ ихъ въ числѣ „драматическихъ отрывковъ и отдѣльныхъ сценъ съ 1832 по 1837 годъ“. Въ 1842 году Н. В. писалъ Прокоповичу, завѣдывавшему этимъ изданіемъ: „Я немного замедлилъ отсылкою остальныхъ статей. Но нельзя было никакъ: столько нужно было сдѣлать разныхъ поправокъ. Посылаемую нынѣ — „Игроки“ насилу собралъ: черновые листы такъ были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мнѣ работу страшную разбирать“.

Въ бумагахъ Гоголя сохранилось нѣсколько сценъ „Игроковъ“, набросанныхъ, по мнѣнію Тихонравова, до отъѣзда Н. В. изъ Петербурга, т. е. до 6 іюня 1836 г. Начата была эта піеса, повидимому, около этого времени и окончена уже за границей. При печатаніи она въ незначительной степени подверглась „очисткѣ“.

Въ Петербургѣ „Игроки“ были поставлены одновременно съ „Женитьбой“. Представлялъ ихъ въ цензуру Щепкинъ, которому Гоголь подарилъ рядъ піесъ для бенефисовъ [1].

Постановка ихъ вызвала нѣсколько рецензій. „Репертуаръ и Пантеонъ“ (1843, VI) отмѣтилъ замѣчательное искусство Гоголя въ развитіи фабулы, разработанной такимъ образомъ, что зрители до самаго конца не угадываютъ развязки.

Свой отзывъ Бѣлинскій (Соч., т. VII, стр. 460—464) началъ такими словами: „Драматическіе опыты Гоголя представляютъ собою какое то исключительное явленіе въ русской литературѣ. Если не принимать въ соображеніе комедіи Фонвизина, бывшія въ свое время исключительнымъ явленіемъ, и „Горе отъ ума“, тоже бывшее исключительнымъ явленіемъ въ свое время, — драматическіе опыты Гоголя среди драматической русской поэзіи съ 1835 года до настоящей минуты — это Чимборозо среди низменныхъ, болотистыхъ мѣстъ, зеленый и роскошный оазисъ среди песчаныхъ степей Африки. Послѣ повѣстей Гоголя съ удовольствіемъ читаются повѣсти и нѣкоторыхъ другихъ писателей, но послѣ драматическихъ піесъ Гоголя ничего нельзя ни читать, ни смотрѣть на театрѣ. И между тѣмъ только „Ревизоръ“ имѣлъ огромный успѣхъ, а „Женитьба“ и „Игроки“

[1] Отчетъ Публичной Библ. на 1889 г., стр 52. О московской постановкѣ „Игроковъ“ см. „Клочки воспоминаній“ Стаховича (М., 1904, стр. 77—89).

были приняты или холодно, или даже съ непріязнію. Не трудно угадать причину этого явленія: литература наша хотя и медленно, но все же идетъ впередъ, а театръ давно уже остановился на одномъ мѣстѣ. Публика читающая и публика театральная — это двѣ совершенно различныя публики, ибо театръ посѣщаютъ и такіе люди, которые ничего не читаютъ и лишены всякаго образованія. У Александринскаго театра своя публика, съ собственною физіономіею, съ особенными понятіями, требованіями, взглядомъ на вещи". Въ концѣ рецензіи онъ говоритъ: „Это произведеніе, по своей глубокой истинѣ, по творческой концепціи, художественной отдѣлкѣ характеровъ, по выдержанности въ цѣломъ и въ подробностяхъ, не могло имѣть никакого смысла и интереса для бо́льшей части публики Александринскаго театра".

Основанные на „старинномъ анекдотѣ", „Игроки" дали удивительно яркую картину изъ жизни тогдашнихъ „рыцарей зеленаго стола".

„Комедія не выдумана, а создана на основаніи разсказовъ о дѣйствительныхъ продѣлкахъ разныхъ шулеровъ и мошенниковъ [1]. Разсказы о такихъ продѣлкахъ попадались часто въ современной Гоголю литературѣ. Рѣдкій романъ нравовъ обходился безъ нихъ, и всевозможные господа Плутяговичи, Змейкины, Шурке стали скоро традиціонными типами. Жертвами ихъ бывали обыкновенно либо вертопрахи, либо довѣрчивые честные люди, либо разоренные дворяне, загнанные нуждой въ игорные дома. Картежный шулеръ попадалъ такимъ образомъ въ свиту многочисленныхъ злодѣевъ, искушающихъ людскую добродѣтель, нерѣдко торжествующихъ надъ нею, и все это затѣмъ, чтобы автору дать возможность прочитать подобающее наставленіе. Заслуга Гоголя заключалась въ томъ, что онъ эту шаблонную тему развилъ необычайно жизненно и съ неподражаемымъ остроуміемъ, что онъ одинъ общій типъ сумѣлъ представить въ нѣсколькихъ варіаціяхъ, одинаково правдивыхъ, а главное, что онъ избѣгъ всякой морали, исключивъ изъ числа дѣйствующихъ лицъ прежняго героя — „пострадавшаго": нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, назвать пострадавшимъ человѣка, который въ компаніи мошенниковъ сплоховалъ, будучи самъ первымъ червоннымъ валетомъ. Въ „Игрокахъ" описано не состязаніе хитрости и слабодушной простоты, порока и добродѣтели, а состязаніе семи жуликовъ-артистовъ, которое кончается самоуничтоженіемъ одного изъ самыхъ

[1] Срв. „Аделаиду Ивановну" Ихарева и завѣтную колоду Ноздре

опасныхъ, по мнѣнію Гоголя, пороковъ, именно — плутовства“ [1].

Но это „самоуничтоженіе“, неожиданно раскрывшееся передъ зрителями, придало піесѣ и глубокій нравственный смыслъ, а безсильное взываніе попавшаго впросакъ „червоннаго валета“ къ закону далеко выдвинуло „Игроковъ“ за предѣлы драматизированнаго анекдота.

IV.

На сюжетъ „Альфреда“ натолкнуло Гоголя чтеніе студентамъ лекцій по исторіи Англіи, въ половинѣ 1835 г. Изученіе историческихъ источниковъ затронуло творческую фантазію и привело къ созданію драматическихъ сценъ, къ сожалѣнію, не вылившихся въ цѣлую обработанную піесу.

„Наилучшимъ въ этомъ отрывкѣ было именно то, что Гоголь возсоздалъ на основаніи своего художественнаго проникновенія, и положительно слабо — все, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ изученію историческихъ источниковъ, все, что касается частностей и деталей. Въ чемъ же сказалось въ дошедшихъ до насъ наброскахъ драмы обычное мастерство Гоголя, какъ не въ томъ, что онъ съ необыкновенной яркостью нарисовалъ передъ нами картину ожиданія толпой прибытія корабля, на которомъ долженъ пріѣхать Альфредъ? Здѣсь искусно схвачено и передано настроеніе уличной толпы, живо обрисованы ея дѣтское любопытство, невѣжественныя понятія, легковѣріе и наклонность къ спорамъ. Если припомнить, что всѣ написанныя Гоголемъ сцены „Альфреда“ представляютъ, такъ сказать, брульонъ, рядъ черновыхъ набросковъ, то придется признать, что уже въ нихъ много чудной жизни, много проблесковъ истиннаго таланта... Приступая къ созданію драмы съ историческимъ сюжетомъ, онъ, по давно усвоенному обыкновенію, прежде всего изображалъ обыденныя бытовыя сцены, уже воспроизведенныя его воображеніемъ въ иномъ случаѣ, — и эти сцены обѣщали быть самыми удачными, а, съ другой стороны, старался усиленно пользоваться историческимъ матеріаломъ, заботясь включить въ тѣ же тѣсныя рамки драмы все существенное, могущее характеризовать бытъ двухъ народовъ, подлежавшихъ изображенію въ піесѣ, и эти то элементы піесы представляются намъ значительно болѣе слабыми, но не по замыслу, а по исполненію. Если въ университетскихъ лекціяхъ пріемъ торопливаго исчерпыванія всего

[1] Котляревскій, стр. 257.

яркаго, характернаго и существеннаго въ одной-двухъ лекціяхъ, передававшихъ общія свѣдѣнія, за которыми предполагался хорошо обработанный дальнѣйшій научный матеріалъ, при отсутствіи достаточныхъ познаній у Гоголя ставилъ его въ ложное положеніе, вынуждая его угощать слушателей продолжительнымъ постомъ послѣ минутнаго банкета, — то здѣсь, въ драмѣ, представляющей собою законченный трудъ, напротивъ, такой пріемъ былъ какъ нельзя болѣе умѣстенъ. Такъ Гоголь и намѣревался поступить, но осуществилъ это только съ умѣреннымъ успѣхомъ. Правда, въ первыхъ сценахъ онъ сумѣлъ искусно и безъ малѣйшей натяжки немногими штрихами познакомить зрителей съ католическимъ представленіемъ о величіи и могуществѣ Рима и папы, живо изобразилъ смутное и крайне невѣжественное представленіе простонародья о Римѣ и чужихъ краяхъ и, наконецъ, вѣрно очертилъ враждебныя отношенія англосаксовъ къ датчанамъ. Такъ же въ слѣдующей затѣмъ группѣ сценъ, счастливо избѣгая неумѣстной и черезчуръ прозрачной симметріи, поэтъ съ большой заботливостью изображаетъ передъ нами религіозныя представленія и національный духъ норманновъ: ихъ дерзкую отвагу, воинственность, безпредѣльную преданность свободной жизни, пренебреженіе къ бурямъ и опасностямъ и проч. Словомъ, здѣсь мы снова видимъ собранными, въ сжатомъ видѣ, все тѣ черты, которыя въ совокупности должны были ярко и полно очертить образъ жизни и характеры обѣихъ націй. Жаль только, что Гоголь... стараясь представить вполнѣ вѣрную дѣйствительности обстановку со всѣми ея историческими и національными чертами, слишкомъ переполнилъ и обременилъ піесу соотвѣтствующими времени и мѣсту терминами и названіями, отъ чего она неизбѣжно становится скучной и утомительной для чтеніи. Здѣсь творчество измѣнило Гоголю, и мѣсто яркихъ картинъ заступила сухая номенклатура“ [1].

V.

Надъ „Ревизоромъ“ Гоголь началъ работать съ половины 1834 г. Окончательно текстъ піесы былъ отдѣланъ только въ 1842 году. Такимъ образомъ, понадобилось 8 лѣтъ упорной творческой работы, чтобы превратить разсказанный Пушкинымъ анекдотъ въ лучшую нашу общественную комедію.

Съ „Ревизоромъ“ росъ самъ Гоголь: отъ первоначальныхъ набросковъ съ ходячими анекдотами о куро-

[1] Шенрокъ, Матеріалы, II, стр. 239—241.

паткѣ и перепелкахъ, чертами внѣшняго комизма (Хлестаковъ, напр., при дамахъ кладетъ ноги на столъ), узкимъ трактованіемъ типа Хлестакова до „перла созданія“ послѣдней редакціи — „дистанція огромнаго размѣра“.

Кирпичи на зданіе пошли старые и новые. Ихъ прочно скрѣпилъ геній Гоголя.

Первоначальный толчокъ, по свидѣтельству самого Н. В., былъ данъ Пушкинымъ. Гоголь несомнѣнно самъ слышалъ о самозванцахъ-ревизорахъ, явленіи специфически-русскомъ, выросшемъ на почвѣ общаго безправія и пришибленности личности: придавленная личность, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, выпрямлялась, и Пугачовъ превращался въ „Петра Ѳеодоровича“; перешедшіе за черту, отдѣлявшую приниженный разумъ отъ свободнаго безумія, Поприщины — въ Фердинандовъ испанскихъ, — Хлестаковы — въ партнеровъ министровъ и посланниковъ. И если она выпрямилась, въ атмосферѣ общей закоренѣлой пришибленности передъ нею преклонялось все, или почти все. Могъ знать Н. В. и піесу Квитки-Основьяненко (1828 г.): „Пріѣзжій изъ столицы“, которая ходила тогда по рукамъ въ спискахъ: въ „Ревизорѣ“ есть кой-какія ея реминисценціи [1]. Пушкинъ, можетъ быть, обратилъ вниманіе Гоголя на новый варіантъ этой старой исторіи [2]: безсознательность, „призрачность“ ревизорской роли Хлестакова, которая еще больше подчеркнула нравственную идею піесы. Впрочемъ, значеніе этой „призрачности“ уяснилось для Гоголя не сразу: она выдвигается на первый планъ только въ позднѣйшихъ редакціяхъ комедіи. Несомнѣнно то, что именно Пушкинъ натолкнулъ Н. В. на этотъ сюжетъ. Въ „Авторской исповѣди“ сказано вполнѣ опредѣленно: „мысль „Ревизора“ принадлежитъ также ему“ — Пушкину. Въ 1851 г. Н. В. сказалъ Бодянскому [3]: первую идею къ „Ревизору“ подалъ мнѣ Пушкинъ, разсказавъ о Павлѣ Свиньинѣ, какъ онъ въ Бессарабіи выдавалъ себя за какого то петербургскаго важнаго чиновника, и только, зашедши ужъ далеко — сталъ было брать прошенія отъ колодниковъ — былъ остановленъ“. Кулишу Бодянскій передавалъ это такъ: „поводъ къ со-

---

[1] См. Волковъ, „Къ исторіи русской комедіи“, I, Спб., 1899.

[2] Въ 1894 г. г. Томинъ напечаталъ въ „Уфимскихъ Губ. Вѣд.“ (5 августа) ничѣмъ, впрочемъ, не обоснованное, кромѣ голословнаго утвержденія, извѣстіе о „Ревизорѣ“, комедіи въ 5 дѣйствіяхъ, изъ сибирской жизни, въ стихахъ, сочиненій Жукова 1796 г.“, по содержанію совпадающемъ будто бы съ „Ревизоромъ“ Гоголя. Дальнѣйшихъ подтвержденій этого извѣстія не было.

[3] Барсуковъ, Погодинъ, XI, 522.

чиненію „Ревизора“ было истинное происшествіе, случившееся... въ Бессарабіи съ П. Свиньинымъ и разсказанное мнѣ его близкими родственниками“ [1]. Пушкинъ самъ, повидимому, первоначально собирался разработать этотъ сюжетъ и хотѣлъ воспользоваться и другими случаями, въ томъ числѣ однимъ изъ собственной жизни. Послѣдній интересенъ тѣмъ, что могъ дать Гоголю идею безсознательнаго самозванства.

По свидѣтельству гр. Сологуба [2], „Пушкинъ познакомился съ Гоголемъ и разсказалъ ему про случай, бывшій въ городѣ Устюжнѣ, Новгородской губерніи, — о какомъ то пріѣзжемъ господинѣ, выдавшемъ себя за чиновника министерства и обобравшемъ городскихъ жителей. Кромѣ того, Пушкинъ, самъ будучи въ Оренбургѣ, узналъ, что о немъ получена гр. В. А. Перовскимъ секретная бумага, въ которой послѣдній предостерегался, чтобъ былъ остороженъ, такъ какъ исторія Пугачевскаго бунта была только предлогомъ, а поѣздка Пушкина имѣла цѣлью обревизовать секретно дѣйствія оренбургскихъ чиновниковъ. На этихъ двухъ данныхъ задуманъ былъ „Ревизоръ“, коего Пушкинъ называлъ себя всегда „крестнымъ отцомъ“. Изъ чьихъ то неизданныхъ записокъ г. Бартеневъ (ib., стр. 744—745) привелъ дополнительныя данныя: „въ поѣздку свою въ Уральскъ, для собранія свѣдѣній о Пугачевѣ, въ 1833 году, Пушкинъ былъ въ Нижнемъ, гдѣ тогда губернаторомъ былъ М. П. Б. Онъ прекрасно принялъ Пушкина, ухаживалъ за нимъ и вѣжливо проводилъ его. Изъ Нижняго Пушкинъ поѣхалъ прямо въ Оренбургъ, гдѣ командовалъ его давнишній пріятель, гр. В. А. Перовскій. Пушкинъ у него и остановился. Разъ они долго сидѣли вечеромъ. Поздно утромъ Пушкина разбудилъ страшный хохотъ. Онъ видитъ: стоитъ Перовскій, держитъ письмо въ рукахъ и заливается хохотомъ. Дѣло въ томъ, что онъ получилъ письмо отъ Б. изъ Нижняго, содержанія такого: „у насъ недавно проѣзжалъ Пушкинъ. Я, зная, кто онъ, обласкалъ его, но, должно признаться, никакъ не вѣрю, чтобы онъ разъѣзжалъ за документами о Пугачевскомъ бунтѣ: должно быть, ему дано тайное порученіе собирать свѣдѣнія о неисправностяхъ. Вы знаете мое къ вамъ расположеніе: я почелъ долгомъ вамъ посовѣтовать, чтобъ вы были осторожнѣе“ и пр. Тогда Пушкину пришла идея написать комедію „Ревизоръ“. Онъ сообщилъ послѣ объ этомъ Гоголю, разсказывалъ

---

[1] Сборникъ Общ. Люб. Рос. Слов. на 1891 г., стр. 118.
[2] „Русскій Архивъ“, 1865, стр. 744.

нѣсколько разъ другимъ и собирался самъ что то написать въ этомъ родѣ".

Въ 1835 г. Гоголь просилъ въ письмѣ Пушкина: „Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь смѣшной или не смѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать, тѣмъ временемъ, комедію". Вѣроятно, отвѣтомъ на подобную предшествующую просьбу и была уступка сюжета „Ревизора" — „чисто русскаго анекдота".

Сюжетъ развернулся для автора не сразу. Понадобились долгіе годы упорной работы. Съ развитіемъ комедіи росъ и Гоголь. „Анекдотъ" раздвинулся въ глубокую общественную комедію, чтобы потомъ сузиться въ мистико-дидактическую аллегорію...

Трудно учесть всѣ элементы сложнаго труда: тутъ и „сокъ нервовъ" болѣзненно впечатлительнаго художника, и отраженія наиболѣе яркихъ сторонъ нашей общественности, и литературныя реминисценціи, и даже своеобразные отголоски случайнаго сцѣпленія фактовъ.

По свидѣтельству Алексѣева (Воспом. актера, М., 1894, стр. 50), упоминаніе о Прохоровѣ, котораго „привезли по утру мертвецки", внесено Гоголемъ въ текстъ піесы во время одной изъ репетицій, когда такъ именно аттестовали, отсутствовавшаго вслѣдствіе запоя, мелкаго актера Прохорова.

Въ лганьѣ Хлестакова „слышатся отголоски хвастовства Маскариля въ „Жеманницахъ", а въ чтеніи письма... — такой же сцены въ „Мизантропѣ" [1]. То же чтеніе довольно близко напоминаетъ сцену изъ комедіи XVIII в. „Свадьба Промоталова" [2], „Добраго малаго" Загоскина и „Пирогъ" Крылова [3], какъ „Нѣмая сцена" Гоголя — подобную же сцену комедіи Клушина „Смѣхъ и горе" [4], какъ эффектъ объявленія Хлестакова женихомъ дочери городничаго — одну изъ сценъ комедіи Нарѣжнаго „Заморскій принцъ", какъ Осипъ — Федьку „Студента" Грибоѣдова и Катенина, какъ отдѣльныя детали „Ревизора" вообще — „Пріѣзжаго изъ столицы" Квитки-Основьяненка.

Возможныя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже несомнѣнныя книжныя реминисценціи, сознательныя и безсознательныя, вмѣстѣ съ яркими отраженіями жизни были органически переработаны въ горнилѣ геніальнаго творчества.

Первые наброски „Ревизора" съ длиннотами, коми-

[1] Веселовскій, Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, М., 1906, стр. 192.

[2] Ѳоминъ, Старое въ новомъ. „Русская Мысль", 1893, II, 25.

[3] Изд. „Просвѣщенія", т. I, стр. 475—476.

[4] Ѳоминъ, стр. 25.

ческимъ пересоломъ мѣстами и поверхностнымъ еще трактованіемъ типа Хлестакова, относятся къ концу 1834 и началу 1835 гг. Они совпали съ внутреннимъ переломомъ въ Гоголѣ, столь ярко обрисованнымъ въ „Авторской исповѣди“, началомъ „новой жизни“, когда въ немъ замирала „потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами“, когда его, просвѣтленнаго художника и человѣка, „волновали уже не дѣтскія мысли, но мысли высокія, исполненныя истины, наводившія на него божественныя минуты“. Гоголь писалъ: „Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно... Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ я смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная, зачѣмъ. Если смѣяться, такъ уже лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго. Въ „Ревизорѣ“ я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надо всѣмъ. Но это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозь смѣхъ, который никогда еще во мнѣ не проявлялся въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть. Я самъ почувствовалъ, что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами“.

Положимъ, отголоски этой „потребности“ не совсѣмъ еще исчезли въ первоначальной редакціи. Куль съ перепелками, подъ которыми оказался поручикъ, справедливо напомнилъ Тихонравову мѣшки Солохи. Высѣченная унтеръ-офицерская жена собиралась даже „показать знаки“ Хлестакову, и тотъ долженъ былъ поторопиться съ словами: „не нужно, не нужно! я тебѣ и безъ того вѣрю“. Комильфотный позднѣе Иванъ Александровичъ въ ранней редакціи кладетъ ноги на столъ и, между прочимъ, заявляетъ: „право не знаю знать (sic), что такое комедія. Это, вѣрно, звѣрь какой-нибудь или чиновникъ?.. А, теперь вспомнилъ: комедія — это все равно, что артиллерія“.

Въ теченіе 1835 г. „Ревизоръ“ освободился почти отъ всѣхъ „излишествъ и неумѣренности“ и сталъ уже превращаться въ „созданіе плотное и твердое“. Но все еще Гоголь не рѣшался его „отдать на театръ“. Онъ выбрасываетъ сцены, сокращаетъ длинноты, вноситъ рядъ мелкихъ поправокъ и дополненій въ текстъ. Пригото-

вленная для театральной цензуры рукопись, вторая редакція піесы, вся была испещрена вставками и сокращеніями. Только 4 декабря 1835 г. была готова третья редакція, которую Н. В. счелъ возможнымъ отдать на театръ и въ печать. Ходатайство Жуковскаго и гр. Віельгорскаго помогло комедіи благополучно пройти чрезъ цензурныя „тѣснины“: понадобилось вмѣшательство Николая Павловича. Цензоръ все же смягчилъ или зачеркнулъ рядъ отдѣльныхъ фразъ, показавшихся ему неприличными или слишкомъ свободными. И самъ Гоголь въ январѣ 1835 г. заявилъ, что „долженъ непремѣнно, какъ увидѣлъ теперь, передѣлать нѣсколько явленій“, и въ теченіе февраля „безпрестанно переправлялъ“. Цензорамъ печатнаго и театральнаго текстовъ (они сразу рѣзко разошлись по условіямъ того времени) приходилось считаться съ новыми и новыми поправками.

Первый подвергался меньшимъ измѣненіямъ, чѣмъ второй: въ сценическій рукописный текстъ легче было ихъ вносить; его переработкѣ самъ авторъ придавалъ больше значенія, потому что „драма живетъ на сценѣ“; театральная цензура тогда была строже общей. Гоголь собрался предпослать своей піесѣ такое объясненіе: „точно такъ же какъ драматическій писатель, сочиняя драму, взятую изъ жизни, долженъ помышлять о томъ, чтобы изобразить въ ней природу нѣсколько благороднѣй и чище, чѣмъ какъ она есть въ дѣйствительности, такъ же точно должны стараться актеры о томъ, чтобы представить ими созданныя лица какъ бы благороднѣй и чище, чѣмъ они есть: иначе зачѣмъ и представлять піесу? Она будетъ всегда пріятнѣй въ чтеніи. Никогда не нужно позабывать того, что всякая рѣзкость становится еще рѣзче и очевиднѣй въ представленіи. Поэтому то самому и цензура театральная бываетъ строже той, какая бываетъ для книгъ, назначаемыхъ для простого чтенія“. Получивъ, такимъ образомъ, окончательную обработку одновременно, печатный и театральный текстъ разошлись рѣзко и надолго (въ Петербургѣ до 1870 г., въ Москвѣ до 1882).

Первое представленіе „Ревизора“ состоялось въ Петербургѣ 19 апрѣля 1836 года[1]. Инспекторъ репертуара россійской труппы занесъ въ свой дневникъ[2]: „Государь императоръ съ наслѣдникомъ внезапно изволили присутствовать и былъ чрезвычайно доволенъ, хохоталъ отъ всей души“. Со словъ Щепкина Бурдинъ записалъ

[1] См. Тимофеевъ, По поводу 50-лѣтія перваго представленія комедіи „Ревизоръ“, М., 1886.

[2] „Рус. Старина“, 1879, II, 348.

такой разсказъ самого Гоголя о разрѣшеніи комедіи [1]: „вотъ какъ былъ пропущенъ „Ревизоръ".

Жуковскій, покровительствовавшій Гоголю, однажды сообщилъ государю, что молодой талантливый писатель, Гоголь, написалъ замѣчательную комедію, въ которой съ безпощаднымъ юморомъ клеймитъ провинціальную администрацію и съ рѣдкой правдой и комизмомъ рисуетъ провинціальные нравы и общество. Государь заинтересовался. „Если вашему величеству", сказалъ тогда Жуковскій, „будетъ угодно въ минуты досуга ее послушать, то я ее прочелъ бы вамъ". Государь охотно согласился. Съ удовольствіемъ выслушалъ комедію, смѣялся отъ души и приказалъ поставить на сценѣ. Послѣ представленія онъ будто бы сказалъ [2]: „всѣмъ досталось, а мнѣ больше всѣхъ".

Анненковъ далъ яркое описаніе общаго впечатлѣнія этого знаменательнаго въ лѣтописяхъ русскаго театра событія [3]: „уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова), словно никто не зналъ, какъ должно думать о картинѣ, только что представленной. Недоумѣніе это возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостію. Однакоже, въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной истины, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ.

Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ, по временамъ, еще перелеталъ изъ одного конца залы въ другой, но это былъ какой то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; апплодисментовъ почти совсѣмъ не было; зато напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію, другіе за то, что виденъ талантъ въ

---

[1] „Истор. Вѣстн.", 1886, I, 145—146.

[2] Вольфъ, Хроника спб. театровъ, I, 50: „Рус. Старина", 1888, IV, 228.

[3] Ib., стр. 193.

нѣкоторыхъ сценахъ, простая публика за то, что смѣялась, но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: „это — невозможность, клевета и фарсъ“. По окончаніи спектакля, Гоголь явился къ Н. Я. Прокоповичу въ раздраженномъ состояніи духа. Хозяинъ вздумалъ поднесть ему экземпляръ „Ревизора“, только что вышедшій изъ печати, со словами: „полюбуйтесь на сынка“. Гоголь швырнулъ экземпляръ на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него, проговорилъ задумчиво: „Господи Боже! Ну, еслибы одинъ, два ругали, ну и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ“...

Даже подавляющему большинству „избранной публики“ „Ревизоръ“ оказался не по плечу: слишкомъ рѣзко и смѣло онъ рвалъ со всѣми устойчивыми традиціями нашей прежней комедіи, слишкомъ жгуче было его общественное содержаніе...

Никитенко отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ подъ 28 апрѣля 1835 г.[1]: „Комедія Гоголя „Ревизоръ“ надѣлала много шуму. Ее безпрестанно даютъ — почти черезъ день. Государь былъ на первомъ представленіи, хлопалъ и много смѣялся. Я попалъ на третье представленіе. Была государыня съ наслѣдникомъ и великими княжнами. Ихъ эта комедія тоже много тѣшила. Государь даже велѣлъ министрамъ ѣхать смотрѣть „Ревизора“. Впереди меня, въ креслахъ, сидѣлъ князь Чернышевъ и графъ Канкринъ. Первый выражалъ свое полное удовольствіе: второй только сказалъ: „стоило ли ѣхать смотрѣть эту глупую фарсу?“ „Многіе полагаютъ, что правительство напрасно одобряетъ эту пьесу, въ которой оно такъ жестоко порицается“.

Слабое пониманіе піесы на первыхъ порахъ указываетъ и Панаевъ[2]: „Ревизоръ“ Гоголя имѣлъ успѣхъ колоссальный, но въ первыя минуты этого успѣха никто даже изъ самыхъ жаркихъ поклонниковъ Гоголя не понималъ вполнѣ значенія этого произведенія и не предчувствовалъ, какой огромный переворотъ долженъ совершить авторъ этой комедіи. Кукольникъ послѣ представленія „Ревизора“ только иронически ухмылялся и, не отрицая таланта въ Гоголѣ, замѣчалъ: „а все-таки это фарсъ, недостойный искусства“.

Головачова-Панаева[3] вспоминаетъ, что „когда ставили „Ревизора“ на сцену, всѣ участвующіе актеры какъ то потерялись; они чувствовали, что типы, выведенные Гоголемъ въ піесѣ, новы для нихъ, и что эту піесу

---

[1] 2 изд., т. I, 1905, стр. 273—274.
[2] Литер. восп., Спб., 1876, стр. 187.
[3] Воспом., Спб., 1890, стр. 23.

нельзя такъ играть, какъ они привыкли разыгрывать на сценѣ свои роли въ передѣланныхъ на русскіе нравы французскихъ водевиляхъ". И авторъ имѣлъ полное основаніе быть недовольнымъ своими исполнителями. „Литераторъ", авторъ идиллій и крупный чиновникъ, В. И. Панаевъ, предлагавшій „надѣть намордникъ" „писакѣ" Бѣлинскому, „приходилъ въ ужасъ отъ того, что „Ревизора" дозволили играть на сценѣ: по его мнѣнію, это была безобразная каррикатура на администрацію всей Россіи, которая охраняетъ общественный порядокъ, трудится для пользы отечества, и вдругъ какой то коллежскій регистраторъ дерзаетъ осмѣивать не только низшій классъ чиновниковъ, но даже самихъ губернаторовъ" [1].

Къ своему краткому извѣстію о первомъ представленіи указанный выше Храповицкій прибавилъ такое собственное разсужденіе: „пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворянъ, чиновниковъ и купечество".

По словамъ Аксакова [2], „на сценѣ комедія имѣла огромный успѣхъ, но въ то же время много надѣлала враговъ Гоголю. Самые злонамѣренные толки раздавались въ высшемъ чиновничьемъ кругу и даже въ ушахъ самого государя". Онъ „самъ слышалъ, какъ извѣстный графъ Толстой — Американецъ — говорилъ при многолюдномъ собраніи въ домѣ Перфильевыхъ, которые были горячими поклонниками Гоголя, что онъ „врагъ Россіи, и что его слѣдуетъ въ кандалахъ отправить въ Сибирь". Въ Петербургѣ было гораздо болѣе такихъ особъ, которыя раздѣляли мнѣніе графа Толстого".

Въ 1876 г. кн. Вяземскій приписалъ къ своей старой (1836 г.) статьѣ о „Ревизорѣ" такія строки [3]: „При появленіи „Ревизора" было... много толковъ и сужденій въ обществѣ и въ журналахъ. Кромѣ самаго литературнаго достоинства ея входила въ разнорѣчивыя соображенія о ней и задняя, затаенная мысль. Комедія была признана многими либеральнымъ заявленіемъ, вродѣ, напр., комедіи Бомарше „Севильскій цырюльникъ", признана за какой то политическій брандскугель, брошенный въ общество подъ видомъ комедіи. Это впечатлѣніе, это предубѣжденіе, разумѣется, должно было раздѣлить публику на двѣ противоположныя стороны, на два лагеря. Одни привѣтствовали ее, радовались ей, какъ смѣлому, хотя и прикрытому нападенію на пре-

[1] Ib., стр. 178.
[2] Мое знакомство съ Гоголемъ, стр. 10.
[3] Соч., II, 274—275.

держащія власти. По ихъ мнѣнію, Гоголь, выбравъ полемъ битвы свой уѣздный городокъ, мѣтилъ выше... Съ этой точки зрѣнія другіе, разумѣется, смотрѣли на комедію, какъ на государственное покушеніе: были имъ взволнованы, напуганы и въ несчастномъ или счастливомъ комикѣ видѣли едва ли не опаснаго бунтовщика... Помню первое чтеніе этой комедіи у Жуковскаго на вечерѣ [1], при довольно многолюдномъ обществѣ. Всѣ внимательно слушали и заслушивались; всѣ хохотали отъ доброй души; никому въ голову не приходило, что въ комедіи есть тайный умыселъ. Тайный умыселъ открыли уже послѣ слишкомъ зоркіе, но вполнѣ ошибочные глаза".

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ онъ писалъ 8 мая 1836 г. Тургеневу [2]: „Прочти „Ревизора" и заключи, сколько толковъ раздаются о немъ. Tout le monde se pique d'être plus royaliste que le roi, и всѣ гнѣваются, что позволили играть эту піесу, которая, впрочемъ, имѣла благосклонный и полный успѣхъ на сценѣ, хотя не успѣхъ общаго одобренія. Неимовѣрно, что за глупыя сужденія слышишь о ней, особенно въ высшемъ ряду общества! „Какъ будто есть такой городъ въ Россіи!" Во-первыхъ, вѣроятно, и есть, а, во-вторыхъ, могъ бы быть, и для комика довольно и этой возможности. Комикъ не историкъ, не статистикъ нравовъ. Комикъ въ нѣкоторомъ отношеніи каррикатурный живописецъ нравовъ, Гогартъ общества, и только. „Какъ не представить хотя одного честнаго, порядочнаго человѣка? Будто ихъ нѣтъ въ Россіи?" Разумѣется, есть, но честный человѣкъ не входитъ въ объемъ плана, который расчертилъ предъ собою авторъ. Вы требуете фасада, а онъ хотѣлъ показать вамъ одинъ уголъ, чтобы тѣмъ сильнѣе сосредоточить les effets de lumière и вниманіе ваше. „D'ailleurs il y a un honnête homme dans la pièce", сказалъ я всенародно, „C'est le gouvernement qui en a autorisé la représentation, car il ne se reconnait pas dans ce tableau, admet l'existenne de ces abus, plus ou moins inhérent à la nature humaine, les reprime quand ils parviennent à la connaissance et la preuve en est dans le titre de la pièce „Ревизоръ", et veut en inspirer le dégoût en les immolant au ridicule et au mépris sur la scène". Кажется, послѣ этого надобно бы замолчать? Куда, кричать пуще прежняго! Козловскій — одинъ изъ малаго числа ратоборцевъ за піесу, Жуковскій, да я, не говоря уже о государѣ, который читалъ ее въ рукописи".

---

[1] Срв. Остафьевскій Архивъ, III, Спб., 1899, стр. 285.
[2] Ib., стр. 317.

Журнальную травлю противъ „Ревизора“ открылъ Булгаринъ („Сѣверная Пчела“, 1836, №№ 97, 98 и 171).

Канва піесы — „не новая и пустѣйшая“, давно использованная всѣми почти европейскими литературами. Подобными недоразумѣніями „лучше всего пользовался Коцебу“. Гоголь „основалъ свою пьесу не на сходствѣ или правдоподобіи, но на невѣроятности или несбыточности“. Зритель недоумѣваетъ, „какимъ чудомъ этотъ городишко, въ которомъ нѣтъ честной души, можетъ держаться на земномъ шарѣ“. Во многихъ сценахъ „нѣтъ даже тѣни правдоподобія“. Это не комедія. „На злоупотребленіяхъ административныхъ нельзя основать настоящей комедіи. Надобны противоположности и завязка, нужны правдоподобіе, натура, а ничего этого нѣтъ въ „Ревизорѣ“. „При недостаткѣ завязки, отсутствіе правдоподобія тѣмъ ощутительнѣе. Проѣзжайте всю Россію вдоль и поперекъ, вы не услышите слова „взятки“. Берутъ, но умно; даютъ еще умнѣе“. „Это презабавный фарсъ, рядъ смѣшныхъ каррикатуръ“. Гоголь — „писатель съ дарованіемъ, если литературный кругъ, къ которому онъ теперь принадлежитъ, его не захвалитъ“. Языкъ у него „слишкомъ отзывается малороссіянизмомъ, въ русскомъ просторѣчіи онъ слабъ и впадаетъ въ непріятныя плоскости (тривіальности)“, даже „цинизмъ въ языкѣ“, „грязныя двусмыслія“. „Покойный Нарѣжный, Пиго-ле-Бренъ и Поль-де-Кокъ, по языку, суть красныя дѣвицы въ сравненіи съ авторомъ „Ревизора“.

Великороссіи эти онъ не знаетъ, а подставляетъ вмѣсто нея Малороссію или Бѣлоруссію.

Сенковскій („Библіотека для чтенія“, 1836, Май) повторяетъ сущность нападокъ Булгарина. Гоголь „не производилъ еще ничего забавнѣе и ничего грязнѣе послѣдняго своего творенія“. Піеса „выходитъ уже изъ предѣловъ самаго грубаго фарса“. Въ ней „нѣтъ никакой идеи“. Ея предметъ — „анекдотъ, старый, всѣмъ извѣстный, тысячу разъ напечатанный, разсказанный и обдѣланный въ разныхъ видахъ и на разныхъ языкахъ“. Въ ней „нѣтъ ни завязки, ни развязки“, нѣтъ и характеровъ, только одна „пошлость анекдота, вдобавокъ и выдуманнаго не въ Россіи“. Піеса значительно выиграла бы, еслибы авторъ внесъ въ нее любовную интригу.

Съ нѣкоторымъ опозданіемъ къ нимъ примкнулъ и, опустившійся, всегда, впрочемъ, плохо понимавшій Гоголя, Полевой („Русскій Вѣстникъ“, 1842, VI). И для него „Ревизоръ“ — „только фарсъ“, въ которомъ „ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни опредѣленныхъ харак-

теровъ"; и по его мнѣнію, Гоголя испортили похвалы пріятелей.

Среднюю позицію, между хулителями и поклонниками Гоголя, попробовалъ занять Серебряный („Литер. Прибавл. къ Рус. инвалиду", 1836, №№ 59—60). Онъ опровергаетъ обвиненія Гоголя въ томъ, что онъ въ своей піесѣ использовалъ избитый и невѣроятный анекдотъ. „Одинъ степной помѣщикъ сказывалъ мнѣ, что въ ихъ именно городкѣ случилось точь въ точь такое же происшествіе; другой, относя это къ своему городку, называлъ мнѣ подлинными, крещеными именами чиновниковъ и чиновницъ, которымъ онъ кланялся, какъ знакомымъ, въ „Ревизорѣ". Типы Гоголя вообще хороши; одинъ Хлестаковъ „ни на что не похожъ; чортъ знаетъ, что такое". Шокируютъ рецензента и допущеныя Гоголемъ „неприличныя выраженія".

Защиту Гоголя взяли на себя „Молва" (1836, № 8), „Московскій Наблюдатель" (1836, VII, статья Андросова) и „Современникъ" (1836, II, статья кн. Вяземскаго, перепечатанная во 2 томѣ полнаго собранія его сочиненій).

„Молва" подчеркиваетъ успѣхъ піесы, несмотря на всѣ журнальныя нападки, и защищаетъ ее съ эстетической и общественной точки зрѣнія. Она высоко ставитъ Гоголя, какъ беллетриста и драматурга: „его оригинальный взглядъ на вещи, его умѣнье схватывать черты характеровъ, налагаютъ на него печать типизма, его неистощимый юморъ — все это даетъ право надѣяться, что театръ скоро воскреснетъ". „Ревизоръ" смѣшонъ только „снаружи": „внутри — это горе-горе-ваньице, лыкомъ подпоясано, мочалами испутано".

Андросовъ первый выдвинулъ общественное значеніе „Ревизора". Какъ всякая истинная комедія, онъ — „или исповѣдь, или жалоба общества", которыя „имѣютъ силу урока, оставляютъ упрекъ на совѣсти и, вмѣстѣ со смѣхомъ, подымаютъ краску стыда въ лицѣ". „Если мы смѣемся надъ взяточникомъ городничимъ или надъ взяточникомъ судьею, значитъ ли, что мы смѣемся надъ благоустройствомъ или правосудіемъ? Это значитъ только то, что мы мстимъ за оскорбленіе нашей нравственной природы, вооружаемъ ее презрѣньемъ къ злу, грозимъ ей казнію общественнаго мнѣнія".

Если у Гоголя и нѣтъ, можетъ быть, „наружнаго реализма", то у него зато ярко выступаетъ истина внутренняя, „истина идеи", выдѣленіе характерныхъ чертъ дѣйствительности, сущности нашей провинціальной жизни.

Вяземскій написалъ сильную апологію „Ревизора". Его называютъ каррикатурой, но это — каррикатура

жизни, а не изображенія; недостатки языка не могутъ быть поставлены въ вину автору, потому что они — характерная принадлежность персонажей.

„За исключеніемъ паденія Бобчинскаго и двери, нѣтъ ни одной минуты, сбивающейся на фарсъ". Невѣрно и то, что въ комедіи нѣтъ добродѣтельныхъ лицъ: они есть — авторъ и правительство.

Противопоставлять положительные и отрицательные типы въ данномъ случаѣ было „не въ планѣ комическаго писателя".

„Онъ въ извѣстную минуту, въ данномъ положеніи, взглянулъ на нѣсколькихъ лицъ — и нарисовалъ ихъ въ томъ видѣ, съ тѣми оттѣнками свѣта и тьмы, какъ они представлялись взору его. Комедія не всеобщая исторія, не всеобщая картина человѣчества или общества, даже не романъ, не біографія. Комедія — отрывокъ, а вы въ отрывкѣ требуете многосложнаго и полнаго объема! Неужели изъ того, что комикъ не вывелъ ни одного честнаго человѣка, слѣдуетъ заключить, что честныхъ людей вовсе нѣтъ?"

Бѣлинскій не успѣлъ дать особаго и полнаго отзыва о „Ревизорѣ". Кромѣ бѣглой замѣтки о Сосницкомъ въ роли городничаго (1838 г.) и нѣсколькихъ случайныхъ упоминаній, онъ останавливается на „Ревизорѣ" только въ большой статьѣ о „Горѣ отъ ума" (1840 г.). Какъ истинная комедія, „Ревизоръ" изображаетъ отрицательную сторону жизни, призрачную дѣйствительность. Въ этомъ отношеніи онъ близокъ къ „Повѣсти о томъ, какъ поссорились И. И. съ И. Н.": „въ томъ и другомъ произведеніи поэтъ выразилъ идею отрицанія жизни, идею призрачности, получившую подъ его художническимъ рѣзцомъ свою объективную дѣйствительность". Эта идея призрачности выясняется затѣмъ великимъ критикомъ въ тонкомъ и всестороннемъ разборѣ отдѣльныхъ типовъ комедіи.

Гоголь несомнѣнно внимательно прислушивался ко всѣмъ этимъ толкамъ. Многое въ нихъ тяжело поразило его; многое показалось оскорбительнымъ — и совершенно неожиданнымъ. Въ письмахъ этого періода (они будутъ приведены въ концѣ нашего изданія въ выборкахъ изъ переписки Н. В.) видна растерянность, страшная душевная усталость, даже какая то внезапно вспыхнувшая ненависть къ своему любимому дѣтищу. Нападки были слишкомъ стремительны и сильны, чтобы на нихъ можно было не реагировать.

Въ умѣ Гоголя зараждается идея „Театральнаго разъѣзда", который долженъ былъ формулировать всѣ обвиненія противъ „Ревизора" и дать соотвѣтствующія

возраженія автора, которыя отчасти повторяли апологію его поклонниковъ. Первые наброски его были сдѣланы еще до отъѣзда за границу, но много понадобилось еще времени и сосредоточенной внутренней работы, чтобы улеглось все въ душѣ взволнованнаго художника и отлилось въ патетическій апоѳеозъ „свѣтлаго смѣха“ и свободной общественной комедіи...

Онъ отказывается отъ своего прежняго обѣщанія руководить постановкою комедіи въ Москвѣ [1], сошедшею, благодаря Щепкину, прекрасно и безъ него, и 6 іюня 1836 г. спѣшно уѣзжаетъ за границу. Его душа проситъ только „забвенья, долгаго забвенья“. Онъ бы благодарилъ судьбу, еслибы моль „съѣла внезапно всѣ экземпляры „Ревизора“, а съ ними „Арабески“, „Вечеръ“ и всю прочую чепуху“. Только въ концѣ 1838 г. Н. В. могъ приняться за новыя передѣлки, которыя привели къ окончательной редакціи 1842 г. Изъ многочисленныхъ писемъ и печатныхъ замѣтокъ Гоголя по поводу „Ревизора“ можно видѣть, какую роль играла эта піеса въ его душевной жизни, и насколько всколыхнули ее впечатлѣнія перваго представленія.

Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ, и въ особенности „Развязка Ревизора“, сдѣлали попытку искусственно сомкнуть эту реальнѣйшую изъ нашихъ комедій съ мистико-моралистическимъ „душевнымъ дѣломъ“ автора. Внести это „дѣло“ въ самое содержаніе піесы (какъ это онъ сдѣлалъ съ „Портретомъ“ и „Тарасомъ Бульбой“ позднѣйшей редакціи) Гоголь, конечно, не могъ. На окончательной обработкѣ „Ревизора“ не отразилось настроеніе автора, и это было послѣднее торжество Гоголевскаго реализма, — глубокаго, хотя и не всегда сознательнаго проникновенія въ „гущу“ нашей общественной пошлости и бюрократической мерзости, взаимно дополняющихъ другъ друга холопства и произвола [2], взглядовъ на ревизію и контроль, какъ на кару Божію (вродѣ „потопа, труса, нашествія иноплеменниковъ“), на взятки — какъ на „грѣшки“, нѣчто вполнѣ законное, „Самимъ Богомъ такъ устроенное“...

---

[1] Соч. Тихонравова, т. III, ч. 1, стр. 560 — 584. Съ московскою постановкою „Ревизора“ Гоголь познакомился позднѣе. См. Арнольди, „Русскій Вѣстникъ“, 1862, т. 37, стр. 92; Панаевъ, Соч. VI, Спб., 1888, стр. 188; Тургеневъ, Соч., Спб., 1898, XII. 65.

[2] Связь ихъ прекрасно выяснилъ В. Г. Короленко въ своихъ замѣткахъ по поводу сознательнаго и безсознательнаго самозванства, какъ специфически русскаго явленія, созданнаго моральнымъ положеніемъ у насъ личности, ея подавленіемъ и выпрямленіемъ, на общемъ фонѣ холопства и произвола (См. „Русское Богатство“, 1896 г., августъ и 1908, январь).

Послѣдняя сцена „Ревизора“
А. А. и М. А. Сквозникъ-Дмухановскія.

(Съ рисунка Н. В. Гоголя.)

Ревизоръ.

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица.

Дѣйствующія лица.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, городничій.
Анна Андреевна, жена его
Марья Антоновна, дочь его.
Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ.
Жена его.
Аммосъ Ѳедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья.
Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній.
Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почтмейстеръ.
Петръ Ивановичъ Добчинскій } городскіе помѣщики.
Петръ Ивановичъ Бобчинскій }
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.
Осипъ, слуга его.
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.
Ѳедоръ Андреевичъ Люлюковъ } отставные чиновники,
Иванъ Лазаревичъ Растаковскій } почетныя лица въ
Степанъ Ивановичъ Коробкинъ } городѣ.
Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.
Свистуновъ }
Пуговицынъ } полицейскіе.
Держиморда }
Абдулинъ, купецъ.
Февронья Петрова Пошлепкина, слесарша.
Жена унтеръ-офицера.
Мишка, слуга городничаго.
Слуга трактирный.
Гости и гостьи, купцы, мѣщане, просители.

Характеры и костюмы.

Замѣчанія для господъ актеровъ.

Городничій, уже постарѣвшій на службѣ и очень не глупый, по-своему, человѣкъ. Хотя и взяточникъ, но ведетъ себя очень солидно; довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ; говоритъ ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокомѣрію довольно быстръ, какъ у человѣка съ грубо-развитыми склонностями души. Онъ одѣтъ, по обыкновенію, въ своемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стриженые, съ просѣдью.

Анна Андреевна, жена его, провинціальная кокетка, еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная вполовину на романахъ и альбомахъ, вполовину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей. Очень любопытна и при случаѣ выказываетъ тщеславіе. Беретъ иногда власть надъ мужемъ потому только, что тотъ не находится, что отвѣчать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разныя платья въ продолженіе пьесы.

Хлестаковъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, тоненькій, худенькій; нѣсколько приглуповатъ и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ, — одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли. Рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ. Одѣтъ по модѣ.

Осипъ, слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говоритъ серьезно,

смотритъ нѣсколько внизъ, резонеръ и любитъ себѣ самому читать нравоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровенъ, въ разговорѣ съ бариномъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умнѣе своего барина, и потому скорѣе догадывается, но не любитъ много говорить, и молча плутъ. Костюмъ его — сѣрый или синій поношенный сюртукъ.

Бобчинскій и Добчинскій, оба низенькіе, коротенькіе, очень любопытные; чрезвычайно похожи другъ на друга; оба съ небольшими брюшками, оба говорятъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаютъ жестами и руками. Добчинскій немножко выше и серьезнѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго.

Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья, человѣкъ, прочитавшій пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодуменъ. Охотникъ большой на догадки и потому каждому слову своему даетъ вѣсъ. Представляющій его долженъ всегда сохранять въ лицѣ своемъ значительную мину. Говоритъ басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ уже бьютъ.

Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человѣкъ, но при всемъ томъ проныра и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ.

Почтмейстеръ, простодушный до наивности человѣкъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій: оригиналы ихъ всегда почти находятся предъ глазами.

Господа актеры особенно должны обратить вниманіе на послѣднюю сцену. Послѣднее произнесенное слово должно произвесть электрическое потрясеніе на всѣхъ разомъ, вдругъ. Вся группа должна перемѣнить положеніе въ одинъ мигъ. Звукъ изумленія долженъ вырваться у всѣхъ женщинъ разомъ, какъ будто изъ одной груди. Отъ несоблюденія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ.

Дѣйствіе первое.

Комната въ домѣ городничаго.

Явленіе I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій.

Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Какъ, ревизоръ?

Артемій Филипповичъ.

Какъ, ревизоръ?

Городничій.

Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито [1]. И еще съ секретнымъ предписаньемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Вотъ-те на!

Артемій Филипповичъ.

Вотъ не было заботы, такъ подай!

---

[1] Подъ другимъ именемъ.

Лука Лукичъ.

Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаньемъ!

Городничій.

Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „Любезный другъ, кумъ и благодѣтель“ (бормочетъ вполголоса, пробѣгая скоро глазами)... „и увѣдомить тебя“. А! вотъ: „спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ (значительно поднимаетъ палецъ вверхъ). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки“... (остановясь) ну, здѣсь свои... „то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дни я...“ Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: „сестра Анна Кирилловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кирилловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ“... и прочее, и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ.

Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій.

Зачѣмъ! Такъ ужъ, видно, судьба! (Вздохнувъ.) До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій.

Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій.

Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. — Смотрите, по своей части я кое-какія распоряженья сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

Артемій Филипповичъ.

Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій.

Да. И тоже надъ каждой кроватью надписать по-латыни или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ, — всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, еслибъ ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ.

О! насчетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше — лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бъ съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ

издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву и и нѣсколько на е.

Городничій.

Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленьками гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его? только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ то позабывалъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Городничій.

Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода, — это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ то развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ

издаетъ тотъ же звукъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій.

Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы [1] напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ,

[1] Вольнодумцы.

грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ — рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій.

Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій.

Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій.

Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взо-

UNIVERSITY

шедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу, вотъ этакъ (дѣлаетъ гримасу), и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю — это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что можетъ произойти.

Лука Лукичъ.

Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? Я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, когда зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Городничій.

То же я долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова — это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ.

Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говоритъ: „Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу“.

Городничій.

Да, таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ — или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ.

Не приведи Богъ служить по ученой части! Всего боишься: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій.

Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: „А, вы здѣсь, голубчики! А кто“, — скажетъ, — „здѣсь судья?“ — „Ляпкинъ-Тяпкинъ“. — „А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?“ — „Земляника!“ — А подать сюда Землянику!“ — Вотъ что худо!

Явленіе II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтмейстеръ.

Объясните, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій.

А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ.

Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій.

Ну, что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ.

А что думаю? — война съ турками будетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій.

Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтмейстеръ.

Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

Городничій.

Какая война съ турками! Просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже извѣстно: у меня письмо.

Почтмейстеръ.

А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Городничій.

Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтмейстеръ.

Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городничій.

Да что я? Страху то нѣтъ, а такъ, немножко... Купечество да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся; а я, вотъ ей Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю (беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ.

Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ

любопытства: смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе. Иное письмо съ наслажденьемъ прочтешь — такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше чѣмъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“!

Городничій.

Ну, что жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ.

Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы не читаете писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю, и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: „Жизнь моя, милый другъ, течетъ“, — говоритъ, — „въ эмпиреяхъ [1]: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...“ съ большимъ, большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Городничій.

Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ.

Съ большимъ удовольствіемъ

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ.

Ахъ, батюшки!

---

[1] Въ блаженствѣ, въ раю.

Городничій.

Ничего, ничего. Другое дѣло, еслибъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейственное.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собачонкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Городничій.

Батюшки, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ. Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь — и шасть...

Явленіе III.

Тѣ же, Добчинскій и Бобчинскій (оба входятъ запыхавшись).

Бобчинскій.

Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій.

Неожиданное извѣстіе!

Всѣ.

Что, что такое?

Добчинскій.

Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостиницу...

Бобчинскій (перебивая).

Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

Добчинскій (перебивая).

Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій.

Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій.

А вы соѣьетесь и не припомните всего.

Бобчинскій.

Припомню, ей Богу, припомню. Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій.

Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ. (Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей.) Ну, что, что такое?

Бобчинскій.

Позвольте, позвольте; я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ — такъ я тогда же забѣжалъ... ужъ, пожалуйста, не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я уже все, все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ изволите видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій (перебивая.)

Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій.

Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему: слышали ли вы о новости-та, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А

Петръ Ивановичъ ужъ услыхали объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая, не знаю за чѣмъ то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинскій (перебивая).

За боченкомъ для французской водки.

Бобчинскій (отводя его руки).

За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ то Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ... энтого... не перебивайте, пожалуйста не перебивайте!... Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: „Зайдемъ“, говоритъ, „въ трактиръ. Въ желудкѣ то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе...“ да-съ, въ желудкѣ то у Петра Ивановича... „А въ трактиръ“, говоритъ, „привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ“. Только что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій (перебивая).

Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бобчинскій.

Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіономія... поступки, и здѣсь (вертитъ рукою около лба) много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: „Здѣсь что-нибудь не спроста-съ“. Да. А Петръ то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-съ, — трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ, будетъ такъ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: „Кто“, говоритъ, „этотъ молодой человѣкъ?“ — а Власъ и отвѣчаетъ на это: „Это“, говоритъ... Э, не переби-

вайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте, вы не разскажете, ей Богу, не разскажете: вы пришепетываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... „Это“, говоритъ, „молодой человѣкъ, чиновникъ“, да-съ; „ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи“, говоритъ, „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ“, говоритъ, „въ Саратовскую губернію и“, говоритъ, „престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копейки не хочетъ платить“. Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня тутъ вотъ свыше и вразумило. „Э!“ говорю я Петру Ивановичу...

Добчинскій.

Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: „э!“

Бобчинскій.

Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. „Э!“ сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. „А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію?“ — Да-съ. А вотъ онъ то и есть этотъ чиновникъ.

Городничій.

Кто, какой чиновникъ?

Бобчинскій.

Чиновникъ-та, о которомъ изволили получить нотицію, — ревизоръ.

Городничій (въ страхѣ).

Что вы, Господь съ вами! это не онъ.

Добчинскій.

Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же бъ быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ.

Бобчинскій.

Онъ, онъ, ей Богу, онъ... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ

Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу, — больше потому, что Петръ Ивановичъ насчетъ своего желудка... да, такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

Городничій.

Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добчинскій.

Въ пятомъ номерѣ, подъ лѣстницей.

Бобчинскій.

Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій.

И давно онъ здѣсь?

Добчинскій.

А недѣли двѣ ужъ. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій.

Двѣ недѣли! (Въ сторону.) Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! Арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ! поношенье! (Хватается за голову.)

Артемій Филипповичъ.

Что жъ, Антонъ Антоновичъ? — ѣхать парадомъ въ гостиницу.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ „Дѣянія Іоанна Масона“...[1]

[1] Мистическая книга, пользовавшаяся большимъ почетомъ у масоновъ.

Городничій.

Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому. Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ. Авось, Богъ вынесетъ и теперь. (Обращаясь къ Бобчинскому.) Вы говорите, онъ молодой человѣкъ?

Бобчинскій.

Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій.

Тѣмъ лучше: молодого скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ; а молодой — весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь самъ, или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно [1], для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе непріятностей. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ.

Что угодно?

Городничій.

Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ [2]; или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда.

(Квартальный бѣжитъ впопыхахъ.)

Артемій Филипповичъ.

Идемъ, идемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ

Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣлъ на больныхъ, да и концы въ воду.

---

[1] Частнымъ образомъ.

[2] Частный приставъ указанъ въ 1-мъ явленіи въ числѣ дѣйствующихъ лицъ.

Артемій Филиппович.

Какое колпаки! Больнымъ велѣно габеръ-супъ[1] давать, а у меня по всѣмъ коридорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку — а! только рукой махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда и что неправда.

(Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ.)

Явленіе IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Городничій.

Что, дрожки тамъ стоятъ?

Квартальный.

Стоятъ.

Городничій.

Ступай на улицу... или, нѣтъ, постой! Ступай, принеси... Да другіе то гдѣ? неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

Квартальный.

Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Городничій.

Какъ такъ?

---

[1] Овсяный супъ.

Квартальный.

Да такъ: привезли его поутру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Городничій (хватаясь за голову).

Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу, или нѣтъ — бѣги прежде въ комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

Бобчинскій.

И я, и я... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ!

Городничій.

Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожкахъ не помѣстимся.

Бобчинскій.

Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-та, въ дверь этакъ посмотрѣть, какъ у него эти поступки...

Городничій

(принимая шпагу, къ квартальному).

Бѣги сейчасъ, возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ шпага какъ исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулинъ — видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой. О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовятъ. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ — по метлѣ! и вымели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты тамъ кумаешься, да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки, — смотри, у меня ухо востро!... Что ты сдѣлалъ съ купцомъ

Черняевымъ — а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку. Смотри! не по чину берешь! Ступай!

Явленіе V.

Тѣ же и частный приставъ.

Городничій.

А, Степанъ Ильичъ! Скажите ради Бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный приставъ.

Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Городничій.

Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частный приставъ.

Да такъ, какъ вы приказывали. Квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Городничій.

А Держиморда гдѣ?

Частный приставъ.

Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Городничій.

А Прохоровъ пьянъ?

Частный приставъ.

Пьянъ.

Городничій.

Какъ же вы это такъ допустили?

Частный приставъ.

Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случи-

лась за городомъ драка — поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Городничій.

Послушайте жъ, вы сдѣлайте вотъ что: квартальный Пуговицынъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать наскоро старый заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно, чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой! я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Что это за скверный городъ! только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ или, просто, заборъ — чортъ ихъ знаетъ откудова, и нанесутъ всякой дряни! (Вздыхаетъ.) Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: довольны ли? — чтобы говорили: „Всѣмъ довольны, ваше благородіе“; а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, охъ, хо, хо, хъ! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ. (Беретъ вмѣсто шляпы футляръ.) Дай только, Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой, Боже мой! Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! (Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный футляръ.)

Частный приставъ.

Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа.

Городничій (бросая коробку).

Коробка, такъ коробка. Чортъ съ ней! Да если спросятъ: отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорѣла.

Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами — и правому, и виноватому. Ѣдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! (Уходитъ и возвращается.) Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ.

(Всѣ уходятъ.)

Явленіе VI.

Анна Андреевна и Марья Антоновна (вбѣгаютъ на сцену).

Анна Андреевна.

Гдѣ жъ, гдѣ жъ они? Ахъ, Боже мой!.. (Отворяя дверь.) Мужъ! Антоша! Антонъ! (Говоритъ скоро.) А все ты, а все за тобой. И пошла копаться: „Я булавочку, я косынку“. (Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ.) Антонъ, куда, куда? Что, пріѣхалъ? ревизоръ? съ усами! съ какими усами?

Голосъ городничаго.

Послѣ, послѣ, матушка!

Анна Андреевна.

Послѣ? Вотъ новости, послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что онъ, полковникъ? А? (Съ пренебреженіемъ.) Уѣхалъ! Я тебѣ вспомню это! А все эта: „Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчасъ“. Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего и не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай предъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней воло-

чится, а онъ, просто, тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна.

Да что жъ дѣлать, маменька? Все равно, чрезъ два часа мы все узнаемъ.

Анна Андреевна.

Чрезъ два часа! покорнѣйше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ! Какъ ты не догадалась сказать, что чрезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать! (Свѣшивается въ окно.) Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, тамъ пріѣхалъ кто то?.. Не слышала? Глупая какая! Машетъ руками? Пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ. А? Скоро уѣхали! да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай, сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси, куда поѣхали; да разспроси хорошенько: что за пріѣзжій, каковъ онъ, — слышишь? Подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе: черные или нѣтъ, и сію же минуту возвращайся назадъ, слышишь? Скорѣе, скорѣе, скорѣе, скорѣе! (Кричитъ до тѣхъ поръ, пока не опускается занавѣсъ. Такъ занавѣсъ и закрываетъ ихъ обѣихъ, стоящихъ у окна.)

Дѣйствіе второе.

Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

Явленіе I.

Осипъ (лежитъ на барской постелѣ).

Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ, да и только, домой! Что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! Профинтилъ [1] дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! (Дразнитъ его.) „Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурного обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ“. Добро бы было, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь путное, а то, вѣдь, елистратишка [2] простой! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки — вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше, возьмешь себѣ

---

[1] Спустилъ.
[2] Коллежскій регистраторъ — самый младшій гражданскій чинъ.

бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги. Ну, кто жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеятры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ; пойдешь на Щукинъ — купцы тебѣ кричатъ: „Почтенный!“, на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ — ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ, такъ вотъ, какъ на ладони все видишь. Старуха-офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая... фу, фу, фу! (Усмѣхается и трясетъ головою.) Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякой тебѣ говоритъ вы. Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать— и куды!.. пошелъ кутить: ѣздитъ на извозчикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь — и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка да шинелишка... Ей Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего — ни по чемъ идутъ. А отчего? — оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гу-

лять по прешпекту [1], въ картишки играетъ. Эхъ, еслибъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? (Со вздохомъ.) Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится; вѣрно, это онъ идетъ. (Поспѣшно схватывается съ постели.)

Явленіе II.

Осипъ и Хлестаковъ.

Хлестаковъ.

На, прими это (отдаетъ фуражку и тросточку). А, опять валялся на кровати?

Осипъ.

Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что ли?

Хлестаковъ.

Врешь, валялся; видишь, вся склочена!

Осипъ.

Да на что мнѣ она? Не знаю я развѣ, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?

Хлестаковъ (ходитъ по комнатѣ).

Посмотри, тамъ, въ картузѣ, табаку нѣтъ?

Осипъ.

Да гдѣ жъ ему быть, табаку? Вы четвертаго дня послѣднее выкурили.

---

[1] Проспектъ.

Хлестаковъ

(ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ, говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ).

Послушай... эй, Осипъ!

Осипъ.

Чего изволите?

Хлестаковъ

(громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ).

Ты ступай туда.

Осипъ.

Куда?

Хлестаковъ

(голосомъ вовсе не рѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ).

Внизъ, въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать.

Осипъ.

Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлестаковъ.

Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ.

Да такъ; все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлестаковъ.

Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

Осипъ.

Еще, говоритъ, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не плотитъ. Вы-де съ бариномъ, говоритъ, мошенники, и баринъ твой — плутъ. Мы-де, говоритъ, этакихъ широмыжниковъ и подлецовъ видали.

Хлестаковъ.

А ты ужъ и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

Осипъ.

Говоритъ: „Этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя“. „Я“, говоритъ, „шутить не буду, а прямо съ жалобою, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму“.

Хлестаковъ.

Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осипъ.

Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

Хлестаковъ.

На что жъ хозяина? ты поди самъ скажи.

Осипъ.

Да, право, сударь...

Хлестаковъ.

Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина.

(Осипъ уходитъ.)

Явленіе III.

Хлестаковъ (одинъ).

Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся, думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ — нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да, еслибъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ — и все обобралъ. А при всемъ томъ страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не привелъ. Какой скверный городишка! Въ ово-

шенныхъ лавкахъ ничего не даютъ въ долгъ. Это ужъ, просто, подло. (Насвистываетъ сначала изъ „Роберта“, потомъ „Не шей ты мнѣ, матушка“, а наконецъ — ни се, ни то.) Никто не хочетъ идти.

Явленіе IV.

Хлестаковъ, Осипъ и трактирный слуга.

Слуга.

Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно.

Хлестаковъ.

Здравствуй, братецъ! Ну, что ты, здоровъ?

Слуга.

Слава Богу.

Хлестаковъ.

Ну что, какъ у васъ въ гостиницѣ? хорошо ли все идетъ?

Слуга.

Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаковъ.

Много проѣзжающихъ?

Слуга.

Да, достаточно.

Хлестаковъ.

Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ, пожалуйста, поторопи, чтобъ поскорѣе — видишь, мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

Слуга.

Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ, никакъ, хотѣлъ идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаковъ.

Да что жъ жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же? вѣдь мнѣ нужно ѣсть. Этакъ могу я совсѣмъ отощать. Мнѣ очень ѣсть хочется: я не шутя это говорю.

Слуга.

Такъ-съ. Онъ говорилъ: „Я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплатитъ мнѣ за прежнее“. Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

Хлестаковъ.

Да ты урезонь, уговори его.

Слуга.

Да что жъ ему такое говорить?

Хлестаковъ.

Ты растолкуй ему сурьезно, что мнѣ нужно ѣсть. Деньги сами собою... Онъ думаетъ, что, какъ ему, мужику, ничего, если не поѣсть день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

Слуга.

Пожалуй, я скажу.

Явленіе V.

Хлестаковъ (одинъ).

Это скверно, однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ оборотъ? Штаны, что ли, продать? Нѣтъ, ужъ лучше поголодать, да пріѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ [1] не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, пріѣхать домой въ каретѣ, подкатить этакимъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣду-помѣщику

[1] Знаменитый въ то время петербургскій каретникъ.

полъ крыльцо, съ фонарями, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы, я воображаю, всѣ переполошились! „Кто такой, что такое?“ А лакей входитъ (вытягиваясь и представляя лакея): „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?“ Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значитъ „прикажете принять“. Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь гусь помѣщикъ, такъ и валитъ, медвѣдь, прямо въ гостиную. Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: „Сударыня, какъ я...“ (потираетъ руки и подшаркиваетъ ножкой). Тьфу! (плюетъ) даже тошнитъ, такъ ѣсть хочется.

Явленіе VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ слуга.

Хлестаковъ.

А что?

Осипъ.

Несутъ обѣдъ.

Хлестаковъ

(прихлопываетъ въ ладоши и слегка подпрыгиваетъ на стулѣ).

Несутъ! несутъ! несутъ!

Слуга

(съ тарелками и салфеткой).

Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлестаковъ.

Ну, хозяинъ, хозяинъ... Я плевать на твоего хозяина! Что тамъ такое?

Слуга.

Супъ и жаркое.

Хлестаковъ.

Какъ, только два блюда?

Слуга.

Только-съ.

Хлестаковъ.

Вотъ, вздоръ какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это, въ самомъ дѣлѣ, такое!.. Этого мало.

Слуга.

Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлестаковъ.

А соуса почему нѣтъ?

Слуга.

Соуса нѣтъ.

Хлестаковъ.

Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру двое какихъ то коротенькихъ человѣка ѣли семгу и еще много кой-чего.

Слуга.

Да оно то есть, пожалуй, да нѣтъ.

Хлестаковъ.

Какъ нѣтъ?

Слуга.

Да ужъ нѣтъ.

Хлестаковъ.

А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга.

Да это для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлестаковъ.

Ахъ, ты, дуракъ!

Слуга.

Да-съ.

Хлестаковъ.

Поросенокъ ты скверный... Какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ? Отчего же я, чортъ возьми, не могу также? Развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Слуга.

Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлестаковъ.

Какіе же?

Слуга.

Обнаковенно какіе! они ужъ, извѣстно: они деньги платятъ.

Хлестаковъ.

Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. (Наливаетъ супъ и ѣстъ.) Что это за супъ? Ты, просто, воды налилъ въ чашку: никакого вкусу нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другого.

Слуга.

Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаковъ
(защищая рукою кушанье).

Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! Ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую... (Ѣстъ.) Боже мой, какой супъ! (Продолжаетъ ѣсть.) Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супу: какія то перья плаваютъ вмѣсто масла. (Рѣжетъ курицу.) Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Тамъ супу немного осталось, Осипъ, возьми себѣ. (Рѣжетъ жаркое.) Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга.

Да что жъ такое?

Хлестаковъ.

Чортъ его знаетъ, что такое, только не жаркое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины. (Ѣстъ.) Мошенники, канальи! чѣмъ они кормятъ? И челюсти заболятъ, если съѣшь одинъ такой кусокъ. (Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ.) Подлецы! Совершенно, какъ деревянная кора — ничѣмъ вытащить нельзя; и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ. Мошенники! (Вытираетъ ротъ салфеткой.) Больше ничего нѣтъ?

Слуга.

Нѣтъ.

Хлестаковъ.

Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ проѣзжающихъ.

Слуга

убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Осипомъ.

Явленіе VII.

Хлестаковъ, потомъ Осипъ.

Хлестаковъ.

Право, какъ будто и не ѣлъ; только что разохотился. Еслибы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хоть сайку.

Осипъ (входитъ).

Тамъ зачѣмъ то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ объ васъ.

Хлестаковъ (испугавшись).

Вотъ тебѣ на! Эка бестія трактирщикъ, успѣлъ уже пожаловаться! Что, если, въ самомъ дѣлѣ, онъ потащитъ меня въ тюрьму? Что жъ? Если благороднымъ образомъ, я пожалуй... нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я, какъ нарочно, задалъ тону и переми-

гнулся съ одной купеческой дочкой... Нѣтъ, не хочу... Да что̀ онъ? какъ онъ смѣетъ въ самомъ дѣлѣ? Что̀ я ему, развѣ купецъ или ремесленникъ? (Бодрится и выпрямляется.) Да я ему прямо скажу: „Какъ вы смѣете? Какъ вы...“ (У дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ и съеживается.)

Явленіе VIII.

Хлестаковъ, городничій и **Добчинскій.** (Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другого, выпучивъ глаза.)

Городничій

(немного оправившись и протянувъ руки по швамъ).

Желаю здравствовать!

Хлестаковъ (кланяется).

Мое почтеніе!...

Городничій.

Извините.

Хлестаковъ.

Ничего...

Городничій.

Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ

(сначала немного запкается, но къ концу рѣчи говоритъ громко).

Да что̀ жъ дѣлать?.. Я не виноватъ... Я, право, заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. (Бобчинскій выглядываетъ изъ дверей.) Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ — онъ, чортъ знаетъ, чего плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня моритъ голодомъ по цѣлымъ днямъ... чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что̀ жъ я... Вотъ новость!

Городничій (робѣя).

Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. А если что̀ не такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, не хочу! Я знаю, что̀ значитъ на другую квартиру: то есть — въ тюрьму. Да какое вы имѣете право? Да какъ вы смѣете?.. Да вотъ я... Я служу въ Петербургѣ. (Бодрится.) Я, я, я...

Городничій (въ сторону).

О, Господи Ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все разсказали проклятые купцы!

Хлестаковъ (храбрясь).

Да вотъ вы хоть тутъ со всей своей командой — не пойду. Я прямо къ министру! (Стучитъ кулакомъ по столу.) Что вы? Что вы?

Городничій

(вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ).

Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!

Хлестаковъ.

Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму, вотъ прекрасно! (Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется.) Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Городничій (дрожа).

По неопытности, ей Богу, по неопытности. Недостаточность состоянія... Сами извольте посудить: казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то

самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платья. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаковъ.

Да что? мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ... (Въ размышленіи.) Я не знаю, однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой то унтеръ-офицерской вдовѣ... Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь, до этого вамъ далеко... Вотъ еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣтъ ни копейки.

Городничій (въ сторону).

О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! какого туману напустилъ! разбери, кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да ужъ попробовать, не куды пошло! Что будетъ, то будетъ, попробовать на авось. (Вслухъ.) Если вы, точно, имѣете нужду въ деньгахъ или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ.

Дайте, дайте мнѣ взаймы! Я сейчасъ же расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣсти, или хоть и меньше.

Городничій (поднося бумажки).

Ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ (принимая деньги).

Покорнѣйше благодарю. Я вамъ тотчасъ пришлю ихъ изъ деревни... у меня это вдругъ...

Я вижу, вы благородный человѣкъ. Теперь другое дѣло.

Городничій (въ сторону).

Ну, слава Богу! деньги взялъ. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь на ладъ. Я таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ.

Эй, Осипъ! (Осипъ входитъ.) Позови сюда трактирнаго слугу! (Къ городничему и Добчинскому.) А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. (Добчинскому.) Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій.

Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ.

Сдѣлайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе; а то, признаюсь, я ужъ думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня... (Добчинскому.) Садитесь!

(Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и прислушивается.)

Городничій (въ сторону).

Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. (Вслухъ.) Мы, проживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я, кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобъ всякому смертному оказывался хорошій пріемъ — и вотъ, какъ будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство.

Хлестаковъ.

Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій (въ сторону).

Да, разсказывай! не зналъ, чѣмъ заплатить! (Вслухъ.) Осмѣлюсь ли спросить: куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ.

Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій

(въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе).

Въ Саратовскую губернію! А? и не покраснѣетъ! О, да съ нимъ нужно ухо востро! (Вслухъ.) Благое дѣло изволили предпринять. Вѣдь вотъ, относительно дороги: говорятъ, съ одной стороны непріятности насчетъ задержки лошадей, а вѣдь съ другой стороны — развлеченье для ума. Вѣдь вы, чай, больше для собственнаго удовольствія ѣдете?

Хлестаковъ.

Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургѣ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владиміра въ петлицу и дадутъ. Нѣтъ, я бы послалъ его самого потолкаться въ канцелярію.

Городничій (въ сторону).

Прошу посмотрѣть, какія пули отливаетъ! и старика-отца приплелъ! (Вслухъ.) И на долгое время изволите ѣхать?

Хлестаковъ.

Право, не знаю. Вѣдь мой отецъ упрямъ и глупъ, старый хрѣнъ, какъ бревно. Я ему прямо

скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга. За что жъ, въ самомъ дѣлѣ, я долженъ погубить жизнь съ мужиками? Теперь не тѣ потребности; душа моя жаждетъ просвѣщенія.

Городничій (въ сторону).

Славно завязалъ узелокъ! Вретъ, вретъ — и нигдѣ не оборвется! А вѣдь какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! ты у меня проговоришься. Я тебя ужъ заставлю побольше разсказать! (Вслухъ.) Справедливо изволили замѣтить. Что можно сдѣлать въ глуши? Вѣдь вотъ хоть бы здѣсь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда, неизвѣстно еще, когда будетъ. (Окидываетъ глазами комнату.) Кажется, эта комната нѣсколько сыра?

Хлестаковъ.

Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я нигдѣ не видалъ: какъ собаки, кусаютъ.

Городничій.

Скажите! такой просвѣщенный гость, и терпитъ, отъ кого же? — отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Никакъ, даже темно въ этой комнатѣ?

Хлестаковъ.

Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или придетъ фантазія сочинить что-нибудь — не могу: темно, темно.

Городничій.

Осмѣлюсь ли просить васъ... но нѣтъ, я недостоинъ.

Хлестаковъ.

А что?

Городничій.

Нѣтъ, нѣтъ! недостоинъ, недостоинъ!

Хлестаковъ.

Да что жъ такое?

Городничій.

Я бы дерзнулъ... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная... Но нѣтъ, чувствую самъ, это ужъ слишкомъ большая честь... Не разсердитесь — ей Богу, отъ простоты души предложилъ.

Хлестаковъ.

Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабакѣ.

Городничій.

А ужъ я такъ буду радъ! А ужъ какъ жена обрадуется! У меня ужъ такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства, особливо, если гость просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести; нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаюсь.

Хлестаковъ.

Покорно благодарю. Я самъ тоже — я не люблю людей двуличныхъ. Мнѣ очень нравится ваша откровенность и радушіе, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженье, уваженье и преданность.

Явленіе IX.

Тѣ же и трактирный слуга, сопровождаемый **Осипомъ**. (Бобчинскій выглядываетъ въ дверь.)

Слуга.

Изволили спрашивать?

Хлестаковъ.

Да; подай счетъ.

Слуга.

Я уже давича подалъ вамъ другой счетъ.

Хлестаковъ.

Я ужъ не помню твоихъ глупыхъ счетовъ. Говори: сколько тамъ?

Слуга.

Вы изволили въ первый день спросить обѣдъ, а на другой день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

Хлестаковъ.

Дуракъ! еще началъ высчитывать. — Всего сколько слѣдуетъ?

Городничій.

Да вы не извольте безпокоиться: онъ подождетъ. (Слугѣ.) Пошелъ вонъ, тебѣ пришлютъ.

Хлестаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. (Прячетъ деньги. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинскій.)

Явленіе X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій.

Не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ то — богоугодныя и другія?

Хлестаковъ.

А что тамъ такое?

Городничій.

А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... порядокъ какой...

Хлестаковъ.

Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ.

(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь.)

Городничій.

Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ.

Извольте, извольте.

Городничій.

Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы — разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ.

Да зачѣмъ же тюрьмы? Ужъ лучше мы осмотримъ богоугодныя заведенія.

Городничій.

Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ.

Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій (Добчинскому).

Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добчинскій.

Ничего, я такъ.

Городничій (тихо Добчинскому).

Слушайте: вы побѣгите, да бѣгомъ, во всѣ лопатки, и снесите двѣ записки: одну въ богоугодное заведеніе Земляникѣ, а другую женѣ. (Хлестакову.) Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлестаковъ.

Да зачѣмъ же?.. А, впрочемъ, тутъ и чернила, только бумаги — не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?

Городничій.

Я здѣсь напишу. (Пишетъ и въ то же время говоритъ про-себя.) А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика [1], да бутылки толстобрюшки! Да есть у насъ губернская мадера: не казиста на видъ, а слона повалитъ съ ногъ. Только бы мнѣ узнать, что онъ такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться. (Написавши, отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери, но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается.)

Хлестаковъ.

Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій.

Ничего, ничего-съ, безъ всякаго-съ помѣшательства, только сверхъ носа небольшая нашлёпка! Я забѣгу къ Христіану Ивановичу: у него есть пластырь такой, такъ вотъ оно и пройдетъ.

Городничій

(дѣлая Бобчинскому укорительный знакъ, Хлестакову).

Это-съ ничего. Прошу покорнѣйше, пожалуйте! А слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. (Осипу.) Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему — тебѣ всякій покажетъ. Прошу покорнѣйше! (Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ; но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому.) Ужъ и вы! не нашли другого мѣста упасть! И растянулся, какъ, чортъ знаетъ, что такое. (Уходитъ; за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается.)

---

[1] Завтрака.

Дѣйствіе третье.

Комната перваго дѣйствія.

Явленіе I.

Анна Андреевна, Марья Антоновна (стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ).

Анна Андреевна.

Ну, вотъ, ужъ цѣлый часъ дожидаемся, а все ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, нѣтъ! еще нужно копаться... Не слушать бы ея вовсе. Экая досада! какъ нарочно, ни души! какъ будто бы вымерло все.

Марья Антоновна.

Да право, маменька, минуты черезъ двѣ все узнаемъ. Ужъ скоро Авдотья должна придти. (Всматривается въ окно и вскрикиваетъ.) Ахъ, маменька, маменька! кто то идетъ, вонъ въ концѣ улицы.

Анна Андреевна.

Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи. Ну, да, идетъ. Кто жъ это идетъ? Небольшого роста... во фракѣ... Кто жъ это? А? Это, однакожъ, досадно! Кто жъ бы это такой былъ?

Марья Антоновна.

Это Добчинскій, маменька!

Анна Андреевна.

Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое... Совсѣмъ не Добчинскій. (Машетъ платкомъ.) Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!

Марья Антоновна.

Право, маменька, Добчинскій.

Анна Андреевна.

Ну, вотъ, нарочно, чтобы только поспорить. Говорятъ тебѣ — не Добчинскій.

Марья Антоновна.

А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій.

Анна Андреевна.

Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу, — изъ чего же ты споришь? (Кричитъ въ окно.) Скорѣй, скорѣй! вы тихо идете. Ну, что, гдѣ они? А? Да говорите же оттуда — все равно. Что? Очень строгій? А? А мужъ, мужъ? (Немного отступя отъ окна, съ досадою.) Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ!

Явленіе II.

Тѣ же и Добчинскій.

Анна Андреевна.

Ну, скажите пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда же за ними! и я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ? Я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

Добчинскій.

Ей Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтель-

ствовать почтеніе, что не могу духу перевесть. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

Марья Антоновна.

Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

Анна Андреевна.

Ну, что? Ну, разсказывайте: что и какъ тамъ?

Добчинскій.

Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

Анна Андреевна.

Ну, да кто онъ такой? генералъ?

Добчинскій.

Нѣтъ, не генералъ, а не уступитъ генералу: такое образованіе и важные поступки-съ.

Анна Андреевна.

А! такъ это тотъ самый, о которомъ было писано мужу.

Добчинскій.

Настоящій. Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андреевна.

Ну, разскажите: что и какъ?

Добчинскій.

Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово, да-съ; сердился и говорилъ, что и въ гостиницѣ все не хорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... А то, признаюсь, уже Антонъ Антоно-

вичъ думали, не было ли тайнаго доноса; я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андреевна.

Да вамъ то чего бояться? вѣдь вы не служите.

Добчинскій.

Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, чувствуешь страхъ.

Анна Андреевна.

Ну, что жъ... это все, однакожъ, вздоръ. Разскажите: каковъ онъ собою? что — старъ или молодъ?

Добчинскій.

Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ; а говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ. „Извольте“, говоритъ, „я поѣду и туда, и туда...“ (размахиваетъ руками) такъ это все славно. „Я“, говоритъ, „и написать, и почитать люблю; но мѣшаетъ, что въ комнатѣ“, говоритъ, „немножко темно“.

Анна Андреевна.

А собой каковъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

Добчинскій.

Нѣтъ, больше шантретъ [1], и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущенье даже приводятъ.

Анна Андреевна.

Что тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ? (Читаетъ.) „Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповая на милосердіе Божіе, за два соленые огурца особенно и полпорціи икры рубль двадцать пять копеекъ...“ (Останавливается.) Я ничего не понимаю: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

[1] Шатенъ.

Добчинскій.

А, это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ, по скорости: тамъ какой то счетъ былъ написанъ.

Анна Андреевна.

А, да, точно. (Продолжаетъ читать.) „Но, уповая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи, у Артемія Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислалъ самаго лучшаго; а не то, я перерою весь его погребъ. Цѣлуя, душенька твою ручку, остаюсь твой: Антонъ Сквозникъ-Дмухановскій...“ Ахъ, Боже мой! Это, однакожъ, нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добчинскій

(бѣжитъ и кричитъ въ дверь).

Мишка! Мишка! Мишка! (Мишка входитъ.)

Анна Андреевна.

Послушай, бѣги къ купцу Абдулину... постой, я дамъ тебѣ записочку (садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ:) эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобы онъ побѣжалъ съ нею къ купцу Абдулину и принесъ оттуда вина. А самъ поди, сейчасъ прибери хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставить кровать, рукомойникъ и прочее.

Добчинскій.

Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

Анна Андреевна.

Ступайте, ступайте! я не держу васъ.

Явленіе III.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна.

Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ. Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

Марья Антоновна.

Фи, маменька, голубое! Мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

Анна Андреевна.

Цвѣтное!.. Право, говоришь — лишь бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что я хочу надѣть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, вамъ нейдетъ палевое!

Анна Андреевна.

Мнѣ палевое нейдетъ?

Марья Антоновна.

Нейдетъ; я, что угодно, даю, нейдетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

Анна Андреевна.

Вотъ хорошо! а у меня глаза развѣ не темные? самые темные. Какой вздоръ говоритъ! Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна.

Ахъ маменька! вы больше червонная дама.

Анна Андреевна.

Пустяки, совершенные пустяки. Я никогда не была червонная дама. (Поспѣшно уходитъ вмѣстѣ съ Марьей Антоновной и говоритъ за сценой.) Этакое вдругъ вообразится! червонная дама! Богъ знаетъ, что такое! (По уходѣ ихъ отворяются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ соръ. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ.)

Явленіе IV.

Мишка и Осипъ.

Осипъ.

Куда тутъ?

Мишка.

Сюда, дядюшка, сюда!

Осипъ.

Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ ты, горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка.

Что, дядюшка, скажите: скоро будетъ генералъ?

Осипъ.

Какой генералъ?

Мишка.

Да баринъ вашъ.

Осипъ.

Баринъ? да какой онъ генералъ?

Мишка.

А развѣ не генералъ?

Осипъ.

Генералъ, да только съ другой стороны.

Мишка.

Что жъ, это, больше, или меньше настоящаго генерала?

Осипъ.

Больше.

Мишка.

Вишь ты какъ! то-то у насъ сумятицу подняли.

Осипъ.

Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка тамъ что-нибудь поѣсть!

Мишка.

Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вотъ, какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ.

Осипъ.

Ну, а простого то что у васъ есть?

Мишка.

Щи, каша, да пироги.

Осипъ.

Давай ихъ, щи, кашу и пироги! Ничего, все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Что, тамъ другой выходъ есть?

Мишка.

Есть. (Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату.)

Явленіе V.

Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ Хлестаковъ; за нимъ городничій, далѣе попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, Добчинскій и Бобчинскій, съ пластыремъ на носу. **Городничій** указываетъ квартальнымъ на полу бумажку — они бѣгутъ и поднимаютъ ее, толкая другъ друга впопыхахъ.

Хлестаковъ.

Хорошія заведенія. Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Городничій.

Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользѣ; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

Хлестаковъ.

Завтракъ былъ очень хорошъ; я совсѣмъ объѣлся. Что, у васъ каждый день бываетъ такой?

Городничій.

Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлестаковъ.

Я люблю поѣсть. Вѣдь на то и живешь, чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

Артемій Филипповичъ (подбѣгая).

Лабарданъ-съ [1].

Хлестаковъ.

Очень вкусная. Гдѣ это мы завтракали? въ больницѣ, что ли?

Артемій Филипповичъ.

Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ.

Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? тамъ ихъ, кажется, не много.

Артемій Филипповичъ.

Человѣкъ десять осталось, не больше; а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство, — можетъ быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ, — всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ.

[1] Свѣже-просольная треска.

Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.

Городничій.

Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки, поправки... словомъ, наиумнѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но, вѣрите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: „Господи Боже Ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?!.“ Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ, я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало... то чего жъ мнѣ больше? Ей, ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Артемій Филипповичъ (въ сторону).

Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ! Далъ же Богъ такой даръ!

Хлестаковъ.

Это правда. Я, признаюсь, самъ люблю иногда заумствоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стишки выкинутся.

Бобчинскій (Добчинскому).

Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ.

Скажите, пожалуйста, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты?

Городничій (въ сторону).

Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей огородъ камешки бросаютъ! (Вслухъ.) Боже сохрани! здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я картъ и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ эти карты. Смотрѣть никогда не могъ на нихъ равнодушно, и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля или что-нибудь другое, то такое омерзѣніе нападаетъ, что, просто, плюнешь. Разъ какъ то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя. Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ?

Лука Лукичъ (въ сторону).

А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей.

Городничій.

Лучше жъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ.

Ну, нѣтъ, вы напрасно, однакоже... Все зависитъ отъ той стороны, съ которой кто смотритъ на вещь. Если, напримѣръ, забастуешь [1] тогда, какъ нужно гнуть отъ трехъ угловъ... [2] ну, тогда конечно... Нѣтъ, не говорите; иногда очень заманчиво поиграть.

Явленіе VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій.

Осмѣлюсь представить семейство мое: жена и дочь.

---

[1] Перестанешь увеличивать ставку.
[2] Увеличивать ставку втрое.

Хлестаковъ (раскланиваясь).

Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю въ своемъ родѣ удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андреевна.

Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлестаковъ (рисуясь).

Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андреевна.

Какъ можно-съ! вы это такъ изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаковъ.

Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ.

Анна Андреевна.

Помилуйте, я никакъ не смѣю принять на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлестаковъ.

Чрезвычайно непріятна. Привыкши жить, comprenez vous, въ свѣтѣ и вдругъ очутиться на дорогѣ: грязные трактиры, мракъ невѣжества... Еслибъ, признаюсь, не такой случай, который меня... (посматриваетъ на Анну Андреевну и рисуется передъ ней) такъ вознаградилъ за все...

Анна Андреевна.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

Хлестаковъ.

Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна.

Какъ можно-съ! Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ.

Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна.

Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ.

Да, деревня, впрочемъ, тоже имѣетъ свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнитъ съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! что за жизнь, право! Вы, можетъ быть, думаете, что я только переписываю; нѣтъ, начальникъ отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: „Приходи, братецъ, обѣдать!“ Я только на двѣ минуты захожу въ департаментъ, съ тѣмъ только, чтобы сказать: это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужъ чиновникъ для письма, этакая крыса, перомъ только — тр, тр... пошелъ писать. Хотѣли было даже меня коллежскимъ асессоромъ сдѣлать, да думаю, зачѣмъ. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со щеткою: „Позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ“, говоритъ, „сапоги почищу“. (Городничему.) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста садитесь!

Вмѣстѣ.

Городничій.

Чинъ такой, что еще можно постоять.

Артемій Филипповичъ.

Мы постоимъ.

Лука Лукичъ.

Не извольте безпокоиться!

Хлестаковъ.

Безъ чиновъ, прошу садиться. (Городничій и всѣ са-

дятся.) Я не люблю церемоніи. Напротивъ, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незамѣтно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда-нибудь, ужъ и говорятъ: „Вонъ“, говорятъ, „Иванъ Александровичъ идетъ!“ А одинъ разъ меня приняли даже за главнокомандующаго: солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: „Ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго“.

Анна Андреевна.

Скажите, какъ!

Хлестаковъ.

Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже разные водевильчики... Литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: „Ну, что, братъ Пушкинъ?“ — „Да такъ, братъ“, отвѣчаетъ бывало: „такъ какъ то все“... Большой оригиналъ.

Анна Андреевна.

Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ.

Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволъ, Норма [1]. Ужъ и названій даже не помню. И все случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говоритъ: „Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь“. Думаю себѣ: „Пожалуй, изволь, братецъ“. И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ, всѣхъ изумилъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все это, что было подъ

[1] Оперы.

именемъ барона Брамбеуса[1], Фрегатъ „Надежды“[2] и „Московскій Телеграфъ“...[3] все это я написалъ.

Анна Андреевна.

Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлестаковъ.

Какъ же, я имъ всѣмъ поправляю статьи[4]. Мнѣ Смирдинъ[5] даетъ за это сорокъ тысячъ.

Анна Андреевна.

Такъ, вѣрно, и „Юрій Милославскій“ ваше сочиненіе?

Хлестаковъ.

Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна.

Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, тамъ написано, что это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна.

Ну, вотъ: я и знала, что даже здѣсь будешь спорить.

Хлестаковъ.

Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой „Юрій Милославскій“, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна.

Ну, это вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

---

[1] Псевдонимъ Сенковскаго.
[2] Повѣсть Бестужева-Марлинскаго.
[3] Журналъ Н. Полевого.
[4] Сенковскій постоянно поправлялъ (часто до неузнаваемости) присылаемыя въ „Библіотеку для чтенія“ статьи
[5] Издатель и книгопродавецъ.

Хлестаковъ.

Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. (Обращаясь ко всѣмъ.) Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я, вѣдь, тоже балы даю.

Анна Андреевна.

Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы?

Хлестаковъ.

Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ — въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кострюлькѣ прямо на пароходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку — паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморишься, играя, что, просто, ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ — скажешь только кухаркѣ: „На, Маврушка, шинель“ ... Что жъ я вру — я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница стоитъ... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжатъ тамъ, какъ шмели, только и слышно ж... ж... ж... Иной разъ и министръ... (Городничій и прочіе съ робостью встаютъ съ своихъ стульевъ.) Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ — куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало — нѣтъ, мудрено. Кажется и легко на видъ, а разсмотришь —

просто, чортъ возьми! Послѣ видятъ, нечего дѣлать — ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? „Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!“ Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ; хотѣлъ отказаться, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже... „Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю“, говорю, „такъ и быть“, говорю: „я принимаю, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо востро! ужъ я“... И точно: бывало, какъ прохожу черезъ департаментъ — просто землетрясенье, все дрожитъ и трясется, какъ листъ. (Городничій и прочіе трясутся отъ страха; Хлестаковъ горячится сильнѣе.) О! я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задалъ острастку. Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ: „Я самъ себя знаю, самъ“. Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ же въ фельдмарш... (поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками.)

Городничій

(подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить).

А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ

(быстрымъ отрывистымъ голосомъ).

Что такое?

Городничій.

А ва ва-ва... ва...

Хлестаковъ (такимъ же голосомъ).

Не разберу ничего, все вздоръ.

Городничій.

Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не при-

кажете ли отдохнуть?.. вотъ и комната, и все, что нужно.

Хлестаковъ.

Вздоръ — отдохнуть. Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хорошъ... я доволенъ, я доволенъ. (Съ декламаціей.) Лабарданъ! лабарданъ! (Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій.)

Явленіе VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и Городничаго.

Бобчинскій (Добчинскому).

Вотъ это, Петръ Ивановичъ, человѣкъ то. Вотъ оно, что значитъ человѣкъ! Въ жисть не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?

Добчинскій.

Я думаю, чуть ли не генералъ.

Бобчинскій.

А я такъ думаю, что генералъ то ему и въ подметки не станетъ; а когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали: государственный то совѣтъ какъ прижалъ? Пойдемъ, разскажемъ поскорѣе Аммосу Ѳедоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій.

Прощайте, кумушка! (Оба уходятъ.)

Артемій Филипповичъ (Лукѣ Лукичу).

Страшно, просто; а отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундирахъ. Ну, что, какъ проспится, да въ Петербургъ махнетъ донесеніе? (Уходятъ въ задумчивости вмѣстѣ съ смотрителемъ училищъ, произнеся:) Прощайте, сударыня!

Явленіе VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна.

Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна.

Ахъ, милашка!

Анна Андреевна.

Но только какое тонкое обращеніе! сейчасъ можно увидѣть столичную штучку. Пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я, однакожъ, ему очень понравилась: я замѣтила — все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андреевна.

Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна.

Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андреевна.

Ну, вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой стати ему смотрѣть на тебя?

Марья Антоновна.

Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андреевна.

Ну, можетъ быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. „А“, говоритъ себѣ: „дай ужъ, посмотрю на нее!“

Явленіе IX.

Тѣ же и городничій.

Городничій (входитъ на цыпочкахъ).

Чш... ш...

Анна Андреевна.

Что?

Городничій.

И не радъ, что напоилъ. Ну, что̀, если хоть одна половина изъ того, что̀ онъ говорилъ, правда? (Задумывается.) Да какъ же и не быть правдѣ? Подгулявши, человѣкъ все несетъ наружу: что̀ на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, прилгнулъ немного; да вѣдь, не прилгнувши, не говорится никакая рѣчь. Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что̀ и дѣлается въ головѣ; просто, какъ будто или стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна.

А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій.

Ну, ужъ вы — женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все — финтирлюшки [1]! Вдругъ брякнутъ ни изъ того, ни изъ

[1] Пустяки.

другого словцо. Васъ посѣкутъ, да и только, а мужа и поминай, какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна.

Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... (посматриваетъ на дочь).

Городничій (одинъ).

Ну, ужъ съ вами говорить!.. Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. (Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь.) Мишка! позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду; они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. (Послѣ небольшого молчанія.) Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: хоть бы народъ то ужъ былъ видный, а то худенькій, тоненькій — какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажетъ изъ себя, а какъ надѣнетъ фрачишку — ну, точно муха съ подрѣзанными крыльями. А вѣдь долго крѣпился давеча въ трактирѣ, заламливалъ такія аллегоріи и екивоки, что, кажись, вѣкъ бы не добился толку. А вотъ, наконецъ, и подался. Да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно. Видно, что человѣкъ молодой.

Явленіе X.

Тѣ же и Осипъ. Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу, кивая пальцами.

Анна Андреевна.

Подойди сюда, любезный!

Городничій.

Чш!.. что? что? спитъ?

Осипъ.

Нѣтъ еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна.

Послушай, какъ тебя зовутъ?

Осипъ.

Осипъ, сударыня.

Городничій (женѣ и дочери).

Полно, полно вамъ! (Осипу.) Ну, что̀, другъ, тебя накормили хорошо?

Осипъ.

Накормили, покорнѣйше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна.

Ну, что̀, скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

Осипъ (въ сторону).

А что̀ говорить? Коли теперь накормили хорошо, значитъ, послѣ еще лучше накормятъ. (Вслухъ.) Да, бываютъ и графы.

Марья Антоновна.

Душенька Осипъ, какой твой баринъ хорошенькій!

Анна Андреевна.

А что̀, скажи пожалуйста, Осипъ, какъ онъ...

Городничій.

Да перестаньте пожалуйста! Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну что̀, другъ?..

Анна Андреевна.

А чинъ какой на твоемъ баринѣ?

Осипъ.

Чинъ обыкновенно какой.

Городничій.

Ахъ, Боже мой, вы все съ своими глупыми

разспросами! не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что̀, другъ, какъ твой баринъ?.. строгъ? любитъ этакъ распекать или нѣтъ?

Осипъ.

Да, порядокъ любитъ. Ужъ ему, чтобы все было въ исправности.

Городничій.

А мнѣ очень нравится твое лицо. Другъ, ты долженъ быть хорошій человѣкъ. Ну, что̀...

Анна Андреевна.

Послушай, Осипъ, а какъ баринъ твой тамъ, въ мундирѣ ходитъ?..

Городничій.

Полно вамъ, право, трещотки какія! Здѣсь нужная вещь: дѣло идетъ о жизни человѣка... (Къ Осипу.) Ну, что̀, другъ, право, мнѣ ты очень нравишься. Въ дорогѣ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ, — оно теперь холодновато, — такъ вотъ тебѣ пара цѣлковиковъ на чай.

Осипъ (принимая деньги).

А покорнѣйше благодарю, сударь! Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! бѣдный человѣкъ, помогли ему.

Городничій.

Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что̀, другъ...

Анна Андреевна.

Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна.

Осипъ, душенька! какой миленькій носикъ у твоего барина!

Городничій.

Да постойте, дайте мнѣ!.. (Къ Осипу.) А что̀,

другъ, скажи пожалуйста: на что̀ больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то есть, что̀ ему въ дорогѣ больше нравится?

Осипъ.

Любитъ онъ, по разсмотрѣнію, что̀ какъ придется. Больше всего любитъ, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобъ было хорошее.

Городничій.

Хорошее?

Осипъ.

Да, хорошее. — Вотъ ужъ на что̀ я, крѣпостной человѣкъ, но и то смотритъ, чтобы и мнѣ было хорошо. Ей Богу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: „Что̀, Осипъ, хорошо тебя угостили?“ — „Плохо, ваше высокоблагородіе!“ — „Э“, говоритъ, „это, Осипъ, нехорошій хозяинъ. Ты“, говоритъ, „напомни мнѣ, какъ пріѣду“. — „А“, думаю себѣ, (махнувъ рукою) „Богъ съ нимъ! я человѣкъ простой“.

Городничій.

Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще, сверхъ того, на баранки.

Осипъ.

За что̀ жалуете, ваше высокоблагородіе? (Прячетъ деньги.) Развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна.

Приходи, Осипъ, ко мнѣ, тоже получишь.

Марья Антоновна.

Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина!

(Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.)

Городничій.

Чш! (Поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса.) Боже васъ сохрани шумѣть! Идите себѣ! полно ужъ вамъ...

Анна Андреевна.

Пойдемъ, Машенька! я тебѣ скажу, что̀ я замѣтила у гостя такое, что̀ намъ вдвоемъ только можно сказать.

Городничій.

О, ужъ тамъ наговорятъ! Я думаю, поди только, да послушай — и уши потомъ заткнешь. (Обращаясь къ Осипу.) Ну, другъ...

Явленіе XI.

Тѣ же, Держиморда и Свистуновъ.

Городничій.

Чш! экіе косолапые медвѣди — стучатъ сапогами! Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

Держиморда.

Былъ по приказанію...

Городничій.

Чш! (Закрываетъ ему ротъ.) Экъ какъ каркнула ворона! (Дразнитъ его.) Былъ по приказанію! Какъ изъ бочки, такъ рычитъ! (Къ Осипу.) Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что̀ нужно для барина. Все, что̀ ни есть въ домѣ, требуй. (Осипъ уходитъ.) А вы — стоять на крыльцѣ и ни съ мѣста! И никого не впускать въ домъ сторонняго, особенно купцовъ! Если хоть одного изъ нихъ впустите, то... Только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человѣка, что хочетъ подать на меня просьбу, въ-зашей такъ прямо и толкайте! такъ его! хорошенько! (Показываетъ ногою.) Слышите? Чш... чш... (Уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными.)

Дѣйствіе четвертое.

Та же комната въ домѣ городничаго.

Явленіе I.

Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ: **Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій** и **Бобчинскій**, въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ вполголоса.

Аммосъ Ѳедоровичъ

(строитъ всѣхъ полукружіемъ).

Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядку! Богъ съ нимъ: и во дворецъ ѣздитъ, и государственный совѣтъ распекаетъ! Стройтесь на военную ногу, непремѣнно на военную ногу! Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. (Оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ.)

Артемій Филипповичъ.

Воля ваша, Аммосъ Федоровичъ, намъ нужно бы кое-что предпринять.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

А что именно?

Артемій Филипповичъ.

Ну, извѣстно, что̀.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Подсунуть?

Артемій Филипповичъ.

Ну, да, хоть и подсунуть.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Опасно, чортъ возьми! раскричится: государственный человѣкъ. А развѣ въ видѣ приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятникъ?

Почтмейстеръ.

Или же: „вотъ молъ, пришли по почтѣ деньги, неизвѣстно кому принадлежащія“.

Артемій Филипповичъ.

Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ не отправилъ куда-нибудь подальше. Слушайте: эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ. Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ? Представиться нужно поодиночкѣ, да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ — чтобы и уши не слыхали! Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается! Ну, вотъ вы, Аммосъ Ѳедоровичъ, первый и начните.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Такъ лучше жъ вы: въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкусилъ хлѣба.

Артемій Филипповичъ.

Такъ ужъ лучше Лукѣ Лукичу, какъ просвѣтителю юношества.

Лука Лукичъ.

не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что, заговори со мною однимъ чиномъ кто-нибудь повыше, у меня, просто, и души нѣтъ, и языкъ, какъ въ грязь, завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право, увольте!

Артемій Филипповичъ.

Да, Аммосъ Ѳедоровичъ, кромѣ васъ, некому.

У васъ что̀ ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Что вы! что вы: Цицеронъ! Смотрите, что̀ выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ или гончей ищейкѣ...

Всѣ (пристаютъ къ нему).

Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи... Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!.. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Отвяжитесь, господа!

(Въ это время слышны шаги и откашливаніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣшатъ наперерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются выйти, что происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицанія:)

Голосъ Бобчинскаго.

Ой! Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ, наступили на ногу!

Голосъ Земляники.

Отпустите, господа, хоть душу на покаяніе — совсѣмъ прижали!

(Выхватываются нѣсколько восклицаній ай! ай! наконецъ, всѣ выпираются, и комната остается пуста.)

Явленіе II.

Хлестаковъ

(одинъ, выходитъ съ заспанными глазами).

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? даже вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего то за завтракомъ: въ головѣ до сихъ поръ стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностію проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ

чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса. А дочка городничаго очень не дурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

Явленіе III.

Хлестаковъ и судья.

Судья

(входя и останавливаясь, про себя).

Боже, Боже! вынеси благополучно; такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. (Вслухъ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.) Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій асессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ.

Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья

Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ.

А выгодно, однакоже, быть судьею?

Судья.

За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства. (Въ сторону.) А деньги въ кулакѣ, да кулакъ то весь въ огнѣ.

Хлестаковъ.

А мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й степени уже не такъ.

Судья

(высовывая понемногу впередъ сжатый кулакъ. Въ сторону).

Господи Боже! не знаю, гдѣ сижу. Точно горячіе угли подъ тобою.

Хлестаковъ.

Что̀ это у васъ въ рукѣ?

Аммосъ Ѳедоровичъ

(потерявшись и роняя на полъ ассигнаціи).

Ничего-съ.

Хлестаковъ

Какъ ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммосъ Ѳедоровичъ

(дрожа всѣмъ тѣломъ).

Никакъ нѣтъ-съ! (Въ сторону.) О, Боже! вотъ ужъ я и подъ судомъ! и телѣжку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ (поднимая).

Да, это деньги.

Аммосъ Ѳедоровичъ (въ сторону).

Ну, все кончено — пропалъ! пропалъ!

Хлестаковъ.

Знаете ли что? дайте ихъ мнѣ взаймы.

Аммосъ Ѳедоровичъ (поспѣшно).

Какъ же-съ, какъ же-съ... съ большимъ удовольствіемъ. (Въ сторону.) Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаковъ.

Я, знаете, въ дорогѣ издержался: то да се... Впрочемъ, я вамъ изъ деревни сейчасъ ихъ пришлю.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Помилуйте, какъ можно! и безъ того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвеніемъ и усердіемъ къ начальству... постараюсь заслужить... (Приподымается со стула. Вытянувшись и руки по швамъ.) Не смѣю болѣе безпокоить своимъ присутствіемъ. Не будетъ никакого приказанья?

Хлестаковъ.

Какого приказанья?

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Я разумѣю, не дадите ли какого приказанья здѣшнему уѣздному суду?

Хлестаковъ.

Зачѣмъ же? Вѣдь мнѣ никакой нѣтъ теперь въ немъ надобности; нѣтъ, ничего. Покорнѣйше благодарю.

Аммосъ Ѳедоровичъ

(раскланиваясь и уходя, въ сторону).

Ну, городъ нашъ!

Хлестаковъ (по уходѣ его).

Судья — хорошій человѣкъ!

Явленіе IV.

Хлестаковъ и почтмейстеръ (входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу).

Почтмейстеръ.

Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ.

А, милости просимъ! Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно — ну, что жъ? Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтмейстеръ.

Совершенная правда.

Хлестаковъ.

Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ [1], и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не такъ ли?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ. (Въ сторону). А онъ, однакожъ, ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлестаковъ.

А, вѣдь, однакожъ, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно — не правда ли?

Почтмейстеръ.

Совершенно справедливо.

Хлестаковъ.

Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія съ мною. Меня, конечно, назовутъ страннымъ, но ужъ у меня такой характеръ. (Глядя въ глаза ему, говоритъ про себя.) А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы. (Вслухъ.) Какой странный со мной случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Почтмейстеръ.

Почему же? почту за величайшее счастіе. Вотъ-съ, извольте. Отъ души готовъ служить.

Хлестаковъ.

Очень благодаренъ. А я, признаюсь, смерть не

---

[1] Хорошій тонъ.

люблю отказывать себѣ въ дорогѣ, да и къ чему? Не такъ ли?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ. (Встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу.) Не смѣю долѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ.

Нѣтъ, ничего.

(Почтмейстеръ раскланивается и уходитъ.)

Хлестаковъ (раскуривая сигарку).

Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человѣкъ; по крайней мѣрѣ услужливъ. Я люблю такихъ людей.

Явленіе V.

Хлестаковъ и **Лука Лукичъ**, который почти выталкивается изъ дверей. Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ: „Чего робѣешь?“

Лука Лукичъ

(вытягиваясь не безъ трепета и придерживая шпагу).

Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлестаковъ.

А, милости просимъ! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? (Подаетъ ему сигарку.)

Лука Лукичъ

(про себя, въ нерѣшимости).

Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлестаковъ.

Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарочки по двадцати пяти

рублей сотенка — просто, ручки себѣ потомъ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите (Подаетъ ему свѣчу.)

Лука Лукичъ

(пробуетъ закурить и весь дрожитъ).

Хлестаковъ.

Да не съ того конца!

Лука Лукичъ

(отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и, махнувъ рукою, про себя).

Чортъ побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаковъ.

Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я, признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще насчетъ женскаго пола, никакъ не могу быть равнодушенъ. Какъ вы? Какія вамъ больше нравятся — брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ

(находится въ совершенномъ недоумѣніи, что сказать).

Хлестаковъ.

Нѣтъ, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ.

Не смѣю знать.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь! Мнѣ хочется узнать непремѣнно вашъ вкусъ.

Лука Лукичъ.

Осмѣлюсь доложить... (Въ сторону.) Ну, и самъ не знаю, что говорю.

Хлестаковъ.

А! а! не хотите сказать. Вѣрно, ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку. Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лукичъ (молчитъ).

Хлестаковъ.

А! а! покраснѣли! Видите! Отчего жъ вы не говорите?

Лука Лукичъ.

Оробѣлъ, ваше бла... преос... сіят... (Въ сторону.) Продалъ, проклятый языкъ, продалъ!

Хлестаковъ.

Оробѣли? А въ моихъ глазахъ, точно, есть что то такое, что внушаетъ робость. По крайней мѣрѣ, я знаю, что ни одна женщина не можетъ ихъ выдержать, не такъ ли?

Лука Лукичъ.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

Вотъ со мной престранный случай: въ дорогѣ совсѣмъ издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Лука Лукичъ

(хватаясь за карманы, про себя).

Вотъ-те штука, если нѣтъ! Есть, есть! (Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи.)

Хлестаковъ.

Покорнѣйше благодарю.

Лука Лукичъ

(вытягиваясь и придерживая шпагу).

Не смѣю долѣе безпокоить присутствіемъ.

Хлестаковъ.

Прощайте.

Лука Лукичъ

(летитъ вонъ почти бѣгомъ и говоритъ въ сторону).

Ну, слава Богу! авось не заглянетъ въ классы!

Явленіе VI.

Хлестаковъ и Артемій Филипповичъ, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемій Филипповичъ.

Имѣю честь представиться: попечителъ богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Земляника.

Хлестаковъ.

Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемій Филипповичъ.

Имѣлъ честь сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

Хлестаковъ.

А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтракомъ.

Артемій Филипповичъ.

Радъ стараться на службу отечеству.

Хлестаковъ.

Я, — признаюсь, это моя слабость, — люблю хорошую кухню. — Скажите, пожалуйста, мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?

Артемій Филипповичъ.

Очень можетъ быть. (Помолчавъ.) Могу сказать, что не жалѣю ничего и ревностно исполняю службу. (Придвигается ближе съ своимъ стуломъ и говоритъ вполголоса.) Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ: всѣ дѣла въ большомъ запущеніи: посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что былъ предъ моимъ приходомъ, ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ, и поведенія, если признаться предъ вами, — конечно,

для пользы отечества, я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель, — поведенія самаго предосудительнаго. Здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ ужъ и сидитъ у жены его, я присягнуть готовъ... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго, но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлестаковъ.

Скажите пожалуйста! а я никакъ этого не думалъ.

Артемій Филипповичъ.

Вотъ и смотритель здѣшняго училища... Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ [1], и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумагѣ?

Хлестаковъ.

Хорошо, хоть на бумагѣ. Мнѣ очень будетъ пріятно. Я, знаете, этакъ люблю въ скучное время прочесть что-нибудь забавное... Какъ ваша фамилія? я все позабываю.

Артемій Филипповичъ.

Земляника.

Хлестаковъ.

А, да! Земляника. И что жъ, скажите пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

Артемій Филипповичъ.

Какъ же-съ! пятеро; двое уже взрослыхъ.

---

[1] Здѣсь — въ смыслѣ вольнодумецъ.

Хлестаковъ.

Скажите, взрослыхъ! А какъ они... какъ они того?..

Артемій Филипповичъ.

То есть, не изволите ли вы спрашивать, какъ ихъ зовутъ?

Хлестаковъ.

Да, какъ ихъ зовутъ?

Артемій Филипповичъ.

Николай, Иванъ, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаковъ.

Это хорошо.

Артемій Филипповичъ.

Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности... (Раскланивается съ тѣмъ, чтобы уйти.)

Хлестаковъ (провожая).

Нѣтъ, ничего. Это все очень смѣшно, что вы говорили. Пожалуйста и въ другое тоже время... Я это очень люблю. (Возвращается и, отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему.) Ей, вы! какъ васъ? я все позабываю, какъ ваше имя и отчество.

Артемій Филипповичъ.

Артемій Филипповичъ.

Хлестаковъ.

Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Нѣтъ ли у васъ денегъ взаймы — рублей четыреста?

Артемій Филипповичъ.

Есть.

Хлестаковъ.

Скажите, какъ кстати. Покорнѣйше васъ благодарю.

Явленіе VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобчинскій.

Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ, Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

Добчинскій.

Помѣщикъ Петръ, Ивановъ сынъ, Добчинскій.

Хлестаковъ.

А, да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали? Что, какъ вашъ носъ?

Бобчинскій.

Слава Богу! не извольте безпокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

Хлестаковъ.

Хорошо, что присохъ. Я радъ... (Вдругъ и отрывисто.) Денегъ нѣтъ у васъ?

Добчинскій.

Денегъ? какъ денегъ?

Хлестаковъ.

Взаймы рублей тысячу.

Бобчинскій.

Такой суммы, ей Богу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Добчинскій.

При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Хлестаковъ.

Да, ну, если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

Бобчинскій (шаря въ карманахъ).

У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.

Добчинскій (смотря въ бумажникъ).

Двадцать пять рублей всего.

Бобчинскій.

Да вы поищите то получше, Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху то, вѣрно, какъ-нибудь запали.

Добчинскій.

Нѣтъ, право, и въ прорѣхѣ нѣтъ.

Хлестаковъ.

Ну, все равно. Я вѣдь только такъ. Хорошо, пусть будетъ шестьдесятъ пять рублей... это все равно. (Принимаетъ деньги.)

Добчинскій.

Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

Хлестаковъ.

А что это?

Добчинскій.

Дѣло очень тонкаго свойства-съ: старшій то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака...

Хлестаковъ.

Да?

Добчинскій.

То есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ

законными-съ узами супружества-съ. Такъ я, изволите видѣть, хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ, то есть, законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій-съ.

Хлестаковъ.

Хорошо, пусть называется, это можно.

Добчинскій.

Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль насчетъ способностей. Мальчишка то этакой... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные разскажетъ и, если гдѣ попадется ножикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобчинскій.

Да, большія способности имѣетъ.

Хлестаковъ.

Хорошо, хорошо! Я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... я надѣюсь... все это будетъ сдѣлано, да, да... (Обращаясь къ Бобчинскому.) Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобчинскій.

Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

Хлестаковъ.

А что, о чемъ?

Бобчинскій.

Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ: сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ.

Очень хорошо.

Бобчинскій.

Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ, молъ, ваше императорское величество, въ такомъ то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ.

Очень хорошо.

Добчинскій.

Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Бобчинскій.

Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Хлестаковъ.

Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. (Выпроважаетъ ихъ.)

Явленіе VIII.

Хлестаковъ (одинъ).

Здѣсь много чиновниковъ. Мнѣ кажется, однакожъ, они меня принимаютъ за государственнаго человѣка. Вѣрно, я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всемъ въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ пописываетъ статейки — пусть-ка онъ ихъ общелкаетъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернилъ! (Осипъ выглянулъ изъ дверей, произнесши: „сейчасъ“.) А ужъ Тряпичкину, точно, если кто попадетъ на зубокъ, — берегись: отца родного не пощадитъ для словца, и деньгу тоже любитъ. Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; это съ ихъ стороны хорошая черта, что они мнѣ дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денегъ. Это отъ судьи триста; это отъ

почтмейстера триста, шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ... Какая замасленная бумажка! Восемьсотъ, девятьсотъ... Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитанъ, ну-ка, попадись-ка ты мнѣ теперь! посмотримъ, кто кого!

Явленіе IX.

Хлестаковъ и Осипъ (съ чернилами и бумагою).

Хлестаковъ.

Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ? (Начинаетъ писать.)

Осипъ.

Да, слава Богу! Только знаете что, Иванъ Александровичъ?

Хлестаковъ.

А что?

Осипъ.

Уѣзжайте отсюда! Ей Богу, уже пора.

Хлестаковъ (пишетъ).

Вотъ вздоръ! Зачѣмъ?

Осипъ.

Да такъ. Богъ съ ними со всѣми! Погуляли здѣсь два денька, — ну, и довольно. Что съ ними долго связываться? Плюньте на нихъ! не ровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ... ей Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славныя — такъ бы закатили!..

Хлестаковъ (пишетъ).

Нѣтъ, мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Осипъ.

Да что завтра! Ей Богу, поѣдемъ, Иванъ Александровичъ! Оно хоть и большая честь вамъ, да

все, знаете, лучше уѣхать скорѣе: вѣдь васъ, право, за кого то другого приняли... И батюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшкались. Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали.

Хлестаковъ (пишетъ).

Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, пожалуй, вмѣстѣ и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошія были! Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ фельдъегеря, катили и пѣсни бы пѣли!.. (Продолжаетъ писать.) Воображаю, Тряпичкинъ умретъ со смѣху...

Осипъ.

Я, сударь, отправлю его съ человѣкомъ здѣшнимъ, а самъ лучше буду укладываться, чтобъ не прошло понапрасну время.

Хлестаковъ (пишетъ).

Хорошо, принеси только свѣчу.

Осипъ

(выходитъ и говоритъ за сценой).

Эй, послушай, братъ! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не плотитъ: прогонъ, молъ, скажи, казенный. Да чтобъ все живѣе, а не то, молъ, баринъ сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаковъ (продолжаетъ писать).

Любопытно знать, гдѣ онъ теперь живетъ — въ Почтамтской или Гороховой? Онъ, вѣдь тоже любитъ часто переѣзжать съ квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую въ Почтамтскую. (Свертываетъ и надписываетъ.)

Осипъ

приноситъ свѣчу. Хлестаковъ печатаетъ. Въ это время слышенъ голосъ Держиморды:

Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ, никого не велѣно пускать.

Хлестаковъ (даетъ Осипу письмо).

На, отнеси.

Голоса купцовъ.

Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды.

Пошелъ, пошелъ! Не принимаетъ, спитъ.

(Шумъ увеличивается.)

Хлестаковъ.

Что тамъ такое, Осипъ? Посмотри, что за шумъ.

Осипъ (глядя въ окно).

Купцы какіе то хотятъ войти, да не допускаетъ квартальный. Машутъ бумагами: вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

Хлестаковъ (подходя къ окну).

А что вы, любезные?

Голоса купцовъ.

Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажите, государь, просьбу принять.

Хлестаковъ.

Впустите ихъ, впустите! пусть идутъ. Осипъ, скажи имъ: пусть идутъ.

(Осипъ уходитъ.)

Хлестаковъ

(принимаетъ изъ окна просьбы, развертываетъ одну изъ нихъ и читаетъ).

„Его высокоблагородному свѣтлости господину финансову отъ купца Абдулина...“ Чортъ знаетъ, что: и чина такого нѣтъ!

Явленіе X.

Хлестаковъ и купцы (съ кузовомъ вина и сахарными головами).

Хлестаковъ.

А что вы, любезные?

Купцы.

Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлестаковъ.

А что вамъ угодно?

Купцы.

Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлестаковъ.

Отъ кого?

Одинъ изъ купцовъ.

Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай! Не по поступкамъ поступаетъ. Схватитъ за бороду, говоритъ: „Ахъ ты, татаринъ!“ Ей Богу! Еслибы, то есть, чѣмъ-нибудь не уважили его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочкѣ — мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало — ей, ей! Придетъ въ лавку и, что ни попадется, все беретъ. Сукна увидитъ штуку, говоритъ: „Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мнѣ“. Ну, и несешь, а въ штукѣ то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

Хлестаковъ.

Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Купцы.

Ей Богу! такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь.

Хлестаковъ.

Да это, просто, разбойникъ

Купцы.

Ей, ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что, велитъ запереть двери. „Я тебя“, говоритъ, „не буду“, говоритъ, „подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать — это“, говоритъ, „запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!“

Хлестаковъ.

Ахъ, какой мошенникъ! Да за это, просто, въ Сибирь.

Купцы.

Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его — все будетъ хорошо, лишь бы, то есть, отъ насъ подальше. Не побрезгай, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахарцомъ и кузовкомъ вина.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, вы этого не думайте; я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ. Вотъ, еслибы вы, напримѣръ, предложили мнѣ взаймы рублей триста, — ну, тогда совсѣмъ другое дѣло: взаймы я могу взять.

Купцы.

Изволь, отецъ нашъ! (Вынимаютъ деньги.) Да что триста! ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлестаковъ.

Извольте: взаймы — я ни слова, я возьму.

Купцы

(подносятъ ему на серебряномъ подносѣ деньги)

Ужъ, пожалуйста, и подносикъ вмѣстѣ возьмите.

Хлестаковъ.

Ну, и подносикъ можно.

Купцы (кланяясь).

Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

Хлестаковъ

О, нѣтъ, я взятокъ никакихъ...

Осипъ.

Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите! въ дорогѣ все пригодится. Давай сюда головы и кулекъ! Подавай все! все пойдетъ въ прокъ. Что тамъ? веревочка? Давай и веревочку, — и веревочка въ дорогѣ пригодится: телѣжка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы.

Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство! Если уже вы, то есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ, какъ и быть: просто хоть въ петлю полѣзай.

Хлестаковъ.

Непремѣнно, непремѣнно! Я постараюсь. (Купцы уходятъ.) Слышенъ голосъ женщины: Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!

Хлестаковъ.

Кто тамъ? (Подходитъ къ окну.) А что ты, матушка?

Голоса двухъ женщинъ.

Милости твоей, отецъ, прошу! Повели, государь, выслушать.

Хлестаковъ (въ окно).

Пропустить ее.

Явленіе XI.

Хлестаковъ, слесарша и унтеръ-офицерша.

Слесарша (кланяясь въ ноги).

Милости прошу . .

Унтеръ-офицерша.

Милости прошу . . .

Хлестаковъ.

Да что вы за женщины?

Унтеръ-офицерша.

Унтеръ-офицерская жена Иванова.

Слесарша.

Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пошлепкина, отецъ мой . . .

Хлестаковъ.

Стой, говори прежде одна. Что тебѣ нужно?

Слесарша.

Милости прошу, на городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло! Чтобъ ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ его ни въ чемъ никакого прибытку не было!

Хлестаковъ.

А что?

Слесарша.

Да мужу то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты, и очередь то на насъ не припадала, мошенникъ такой! да и по закону нельзя: онъ женатый.

Хлестаковъ.

Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

Слесарша.

Сдѣлалъ мошенникъ, сдѣлалъ — побей Богъ его и на томъ, и на этомъ свѣтѣ! Чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ если живъ у него, то чтобъ и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся навѣки, мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портного, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся [1] къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ. „На что“, говоритъ, „тебѣ мужъ? онъ ужъ тебѣ не годится“. Да я то знаю — годится или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой! „Онъ“, говоритъ, „воръ; хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно“, говоритъ, „онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты“. Да мнѣ то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Я слабый человѣкъ, подлецъ ты такой! Чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго! А если есть теща, то чтобъ и тещѣ...

Хлестаковъ.

Хорошо, хорошо. Ну, а ты? (Выпровожаетъ старуху.)

Слесарша (уходя).

Не позабудь, отецъ нашъ! будь милостивъ!

Унтеръ-офицерша.

На городничаго, батюшка, пришла...

---

[1] Привязался, прицѣпился.

Хлестаковъ.

Ну, да что, зачѣмъ? говори въ короткихъ словахъ.

Унтеръ-офицерша.

Высѣкъ, батюшка!

Хлестаковъ.

Какъ?

Унтеръ-офицерша.

По ошибкѣ, отецъ мой! Бабы то наши задрались на рынкѣ, а полиція не подоспѣла, да и схвати меня, да такъ отрапортовали: два дни сидѣть не могла.

Хлестаковъ.

Такъ что жъ теперь дѣлать?

Унтеръ-офицерша.

Да дѣлать то, конечно, нечего. А за ошибку то повели ему заплатить штрафтъ. Мнѣ отъ своего счастья неча отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились.

Хлестаковъ.

Хорошо, хорошо! Ступайте! ступайте! я распоряжусь. (Въ окно высовываются руки съ просьбами.) Да кто тамъ еще? (Подходитъ къ окну.) Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! (Отходя.) Надоѣли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ!

Осипъ (кричитъ въ окно).

Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

(Дверь отворяется и выставляется какая то фигура во фризовой шинели, съ небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за нею въ перспективѣ показывается нѣсколько другихъ.)

Осипъ.

Пошелъ, пошелъ! чего лѣзешь? (Упирается первому руками въ брюхо и выпирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь.)

Явленіе XII.

Хлестаковъ и Марья Антоновна.

Марья Антоновна.

Ахъ!

Хлестаковъ.

Отчего вы такъ испугались, сударыня?

Марья Антоновна.

Нѣтъ, я не испугалась.

Хлестаковъ (рисуется).

Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣлюсь ли спросить васъ: куда вы намѣрены были идти?

Марья Антоновна.

Право, я никуда не шла.

Хлестаковъ.

Отчего же, напримѣръ, вы никуда не шли?

Марья Антоновна.

Я думала, не здѣсь ли маменька...

Хлестаковъ.

Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна.

Я вамъ помѣшала. Вы занимались важными дѣлами.

Хлестаковъ (рисуется).

А ваши глаза лучше, нежели важныя дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принесть удовольствіе.

Марья Антоновна.

Вы говорите по-столичному.

Хлестаковъ.

Для такой прекрасной особы, какъ вы. Осмѣлюсь ли быть такъ счастливъ, чтобы предложить вамъ стулъ? Но нѣтъ, вамъ должно не стулъ, а тронъ.

Марья Антоновна.

Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно было идти. (Сѣла.)

Хлестаковъ.

Какой у васъ прекрасный платочекъ!

Марья Антоновна.

Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлестаковъ.

Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна.

Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какой то платочекъ... Сегодня какая странная погода!

Хлестаковъ.

А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна.

Вы все этакое говорите... Я бы васъ попросила, чтобъ вы мнѣ написали лучше на память какіе-нибудь стишки въ альбомъ. Вы, вѣрно, ихъ знаете много.

Хлестаковъ

Для васъ, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

Марья Антоновна.

Какіе-нибудь, этакіе — хорошіе, новые.

Хлестаковъ.

Да что стихи! я много ихъ знаю.

Марья Антоновна.

Ну, скажите же, какіе же вы мнѣ напишете?

Хлестаковъ.

Да къ чему же говорить? я и безъ того ихъ знаю.

Марья Антоновна.

Я очень люблю ихъ...

Хлестаковъ.

Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: „О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ!..“ [1] ну и другіе... теперь не могу припомнить; впрочемъ, это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... (Придвигая стулъ.)

Марья Антоновна.

Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь... (Отдвигаетъ стулъ.)

Хлестаковъ.

Отчего жъ вы отдвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

Марья Антоновна (отдвигаясь).

Для чего жъ близко? все равно и далеко.

Хлестаковъ (придвигаясь).

Отчего жъ далеко? все равно и близко.

Марья Антоновна (отдвигается).

Да къ чему жъ это?

Хлестаковъ (придвигаясь).

Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко;

---

[1] Стих. Ломоносова.

а вы вообразите себѣ, что далеко. Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, еслибъ могъ прижать васъ въ свои объятія.

Марья Антоновна (смотритъ въ окно).

Что это, такъ, какъ будто бы полетѣло? Сорока или какая другая птица?

Хлестаковъ

(цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно).

Это сорока.

Марья Антоновна

(встаетъ въ негодованіи).

Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость такая!..

Хлестаковъ (удерживая ее).

Простите, сударыня: я это сдѣлалъ отъ любви, точно, отъ любви.

Марья Антоновна.

Вы почитаете меня за такую провинціалку... (Силится уйти.)

Хлестаковъ (продолжая удерживать ее).

Изъ любви, право, изъ любви. Я такъ только, пошутилъ: Марья Антоновна, не сердитесь! Я готовъ на колѣнкахъ у васъ просить прощенія. (Падаетъ на колѣни.) Простите же, простите! Вы видите, я на колѣняхъ.

Явленіе XIII.

Тѣ же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна

(увидя Хлестакова на колѣняхъ).

Ахъ, какой пасажъ[1]!

---

[1] Случай, происшествіе.

Хлестаковъ (вставая).

А, чортъ возьми!

Анна Андреевна (дочери).

Это что значитъ, сударыня? Это что за поступки такіе?

Марья Антоновна.

Я, маменька...

Анна Андреевна.

Поди прочь отсюда! слышишь, прочь, прочь! И не смѣй показываться на глаза. (Марья Антоновна уходитъ въ слезахъ.) Извините, я, признаюсь, приведена въ такое изумленіе...

Хлестаковъ (въ сторону).

А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (Бросается на колѣни.) Сударыня, вы видите, я сгараю отъ любви.

Анна Андреевна.

Какъ, вы на колѣняхъ? Ахъ, встаньте, встаньте! здѣсь полъ совсѣмъ нечистъ.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, на колѣняхъ, непремѣнно на колѣняхъ, я хочу знать, что такое мнѣ суждено, жизнь или смерть.

Анна Андреевна.

Но позвольте, я еще не понимаю вполнѣ значенія словъ. Если не ошибаюсь, вы дѣлаете декларацію [1] насчетъ моей дочери.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, я влюбленъ въ васъ. Жизнь моя на волоскѣ. Если вы не увѣнчаете постоянную любовь мою, то я недостоинъ земного существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей.

---

[1] Объясненіе.

Анна Андреевна.

Но позвольте замѣтить: я въ нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ.

Хлестаковъ.

Это ничего! Для любви нѣтъ различія; и Карамзинъ сказалъ: „Законы осуждаютъ“ [1]. Мы удалимся подъ сѣнь струй... Руки вашей, руки прошу.

Явленіе XIV.

Тѣ же и Марья Антоновна (вдругъ вбѣгаетъ).

Марья Антоновна.

Маменька, папенька сказалъ, чтобы вы... (Увидя Хлестакова на колѣняхъ, вскрикиваетъ:) Ахъ, какой пасажъ!

Анна Андреевна.

Ну, что ты? къ чему? зачѣмъ? Что за вѣтреность такая! Вдругъ вбѣжала, какъ угорѣлая кошка. Ну, что ты нашла такого удивительнаго? Ну, что тебѣ вздумалось? Право, какъ дитя какое-нибудь трехлѣтнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лѣтъ. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнѣе, когда ты будешь вести себя, какъ прилично благовоспитанной дѣвицѣ; когда ты будешь знать, что такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ.

Марья Антоновна (сквозь слезы).

Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна.

У тебя вѣчно какой то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ; ты берешь примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебѣ глядѣть на нихъ!

---

[1] Повѣсть „Островъ Борнгольмъ“.

не нужно тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе — передъ тобою мать твоя. Вотъ какимъ примѣрамъ ты должна слѣдовать.

Хлестаковъ (схватывая за руку дочь).

Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (съ изумленіемъ).

Такъ вы въ нее?..

Хлестаковъ.

Рѣшите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна.

Ну, вотъ видишь, дура, ну, вотъ видишь: изъза тебя, этакой дряни, гость изволилъ стоять на колѣняхъ; а ты вдругъ вбѣжала, какъ сумасшедшая. Ну, вотъ, право, стоитъ, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастія.

Марья Антоновна.

Не буду, маменька; право, впередъ не буду.

Явленіе XV.

Тѣ же и городничій (впопыхахъ).

Городничій.

Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаковъ.

Что съ вами?

Городничій.

Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству. Честью увѣряю, и наполовину нѣтъ того, что они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерша налга-

ла вамъ, будто бы я ее высѣкъ! она вретъ, ей Богу, вретъ. Она сама себя высѣкла.

Хлестаковъ.

Провались унтеръ-офицерша — мнѣ не до нея!

Городничій.

Не вѣрьте, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ вотъ этакой ребенокъ не повѣритъ. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества осмѣлюсь доложить: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Анна Андреевна.

Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ насъ Иванъ Александровичъ? Онъ проситъ руки нашей дочери.

Городничій.

Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство: она немного съ придурью, такова же была и мать ея.

Хлестаковъ.

Да, я, точно, прошу руки. Я влюбленъ.

Городничій.

Не могу вѣрить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна.

Да когда говорятъ тебѣ!

Хлестаковъ.

Я не шутя вамъ говорю... Я могу отъ любви свихнуть съ ума.

Городничій.

Не смѣю вѣрить, недостоинъ такой чести.

Хлестаковъ.

Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, чортъ знаетъ, что готовъ...

Городничій.

Не могу вѣрить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна.

Ахъ, какой чурбанъ, въ самомъ дѣлѣ! Ну, когда тебѣ толкуютъ?

Городничій.

Не могу вѣрить.

Хлестаковъ.

Отдайте, отдайте! Я отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все: когда застрѣлюсь, васъ подъ судъ отдадутъ.

Городничій.

Ахъ, Боже мой! Я, ей, ей, не виноватъ ни душою, ни тѣломъ! Не извольте гнѣваться! Извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! У меня, право, въ головѣ теперь... я и самъ не знаю, что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андреевна.

Ну, благословляй!

Хлестаковъ

подходитъ съ Марьей Антоновной.

Городничій.

Да благословитъ васъ Богъ! а я не виноватъ! (Хлестаковъ цѣлуется съ Марьей Антоновной. Городничій смотритъ на нихъ.) Что за чортъ! въ самомъ дѣлѣ! (Протираетъ глаза.) Цѣлуются! Ахъ, батюшки, цѣлуются! Точный женихъ. (Вскрикиваетъ, подпрыгивая отъ радости.) Ай Антонъ! Ай Антонъ! Ай городничій! Вона, какъ дѣло то пошло!

Явленіе XVI.

Тѣ же и Осипъ.

Осипъ.

Лошади готовы.

Хлестаковъ.

А, хорошо... я сейчасъ.

Городничій.

Какъ-съ? Изволите ѣхать?

Хлестаковъ.

Да, ѣду.

Городничій.

А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть насчетъ, кажется, свадьбы?

Хлестаковъ.

А это... На одну минуту только, на одинъ день къ дядѣ — богатый старикъ; а завтра же и назадъ.

Городничій.

Не смѣемъ никакъ удерживать, въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

Хлестаковъ.

Какъ же, какъ же, я вдругъ. Прощайте, любовь моя... нѣтъ, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! (Цѣлуетъ ея ручку.)

Городничій.

Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

Хлестаковъ.

О, нѣтъ, къ чему это? (Немного подумавъ.) А впрочемъ, пожалуй.

Городничій.

Сколько угодно вамъ?

Хлестаковъ.

Да вотъ тогда вы дали двѣсти, то есть не двѣсти, а четыреста, — я не хочу воспользоваться вашею ошибкою, — такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Городничій.

Сейчасъ! (Вынимаетъ изъ бумажника.) Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаковъ.

А, да! (Беретъ и разсматриваетъ ассигнаціи.) Это хорошо. Вѣдь это, говорятъ, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Городничій.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

Прощайте, Антонъ Антоновичъ! Очень обязанъ за ваше гостепріимство. Я признаюсь отъ всего сердца: мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго пріема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте моя душенька, Марья Антоновна!

(Выходятъ.)

За сценой.

Голосъ Хлестакова.

Прощайте, ангелъ души моей, Марья Антоновна!

Голосъ городничаго.

Какъ же это вы? прямо такъ на перекладной и ѣдете?

Голосъ Хлестакова.

Да, я привыкъ ужъ такъ. У меня голова болитъ отъ рессоръ.

Голосъ ямщика.

Тпр...

Голосъ городничаго.

Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлать, хотя бы ковpикомъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

Голосъ Хлестакова.

Нѣтъ, зачѣмъ? это пустое; а впрочемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

Голосъ городничаго.

Эй, Авдотья! ступай въ кладовую, вынь коверъ самый лучшій, — что по голубому полю, персидскій, скорѣй!

Голосъ ямщика.

Тпр...

Голосъ городничаго.

Когда же прикажете ожидать васъ?

Голосъ Хлестакова.

Завтра или послѣ-завтра.

Голосъ Осипа.

А, это коверъ? Давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голосъ ямщика.

Тпр...

Голосъ Осипа.

Вотъ съ этой стороны! сюда! еще! хорошо! Славно будетъ! (Бьетъ рукою по ковру.) Теперь садитесь, ваше благородіе!

Голосъ Хлестакова.

Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

Голосъ городничаго.

Прощайте, ваше превосходительство!

Женскіе голоса.

Прощайте, Иванъ Александровичъ!

Голосъ Хлестакова.

Прощайте, маменька!

Голосъ ямщика.

Эй, вы, залетные!

(Колокольчикъ звенитъ; занавѣсъ опускается.)

Дѣйствіе пятое.

Та же комната.

Явленіе I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій.

Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ [1], канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось — просто изъ какой-нибудь городничихи и вдругъ... фу ты, канальство!.. съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андреевна.

Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

Городничій.

Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однакожъ, право, какъ подумаешь, Анна Андревна, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ? (Входитъ квартальный.) А, это ты, Иванъ Карпо-

---

[1] Добыча, трофей.

вичъ! Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, каналій! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты проклятый іудейскій народъ! Постойте жъ, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобъ знали: что вотъ, дискать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою — не то, чтобы за какого-нибудь простого человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество. (Квартальный уходитъ.) Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андреевна.

Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Городничій.

Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь я думаю, уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна.

Натурально, что за городничество!

Городничій.

Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ запанибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ, такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со-временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна.

Еще бы! конечно, можно.

Городничій.

А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію [1] повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую [2]?

Анна Андреевна.

Ужъ, конечно, голубую лучше.

Городничій.

Э? вишь чего захотѣла! хорошо и красную Вѣдь почему хочется быть генераломъ? — потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: „лошадей!“ И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ — стой городничій! Хе, хе, хе! (Заливается и помираетъ со смѣху.) Вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна.

Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Городничій.

Что жъ? вѣдь слово не вредитъ.

---

[1] Ленту.
[2] Анненскую или Андреевскую

Анна Андреевна.

Да хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Городничій.

Да; тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна.

Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза. (Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ.) Ахъ, какъ хорошо!

Явленіе II.

Тѣ же и купцы.

Городничій.

А! здорово, соколики!

Купцы (кланяясь).

Здравія желаемъ, батюшка!

Городничій.

Что, голубчики, какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе! жаловаться? Что, много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ! Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андреевна.

Ахъ, Боже мой! какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничій (съ неудовольствіемъ).

А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь

женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я васъ!.. Обманываете народъ... Сдѣлаешь подрядъ съ казною, на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да еслибъ знали, такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не тронь. „Мы“, говоритъ, „и дворянамъ не уступимъ“. Да дворянинъ... ахъ ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что? — начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, „Отче нашъ“ не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (кланяясь).

Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Городничій.

Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь. — Что скажешь? а?

Одинъ изъ купцовъ.

Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ! Лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться. Ужъ какое хошь удовлетвореніе, не гнѣвись только!

Городничій.

Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ

моихъ. Отчего? — оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы (кланяются въ ноги).

Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Городничій.

„Не погуби!“ Теперь: „не погуби!“ а прежде что? Я бы васъ... (махнувъ рукой). Ну, да Богъ проститъ! полно! Я не памятозлобенъ; только теперь, смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтобъ поздравленіе было... понимаешь? не то, чтобъ отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару... Ну, ступай съ Богомъ!

(Купцы уходятъ.)

Явленіе III.

Тѣ же, Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, потомъ Растаковскій.

Аммосъ Ѳедоровичъ (еще въ дверяхъ).

Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? къ вамъ привалило необыкновенное счастіе?

Артемій Филипповичъ.

Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастіемъ. Я душевно обрадовался, когда услышалъ. (Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.) Анна Андреевна! (Подходя къ ручкѣ Марьи Антоновны.) Марья Антоновна!

Растаковскій (входитъ).

Антона Антоновича поздравляю. Да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! (Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.) Марья Антоновна! (Подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны.)

Явленіе IV.

Тѣ же, Коробкинъ съ женою, Люлюковъ.

Коробкинъ.

Имѣю честь поздравить Антона Антоновича: Анна Андреевна! (Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.) Марья Антоновна! (Подходитъ къ ея ручкѣ.)

Жена Коробкина.

Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастіемъ.

Люлюковъ.

Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! (Подходитъ къ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства.) Марья Антоновна! Имѣю честь поздравить. (Подходитъ къ ея ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ.)

Явленіе V.

Множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Анны Андреевны, говоря: „Анна Андреевна!“ потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, говоря: „Марья Антоновна!“ Бобчинскій и Добчинскій (проталкиваются).

Бобчинскій.

Имѣю честь поздравить!

Добчинскій.

Антонъ Антоновичъ! имѣю честь поздравить.

Бобчинскій.

Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добчинскій.

Анна Андреевна!

Бобчинскій.

Анна Андреевна!

(Оба подходятъ въ одно время и стalкиваются лбами.)

Добчинскій.

Марья Антоновна! (Подходитъ къ ручкѣ.) Честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, большомъ счастіи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобчинскій (перебивая).

Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ этакого маленькаго, вонъ энтакого-съ! (показываетъ рукою), чтобъ можно было на ладонку посадить, да-съ! Все будетъ мальчишка кричать: уа! уа! уа!

Явленіе VI.

Еще нѣсколько гостей, подходящихъ къ ручкамъ, **Лука Лукичъ** съ женою.

Лука Лукичъ.

Имѣю честь...

Жена Луки Лукича (бѣжитъ впередъ).

Поздравляю васъ, Анна Андреевна! (Цѣлуются.) А я такъ, право, обрадовалась. Говорятъ мнѣ: „Анна Андреевна выдаетъ дочку“. — „Ахъ, Боже мой!“ думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: „Послушай, Луканчикъ: вотъ какое счастіе Аннѣ Андреевнѣ!“ „Ну“, думаю себѣ, „слава Богу!“ И говорю ему: „Я такъ восхищена, что сгараю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Андреевнѣ!“... „Ахъ, Боже мой!“ думаю себѣ: „Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла“, и такъ, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ просто рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: „Отчего ты, Настенька, рыдаешь?“ — „Луканчикъ“, говорю, „я и сама не знаю, слезы такъ вотъ рѣкой и льются“.

Городничій.

Покорнѣйше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульевъ!

(Гости садятся.)

Явленіе VII.

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

Частный приставъ.

Имѣю честь поздравить васъ, ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта.

Городничій.

Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

(Гости усаживаются.)

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Но скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось, постепенный ходъ всего, то есть, дѣла.

Городничій

Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственнолично сдѣлать предложеніе.

Анна Андреевна.

Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ. Говоритъ: „Я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ вашимъ достоинствамъ“. И такой прекрасный, воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ! — „Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь — копейка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества“.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька! вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андреевна.

Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся! — „Я, Анна Андреевна, изумляюсь“. Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... И когда я хотѣла сказать; „Мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь“, онъ вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: „Анна Андреевна! не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не то, я смертью окончу жизнь свою“.

Марья Антоновна.

Право, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

Анна Андреевна.

Да, конечно... и объ тебѣ было, я ничего этого не отвергаю.

Городничій.

И такъ даже напугалъ: говорилъ, что застрѣлится. „Застрѣлюсь, застрѣлюсь!“ говоритъ.

Многіе изъ гостей.

Скажите пожалуйста!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Экая штука!

Лука Лукичъ.

Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела.

Артемій Филипповичъ.

Не судьба, батюшка, судьба — индѣйка: заслуги привели къ тому. (Въ сторону.) Этакой свиньѣ лѣзетъ всегда въ ротъ счастье!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

Городничій.

Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Ну, не хотите, на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина.

Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастію! вы не можете себѣ представить.

Коробкинъ.

Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ за чѣмъ то.

Городничій.

Да, онъ отправился на одинъ день, по весьма важному дѣлу.

Анна Андреевна.

Къ своему дядѣ, чтобы испросить благословенія.

Городничій.

Испросить благословенія; но завтра же... (Чихаетъ, поздравленія сливаются въ одинъ гулъ.) Много благодаренъ! Но завтра же и назадъ... (Чихаетъ; поздравительный гулъ; слышнѣе другихъ голоса:)

Частнаго пристава.

Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго.

Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добчинскаго.

Продли Богъ на сорокъ-сороковъ!

Артемія Филипповича.

Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коробкина.

Чортъ тебя побери!

Городничій.

Покорнѣйше благодарю! И вамъ того жъ желаю.

Анна Андреевна.

Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужъ слишкомъ!.. признаюсь, большая непріятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Городничій.

Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лукичъ.

И дай Богъ получить!

Растаковскій.

Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Большому кораблю — большое плаванье.

Артемій Филипповичъ.

По заслугамъ и честь.

Аммосъ Ѳедоровичъ (въ сторону)

Вотъ выкинетъ штуку, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдло! Ну, нѣтъ, до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ поръ еще не генералы.

Артемій Филипповичъ (въ сторону).

Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзетъ! Чего добраго, можетъ, и будетъ генераломъ. Вѣдь у него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно. (Обращаясь къ нему.) Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте

Аммосъ Ѳедоровичъ.

И если что случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ!

Коробкинъ.

Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ, сдѣлайте милость, окажите вашу протекцію [1], мѣсто отца заступите сироткѣ.

Городничій.

Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андреевна.

Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять этакими обѣщаніями?

Городничій.

Почему жъ, душа моя? иногда можно.

Анна Андреевна.

Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелюзгѣ оказывать покровительство.

Жена Коробкина.

Вы слышали, какъ она трактуетъ насъ?

Гостья.

Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои...

Явленіе VIII.

Тѣ же и почтмейстеръ (впопыхахъ, съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ).

Почтмейстеръ.

Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ ко-

---

[1] Покровительство

тораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

Всѣ.

Какъ, не ревизоръ?

Почтмейстеръ.

Совсѣмъ не ревизоръ, — я узналъ это изъ письма.

Городничій.

Что вы, что вы? изъ какого письма?

Почтмейстеръ.

Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ — вижу: „въ Почтамскую улицу“. Я такъ и обомлѣлъ. „Ну“, думаю себѣ, „вѣрно, нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство“. Взялъ, да и распечаталъ.

Городничій.

Какъ же вы?...

Почтмейстеръ.

Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эштафетой; но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: „Эй, не распечатывай! пропадешь, какъ курица“; а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: „Распечатай, распечатай, распечатай!“ И какъ придавилъ сургучъ — по жиламъ огонь, а распечаталъ — морозъ, ей Богу, морозъ. И руки дрожатъ, и все помутилось.

Городничій.

Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ.

Въ томъ то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городничій.

Что жъ онъ по вашему такое?

Почтмейстеръ.

Ни се, ни то; чортъ знаетъ, что такое!

Городничій (запальчиво).

Какъ ни се, ни то? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? Я васъ подъ арестъ...

Почтмейстеръ.

Кто? вы?

Городничій.

Да, я!

Почтмейстеръ.

Коротки руки!

Городничій.

Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу?

Почтмейстеръ.

Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь? далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Всѣ.

Читайте, читайте!

Почтмейстеръ (читаетъ).

„Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физіономіи и по

костюму, весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не рѣшился только, съ которой начать — думаю, прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на широмыжку [1], и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ аглицкаго короля? [1] Теперь совсѣмъ другой оборотъ. Всѣ мнѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные: отъ смѣху ты бы умеръ. Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій — глупъ, какъ сивый меринъ...“

Городничій.

Не можетъ быть! Тамъ нѣтъ этого.

Почтмейстеръ (показываетъ письмо).

Читайте сами.

Городничій (читаетъ).

„Какъ сивый меринъ“. Не можетъ быть! вы это сами написали.

Почтмейстеръ.

Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ.

Читайте!

Лука Лукичъ.

Читайте!

Почтмейстеръ (продолжая читать).

„Городничій — глупъ, какъ сивый меринъ...“

Городничій.

О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

---

[1] Безплатно.

Почтмейстеръ (продолжая читать).

Хм... хм... хм... хм... „сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ...“ (Оставляя читать.) Ну, тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Городничій.

Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ.

Да къ чему жъ?..

Городничій.

Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Артемій Филипповичъ.

Позвольте я прочитаю. (Надѣваетъ очки и читаетъ:) „Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно быть, также, подлецъ, пьетъ горькую“.

Почтмейстеръ (къ зрителямъ).

Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

Артемій Филипповичъ
(продолжая читать).

„Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе... и... и...“ (Заикается.)

Коробкинъ.

А что жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ.

Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинъ.

Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. (Беретъ письмо.)

Артемій Филипповичъ (не давая письма)

Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ.

Да позвольте, ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ.

Прочитать, я и самъ прочитаю: далѣе, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ.

Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

Всѣ.

Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! (Коробкину.) Читайте.

Артемій Филипповичъ.

Сейчасъ. (Отдаетъ письмо.) Вотъ позвольте... (закрываетъ пальцемъ). Вотъ отсюда читайте.

(Всѣ приступаютъ къ нему.)

Почтмейстеръ.

Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

Коробкинъ (читая).

„Надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ Земляника — совершенная свинья въ ермолкѣ“.

Артемій Филипповичъ (къ зрителямъ).

И не остроумно! Свинья въ ермолкѣ! гдѣ жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

Коробкинъ (продолжая читать).

„Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ“.

Лука Лукичъ (къ зрителямъ).

Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Аммосъ Ѳедоровичъ (въ сторону).

Слава Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ!

Коробкинъ (читаетъ).

„Судья ...

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Вотъ тебѣ на!.. (Вслухъ.) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ: дрянь этакую читать!

Лука Лукичъ.

Нѣтъ!

Почтмейстеръ.

Нѣтъ, читайте!

Артемій Филипповичъ.

Нѣтъ, ужъ читайте!

Коробкинъ (продолжаетъ).

„Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ[1] ...“ (Останавливается.) Должно быть, французское слово.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

А чортъ его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть, и того еще хуже.

Коробкинъ (продолжая читать).

„А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь, наконецъ, пищи для души. Вижу: точно, нужно чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. (Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ) Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину,

[1] Человѣкъ дурного тона.

въ Санктпетербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ нумеромъ девяносто седьмымъ, поворотя на дворъ, въ третьемъ этажѣ, направо".

Одна изъ дамъ.

Какой репримантъ[1] неожиданный!

Городничій.

Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу какія то свиныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! (Машетъ.)

Почтмейстеръ.

Куды воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина.

Вотъ ужъ, точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Однакожъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Артемій Филипповичъ.

У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ (вздыхаетъ).

Охъ! и у меня триста рублей

Бобчинскій.

У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

Аммосъ Ѳедоровичъ

(въ недоумѣніи разставляетъ руки).

Какъ же это, господа? Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали?

---

[1] Здѣсь въ смыслѣ полной и непріятной неожиданности.

Городничій (бьетъ себя по лбу).

Какъ я — нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ: ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду. Трехъ губернаторовъ обманулъ!.. Что губернаторовъ! (махнувъ рукой) нечего и говорить про губернаторовъ... .

Анна Андреевна.

Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой...

Городничій (въ сердцахъ).

Обручился! Кукишъ съ масломъ — вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ... (Въ изступленіи.) Вотъ, смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака старому подлецу! (Грозитъ самому себѣ кулакомъ.) Эхъ ты толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію. Мало того, что пойдешь въ посмѣшище — найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ, что обидно! Чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!.. Эхъ вы!.. (Стучитъ со злости ногами объ полъ.) Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туды ему!.. (Суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ.)

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

До сихъ поръ не могу притти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отни-

метъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго — и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Артемій Филипповичъ (разставляя руки).

Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да кто выпустилъ, — вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! (Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго.)

Бобчинскій.

Ей-ей, не я! и не думалъ...

Добчинскій.

Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ.

Конечно, вы.

Лука Лукичъ.

Разумѣется. Прибѣжали, какъ сумасшедшіе, изъ трактира: „Пріѣхалъ, пріѣхалъ и денегъ не плотитъ...“ Нашли важную птицу!

Городничій.

Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ.

Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

Городничій.

Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ.

Колпаки!

Артемій Филипповичъ.

Сморчки короткобрюхіе!

(Всѣ обступаютъ ихъ.)

Бобчинскій.

Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій.

Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

Бобчинскій.

А вотъ и нѣтъ; первые то были вы.

Явленіе послѣднее.

Тѣ же и жандармъ.

Жандармъ.

Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостиницѣ.

(Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи.)

Нѣмая сцена.

Городничій посереди нѣ въ видѣ столба съ распростертыми руками и закинутою назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь, съ устремившимся къ нему движеньемъ всего тѣла; за ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ; за нимъ Лука Лукичъ, потерявшійся самымъ невиннымъ образомъ; за нимъ, у самаго края сцены, три дамы, гостьи, прислонившіяся одна къ другой съ самымъ сатирическимъ выраженіемъ лицъ, относящимся прямо къ семейству городничаго. По лѣвую сторону городничаго: Земляника, наклонившій голову нѣсколько на-бокъ, какъ будто къ чему то прислушивающійся; за нимъ судья съ растопыренными руками, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій движенье губами, какъ бы хотѣлъ посвистать или произнесть: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуреннымъ глазомъ и ѣдкимъ намекомъ на городничаго; за нимъ, у самаго края, Добчинскій и Бобчинскій съ устремившимся другъ къ другу движеніемъ рукъ, разинутыми ртами и выпученными другъ на друга глазами. Прочіе гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе. Занавѣсъ опускается.

Приложенія къ „Ревизору“.

I.

Отрывокъ изъ письма,

писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ одному литератору.

...Ревизоръ сыгранъ — и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое. Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ то въ родѣ Альнаскарова, чѣмъ то въ родѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться съ парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался, просто, обыкновеннымъ вралемъ,— блѣдное лицо, въ продолженіе двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не видно изъ самой роли, что такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни, и намека въ немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надуваетъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ: видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ, и по тому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно и, говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значитъ просто нести болтовню. Лгать значитъ говорить ложь тономъ такъ близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину; и здѣсь то заключается

именно все комическое лжи. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе бы выигралъ, еслибы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталанныхъ актеровъ и сказалъ бы ему только, что Хлестаковъ есть человѣкъ ловкій, совершенный comme il faut, умный и даже, пожалуй, добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфаронски-театрально: онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни — почти родъ вдохновенія. И хоть бы что-нибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера, т. е. лица, т. е. видимой наружности, т. е. физіономіи — рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно, несравненно легче карикатурить старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицмундирахъ съ потертыми воротниками; но схватить тѣ черты, которыя довольно благовидны и не выходятъ острыми углами изъ обыкновеннаго свѣтскаго круга, — дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣняемая, черствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому труднѣе уловимы. Что такое, если разобрать, въ самомъ дѣлѣ Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли, и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто-нибудь на него пальцемъ и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ,

но, натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться: онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни, — дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ.

Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ — просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія, думалъ, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ толикихъ разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся, — и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея приняла пьесу даже съ участіемъ; другая половина, какъ водится, ее бранила по причинамъ, однакожъ, не относящимся къ искусству. Какимъ образомъ бранила, мы объ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучительнаго и не мало смѣшного. Я даже кое-что записалъ; но это въ сторону.

Вообще съ публикою, кажется, совершенно примирилъ „Ревизора“ городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде, ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго, ничего не могло остаться необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ, по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей ширинѣ талантъ свой, объ коемъ уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукоплесканіями во вседневныхъ водевиляхъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ. На слугу тоже надѣялся, потому что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. Зато оба наши пріятели, Бобчинскій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо, создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ,

я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ какъ-нибудь вынесетъ и не такъ обкарикатуритъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно карикатура. Уже предъ началомъ представленія, увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично-приглаженными волосами, очутились въ какихъ то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклоченные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что, просто, было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и карикатурна. Я какъ бы предчувствовалъ это, когда просилъ, чтобъ сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ; но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычаѣ, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали не много, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолѣваетъ меня тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ будто теченіе пьесы, дотолѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво. Признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы, и что было бы лучше, еслибы чиновники сами ему предложили Уважая замѣчаніе довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я, однакоже, не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ попросить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано: „стало быть“, — сказалъ я самъ въ себѣ, — „я плохо выполнилъ эту сцену“. И точно, теперь, во время представленія, я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно и носитъ признакъ какой то усталости. Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялся за передѣлку. Теперь, кажется, вышло немного сильнѣе, по крайней мѣрѣ, естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ піесу. Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужно ѣздить, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ, — пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи „Ревизора“.

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсъ закрывается въ какую то смутную минуту, и піеса, кажется, какъ будто не окончена. Но

я не виноватъ. Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, что все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смѣняетъ ее онѣмѣвшая мимика, что двѣ-три минуты не долженъ опускаться занавѣсъ, что совершиться все это должно въ тѣхъ же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ называемыя живыя картины. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группу нужно будетъ поручить балетмейстеру, что нѣсколько даже унизительно для актера, и пр., и пр., и пр. Много еще другихъ прочихъ увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ. Несмотря на всѣ эти прочія, я стою на своемъ, и сто разъ говорю: „нѣтъ, это не свяжетъ нимало, это не унизительно“. Пусть даже балетмейстеръ сочинитъ и составитъ группу, если только онъ въ силахъ почувствовать настоящее положеніе всякаго лица. Таланта не остановятъ указанныя ему границы, какъ не остановятъ рѣку гранитные берега; напротивъ, вошедши въ нихъ, она быстрѣе и полнѣе движетъ свои волны. И въ данной ему позѣ чувствующій актеръ можетъ выразить все. На лицо его здѣсь никто не положилъ оковъ, размѣщена только одна группировка; лицо его свободно выразить всякое движеніе. И въ этомъ онѣмѣніи для него бездна разнообразія. Испугъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ не похожъ одинъ на другой, какъ не похожи ихъ характеры и степень боязни и страха, вслѣдствіе великости надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается пораженъ городничій, инымъ образомъ поражена жена и дочь его. Особеннымъ образомъ испугается судья, особеннымъ образомъ попечитель, почтмейстеръ и пр., и пр. Особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и здѣсь не измѣнившіе себѣ и обратившіеся другъ къ другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ. Одни только гости могутъ остолбенѣть одинакимъ образомъ: но они даль въ картинѣ, которая очерчивается однимъ взмахомъ кисти и покрывается однимъ колоритомъ. Словомъ, каждый мимически продолжитъ свою роль и, несмотря на то, что, повидимому, показалъ себя балетмейстеру, можетъ всегда остаться высокимъ актеромъ. Но у меня недостаетъ больше силъ хлопотать и спорить. Я усталъ и душою, и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними, со всѣми! мнѣ опротивѣла моя піеса. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь, Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и дру-

гія, далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду, не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо...

1836 г., мая 25.

С.-Петербургъ.

II.

Двѣ сцены, выключенныя и при первомъ изданіи, какъ замедлявшія теченіе пьесы.

I.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Марья Антоновна.

Но, я не знаю, маменька, отчего вамъ кажется, что у васъ лучше всего глаза...

Анна Андреевна.

Вздоръ тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь. Когда жила у насъ полковница, которая ужъ такая была модница, какой я именно не знаю, выписывала все платье изъ Москвы, — бывало, мнѣ нѣсколько разъ повторяетъ: „Сдѣлайте милость, Анна Андреевна, откройте мнѣ эту тайну, отчего ваши глаза, просто, говорятъ“... И всѣ, бывало, въ одинъ голосъ: „Съ вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы отъ вашей любезности позабыть всѣ обстоятельства“. А стоявшій въ это время штабъ-ротмистръ Старокопытовъ? Онъ, не помню, проживалъ за ремонтомъ. что ли? Красавецъ! Лицо свѣжее, румянецъ, какъ я не знаю что; глаза черные, черные, а воротнички рубашки его — это батистъ такой, какого никогда еще купцы наши не подносили намъ. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ: „Клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не видалъ, не начитывалъ даже такихъ глазъ; я не знаю, что со мною дѣлается, когда гляжу на васъ...“ На мнѣ еще тогда была тюлевая пелеринка. вышитая виноградными листьями съ колосьями и вся обложенная блондочкою, тонкою, не больше какъ въ палецъ — это, просто, было обвороженіе! Такъ говоритъ бывало: „Я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольствіе, когда гля-

жу на васъ, что мое сердце“, говоритъ... Я ужъ не могу теперь припомнить, что онъ мнѣ говорилъ. Куда жъ! Онъ послѣ того такую поднялъ исторію: хотѣлъ непремѣнно застрѣлиться, да какъ то пистолеты куда то запропастились; а случись пистолеты, его бы давно уже не было на свѣтѣ.

Марья Антоновна.

Я знаю, маменька, — мнѣ, однакожъ, кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

Анна Андреевна.

Никогда, никогда! Вотъ этого ужъ нельзя сказать. Что вздоръ, то вздоръ.

Марья Антоновна.

Нѣтъ, право, маменька; когда вы этакъ говорите, или сидите въ профили, у васъ губы все...

Анна Андреевна.

Пожалуйста, не толкуй пустяковъ! Такая, право, несносная! Чтобы она какъ-нибудь не поспорила... Боже сохрани! Вотъ, что у матери ея хорошіе глаза, такъ ужъ ей и завидно. За этими спорами, за вздорами, я заболталась съ тобой. А тутъ, того и гляди, что онъ пріѣдетъ и застанетъ насъ одѣтыми Богъ знаетъ какъ. (Поспѣшно уходитъ; за ней Марья Антоновна.)

II.

Хлестаковъ и Растаковскій
(въ екатерининскомъ мундирѣ съ эксельбантомъ).

Растаковскій.

Имѣю честь рекомендоваться — житель здѣшняго города, помѣщикъ, оставной секундъ-маіоръ Растаковскій.

Хлестаковъ.

А; прошу покорнѣйше садиться; очень радъ. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

Растаковскій (сѣлъ).

А, такъ вы изволили знать Задунайскаго?

Хлестаковъ.

Какого Задунайскаго?

Растаковскій.

Графа Румянцова-Задунайскаго, Петра Александровича: вѣдь это мой бывшій начальникъ.

Хлестаковъ.

Да... такъ вы служили давно?

Растаковскій.

Находился во время осады подъ Силистріей, въ 773 году. Очень жаркое было дѣло. Турокъ былъ вотъ такъ, какъ этотъ столъ передъ нами. Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-маіоръ былъ въ нашемъ полку — не изволите ли вы знать: Гвоздевъ, Петръ Васильевичъ?

Хлестаковъ.

Гвоздевъ? Какой это?

Растаковскій.

Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по высочайшему повелѣнію покойной императрицы переведенъ потомъ въ драгуны.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, не знаю.

Растаковскій.

Я такъ и полагалъ, что вы не знаете, потому, что ужъ болѣе тридцати лѣтъ, какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь недалеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, что вышла замужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлестаковъ.

За Рогатку? Скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

Растаковскій.

Да-съ, Рогатка, Иванъ Васильевичъ. — Такъ турокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ. Зима и снѣгъ и сумятица была такая, какъ въ томъ году, когда французъ подступалъ подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-маіоромъ Фиктель-Кнабе, нѣмецъ. Звали его Сихфридъ Ивановичъ, но генералъ-аншефъ тогдашній, Потемкинъ, велѣлъ переименовать: „Ты, — говоритъ, не Сихфридъ, а Супъ, — такъ будь Супомъ Ивановичемъ“. И съ той поры такъ и осталось ему имя Супъ Ивановичъ. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и секундъ-маіоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражомъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ я и еще квартирмистръ, если изволите знать, Трепакинъ, Автономъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать пять, какъ умеръ.

Хлестаковъ.

Трепакинъ? нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы попросить у васъ...

Растаковскій (не слушая).

Видный мужчина: русой волосъ, золотой эксельбантъ. Ловко танцовалъ польскій. Хлопнетъ, бывало, рукою и отобьетъ пару у самого полковника, и какъ только дѣвушки... хе-хе-хе... У насъ бывали тогда палатки: и какъ только взглянешь къ нему въ палатку... хе хе-хе... тамъ ужъ сидитъ, и на утро деньщикъ выводитъ, какъ будто драгуна, въ треугольной шляпѣ... хе-хе-хе... и портупея виситъ, хе-хе-хе...

Хлестаковъ.

Да это подобная исторія съ моимъ знакомымъ, однимъ чиновникомъ, который очень выгодно служитъ. Сидитъ онъ въ халатѣ, закурилъ трубку, вдругъ къ нему приходитъ одинъ мой пріятель, гвардеецъ, кавалергардскаго полка, и говоритъ... (Останавливается и смотритъ между тѣмъ пристально въ глаза Растаковскому.) Послушайте, однакожъ, не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь взаймы денегъ? Я въ дорогѣ истратился.

Растаковскій.

Да кто это просилъ денегъ: чиновникъ у гвардейца или гвардеецъ у чиновника?

Хлестаковъ.

Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобъ послѣ какъ-нибудь не позабыть, такъ лучше теперь.

Растаковскій.

Такъ это вамъ нужны деньги? Какъ странно! Я думалъ, что гвардеецъ при анекдотѣ то попросилъ. Какъ въ разговорѣ то иногда случается! Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей стороны, пришелъ безпокоить преубѣдительнѣйшею просьбою.

Хлестаковъ.

А что, о чемъ?

Растаковскій.

Долженъ получить прибавочнаго пенсіона, такъ я просилъ бы, чтобы замолвили тамъ сенаторамъ, или кому другому.

Хлестаковъ.

Извольте, извольте.

Растаковскій.

Я самъ подавалъ просьбу, да только, можетъ, не туда, куда слѣдуетъ.

Хлестаковъ.

А какъ давно вы подавали просьбу?

Растаковскій.

Да если сказать правду, не такъ и давно — въ 1801 году; да вотъ ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи. Я послалъ чрезъ Сосулькина, Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ то не слишкомъ надежный человѣкъ. Такъ статься можетъ, что просьбу отнесъ то не туды, куды слѣдуетъ. А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало быть, теперь скоро дѣло рѣшится.

Хлестаковъ.

Да, натурально, теперь рѣшатъ скоро; а впрочемъ, я тоже съ своей стороны... хорошо, хорошо.

III.

Сцены перваго изданія „Ревизора“, передѣланныя авторомъ для изданія въ 1842 году.

Дѣйствіе первое.

Комната въ домѣ городничаго.

Явленіе I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій.

Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе. Меня увѣдомляютъ, что отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ нашей губерніи все относящееся по части гражданскаго управленія.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Что вы говорите! изъ Петербурга?

Артемій Филипповичъ (въ испугѣ).

Съ секретнымъ предписаніемъ?

Лука Лукичъ (въ испугѣ).

Инкогнито?

Городничій.

Я, признаюсь вамъ откровенно, очень потревожился. Такъ, какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли

прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „Любезный другъ, кумъ и благодѣтель“ (бормочетъ вполголоса, пробѣгая скоро глазами)... „и увѣдомить тебя“. А! вотъ: „Спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ. (Значительно поднимаетъ палецъ вверхъ.) Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки... (остановясь) ну, здѣсь свои... „то совѣтую тебѣ взять предосторожность, ибо онъ можетъ пріѣхать во всякой часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня я...“ Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: „сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...“ и прочее, и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное происшествіе.

Лука Лукичъ.

Скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, отчего это? Зачѣмъ же къ намъ ревизоръ? Вѣдь нашъ городъ уже, кажется, такъ далеко отъ всего, что объ немъ бы и заботиться нечего.

Городничій (испуская вздохъ).

Говорите же вы! до сегодняшняго дни Богъ миловалъ. Случалось, правда, по газетамъ слышать, что въ такомъ то мѣстѣ того то посадили за взятки, того то отдали подъ судъ за потворство и воровство или за подлогъ; но все это случалось, благодареніе Богу, въ другихъ мѣстахъ, а къ намъ до сихъ поръ никакихъ ни ревизовокъ, ни ревизоровъ... ничего не было.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ, Россія хочетъ вести войну, и потому министерія нарочно отправляетъ чиновника, чтобъ узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій.

Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ. Вы хотя и ученый человѣкъ, но не туда попали. Гдѣ нашему уѣздному го-

родишкѣ? Еслибъ онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ-нибудь возможно предположить; а то стоитъ чортъ знаетъ гдѣ — въ глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, я вамъ скажу, начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій (махнувъ рукой).

Ну... васъ я знаю, не переговоришь. Я, господа, собралъ васъ нарочно... По своей части, то есть въ отношеніи устройства городового и полиціи, я уже коекакъ распорядился, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему въ будни; и тамъ, какъ слѣдуетъ, надписать предъ каждою кроватью по-латынѣ или на другомъ какомъ языкѣ... какъ признается нужно — это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ — всякую болѣзнь, когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа, какъ найдете лучше. (Помолчавъ и покачавъ головою.) У васъ больные такой крѣпкой табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, еслибъ ихъ было меньше, потому, что сейчасъ отнесутъ или къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ.

На счетъ этотъ мы уже съ Христіаномъ Ивановичемъ распорядились, какъ нужно. Все зависитъ отъ образа лѣченія: я полагаю, что чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ убыточиться и выписывать дорогія лѣкарства для какого-нибудь инвалида?.. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Притомъ и Христіану Ивановичу очень затруднительно было бъ съ ними изъясняться, потому что онъ не знаетъ по-русски. Лучше же сберегу я казенной интересъ и уменьшеніемъ расходовъ увеличу сумму. Тогда и начальство, видя мое усердіе, безъ сомнѣнія, представитъ меня къ отличію въ поощреніе прочимъ (обращаясь къ Христіану Ивановичу), то есть я разумѣю, что при этомъ и вамъ будетъ какое-нибудь благоволеніе.

Христіанъ Ивановичъ

издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву и и нѣсколько на е.

Городничій.

Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, — и почему жъ сторожу и не завесть его — только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ то позабывалъ. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту; но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, вы, пожалуй, опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, можетъ быть, очень хорошій человѣкъ и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, но отъ него, знаете, такой запахъ, какъ будто онъ только что вышелъ изъ винокуреннаго завода, — это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ то развлеченъ. Есть такія средства, которыя могутъ это нѣсколько поправить, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ. Можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными средствами или медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ.

издаетъ тотъ же звукъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, точно, что какъ то въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ того времени отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій.

Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить, потому что нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ Самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. У меня если есть грѣшки, то самые невинные! Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, беру взятки борзыми щенками.

Городничій.

Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Э, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ, это совсѣмъ не то. Вотъ у васъ, напримѣръ: шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да . . .

Городничій.

Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣруете, вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы . . . О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, то просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій.

Ну, въ этомъ случаѣ Богъ знаетъ: ежели слишкомъ много ума, то бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судьѣ; а оно врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, Самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться, особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу — вотъ этакъ (дѣлаетъ гримасу). И потомъ начнетъ рукою изъподъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, — объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю — это можетъ быть очень худо. Г. ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что можетъ произойти.

Лука Лукичъ.

Ахъ, Боже мой! У меня совершенно изъ ума вышло.

Городничій.

Тоже я долженъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова — это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ. Ей Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ-полъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? Отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ.

Да, онъ горячъ; я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Право, я не знаю, что и дѣлать съ нимъ...

Городничій.

Да. Таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ, что умной человѣкъ или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ.

Эко, право, хлопотливое дѣло.

Городничій.

Это бы еще ничего хлопоты; худо, что не знаешь, съ которой стороны ожидать его, когда и въ какое время. Инкогнито проклятое — вотъ что смущаетъ! Вдругъ заглянетъ: — а! вы здѣсь, голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? — Ляпкинъ-Тяпкинъ. — А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній? — Земляника. — А подать сюда Земляникy! Вотъ что худо.

Явленіе II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Городничій.

Здравствуйте, Иванъ Кузьмичъ! Я нарочно посылалъ за вами съ тѣмъ, чтобы сообщить очень важную новость.

Почтмейстеръ.

Я слышалъ уже отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій.

Ну, что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ.

А что думаю? Война съ турками будетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій.

Нѣтъ, нѣтъ! совсѣмъ не то.

Почтмейстеръ.

Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

Городничій.

Какая тутъ война съ турками! Гдѣ тутъ турки? Тутъ просто намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже извѣстно: меня увѣдомляетъ достовѣрный человѣкъ, что именно ѣдетъ чиновникъ съ тѣмъ, чтобъ осмотрѣть въ нашемъ городѣ все гражданское устройство.

Почтмейстеръ.

А, можетъ быть, очень можетъ быть, — и это правда.

Городничій.

Ну, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ, а меня даже немного по кожѣ подираетъ.

Почтмейстеръ.

Да я и самъ чувствую... а вы очень боитесь?..

Городничій.

Чего жъ бояться! боязни нѣтъ, а такъ какъ то неловко... больше со стороны купечества и гражданства здѣшняго. Я, признаться сказать, имъ немножко солоно пришелся. Они на меня какъ коршуны... такъ бы всего и растрепали, только перья полетятъ во всѣ стороны Пожалуйте сюда [Иванъ Кузьмичъ], я вамъ кое-что скажу. (Отводитъ его въ сторону.) Вотъ въ чемъ дѣло: можетъ быть, онъ если не пріѣхалъ, то находится близко отсюда. Я, признаюсь вамъ, имѣю основательныя причины думать, не жаловался ли кто-нибудь на меня. Отчего жъ такая напасть на нашъ городъ? Да при-

томъ еще инкогнито? Чортъ знаетъ, что такое: инкогнито! Вѣдь начальство жъ есть въ городѣ, къ чему жъ тутъ инкогнито? Такъ вамъ нужно, Иванъ Кузьмичъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать. Для этого снять какъ-нибудь изъ глины слѣпокъ; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ.

Знаю, знаю . . . Я это дѣлаю и безъ того: не то чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства, ибо, признаюсь, очень люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это весьма интересное чтеніе! иное письмо съ большимъ удовольствіемъ прочтешь: такъ хорошо описываются разные этакіе пассажи . . . назидательные даже! лучше нежели въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. А вы никогда не читали?

Городничій.

Нѣтъ, не читалъ; я, однакоже, радъ, что вы это дѣлаете. Это въ жизни хорошо. Скажите: тамъ вы до сихъ поръ ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ.

О петербургскомъ ничего нѣтъ; а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится Жаль, однакожъ, что вы никогда не читаете писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно читалъ я: одинъ поручикъ пишетъ къ одному пріятелю своему и описалъ балъ и жизнь свою съ такимъ искусствомъ . . очень хорошо. „Я провожу, говоритъ, время съ крайнимъ удовольствіемъ; барышень, говоритъ, много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ . . .“ съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Вотъ, если хотите, я вамъ дамъ его прочесть. Я нарочно оставилъ его у себя.

Городничій.

Покорнѣйше благодарю. Теперь, право, мнѣ не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: какъ только получите какое-нибудь извѣстіе, то сейчасъ же его ко мнѣ; а если жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ.

Ахъ, батюшки!

Городничій.

Ничего, ничего. Другое дѣло, еслибъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейственное.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Эко, въ самомъ дѣлѣ, какое непредвидимое извѣстіе! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собачонкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. У меня завели тяжбу два помѣщика-сосѣда, и я теперь травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Городничій.

Богъ съ ними теперь, со всякими зайцами! У меня въ ушахъ только и слышно, что инкогнито проклятое. Такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ . . .

Явленіе III.

Тѣ же, Бобчинскій и Добчинскій, оба входятъ запыхавшись.

Бобчинскій.

Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій.

Неожиданное извѣстіе!

Всѣ.

Что? что такое?

Добчинскій.

Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостиницу . . .

Бобчинскій (перебивая).

Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу . . .

Добчинскій (перебивая).

Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій.

Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій.

А вы не помните всѣхъ обстоятельствъ; вы сейчасъ собьетесь.

Бобчинскій.

Э, нѣтъ, помню. Ей Богу, помню! Ужъ не мѣшайте, — пусть я разскажу. Не мѣшайте!.. Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій.

Да, что такое? говорите, ради Бога, что такое. У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! сдѣлайте милость, садитесь! возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ. (Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей.) Ну, что такое?

Бобчинскій.

Позвольте, я сейчасъ — по порядку. Какъ только вышелъ я отъ васъ... Э, не мѣшайте, Петръ Ивановичъ! не говорите уже ничего, сдѣлайте милость, я ужъ самъ знаю... Какъ только вышелъ я отъ васъ, то побѣжалъ тотчасъ къ Коробкину, а не заставши Коробкина дома, заворотилъ къ Ростановскому [1]; а не заставши Ростановскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій.

Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій.

Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Слышали ли вы, говорю я Петру Ивановичу, о той новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма. А Петръ Ивановичъ уже услышали объ этомъ отъ ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю за чѣмъ то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинскій.

За бочонкомъ для французской водки.

---

[1] Позднѣе — **Растаковскій.**

Бобчинскій.

За бочонкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ Ивановичемъ къ Почечуеву... Э, сдѣлайте одолженіе, Петръ Ивановичъ, не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ мнѣ: сегодня, я знаю, привезли въ трактиръ свѣжей семги, такъ пойдемъ — закусимъ. Только что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій (перебивая).

Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бобчинскій.

Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ по комнатѣ, и въ лицѣ такое разсужденіе и физіономія... такіе важные поступки, и такъ здѣсь (вертитъ рукою около лба) много, много всего Я такъ, какъ будто предчувствовалъ, и говорю себѣ: здѣсь что-нибудь да не даромъ. А Петръ Ивановичъ тотчасъ мигнули пальцемъ и подозвали трактирщика, — трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой хорошій мальчикъ, — большія подаетъ надежды; современемъ такъ же, какъ отецъ, будетъ содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ спросилъ потихоньку: кто такой этотъ молодой человѣкъ? а Власъ говоритъ: это говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте! Вы не разскажете, ей Богу, не разскажете! вы немного шепеляете; у васъ, я знаю, одинъ зубъ со свистомъ. Это, говоритъ, молодой человѣкъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга: Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ, и денегъ хоть бы копейку заплатилъ. Меня въ одну минуту такъ и вразумило. Э! говорю я Петру Ивановичу...

Добчинскій.

Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: Э!..

Бобчинскій.

Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. Э! сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ, съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ Богъ знаетъ куда: въ Саратовскую губернію! Это вѣрно не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ.

Городничій.

Что вы говорите! Не можетъ быть. (Придвигаетъ поближе стулъ.) Да нѣтъ, это вамъ такъ показалось: — это кто-нибудь другой.

Добчинскій.

Помилуйте, какъ не онъ: и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ! Кому же бъ быть, какъ не ему? И съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

Бобчинскій.

Онъ, онъ, ей Богу, онъ... Я ставлю Богъ знаетъ что.. Такой наблюдательной: все обсмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ наши тарелки, полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительной, что Боже сохрани!

Городничій.

Ахъ, Боже мой! помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добчинскій.

Въ 5-мъ №, подъ лѣстницей.

Бобчинскій.

Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій.

И давно онъ ужъ здѣсь?

Добчинскій.

Ужъ будетъ полторы недѣли. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій.

Полторы недѣли! что вы! (Въ сторону.) Ай-ай-ай (почесывая ухо), въ эти полторы недѣли высѣчена почти напрасно унтеръ-офицерская жена! Боже мой! въ эти полторы недѣли арестантамъ никакой провизіи не выдавали. На улицахъ кабакъ, нечистота. О, Боже мой, Боже мой!.. (Хватаясь за голову.)

Артемій Филипповичъ.

Мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, намъ теперь поскорѣй одѣться въ мундиры, и сей же часъ ѣхать прямо къ нему въ гостиницу.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

А я полагаю, Антонъ Антоновичъ, что нужно больше параду. Нужно пригласить купечество, впередъ пустить

голову: онъ человѣкъ видной. Не дурно бы тоже и священство. Это имѣетъ глубокое и таинственное значеніе, вотъ и въ книгѣ: Дѣянія Іоанна Масона...

Городничій.

Нѣтъ, нѣтъ; позвольте уже мнѣ самому это обдѣлать. (Обращаясь къ Бобчинскому.) Вы говорите, что онъ человѣкъ молодой?

Бобчинскій.

Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій.

Ну, это хорошо, что молодой человѣкъ. Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: вы теперь приготовляйте каждый по своей части наскоро, что можете, къ принятію, а я отправлюсь самъ, или вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, такъ, какъ бы просто для прогулки, — будто, бы навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе какихъ-нибудь недостатковъ или непріятностей. А вамъ совѣтую сей же часъ воспользоваться временемъ. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ.

Что угодно?

Городничій.

Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ... или, нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда.

(Квартальный бѣжитъ впопыхахъ.)

Артемій Филипповичъ.

Идемъ, идемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

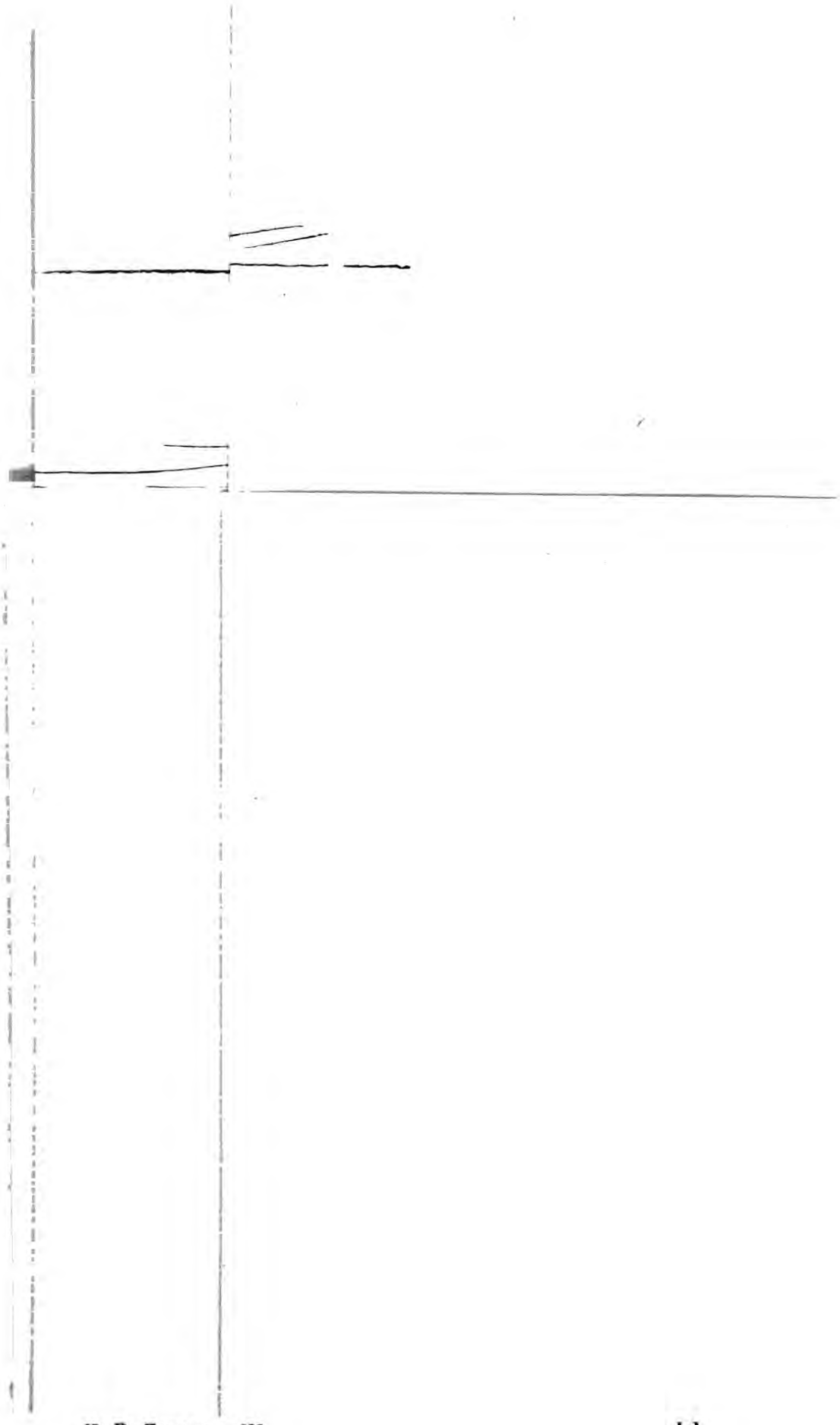
Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да вамъ то еще ничего: у васъ все въ исправности.

Артемій Филипповичъ.

Кой чортъ въ исправности! Плохо, чрезвычайно плохо. Для больныхъ сегодня и на кухнѣ ничего не готовилось.

(Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ.)



Дѣйствіе второе.

Явленіе V.

Хлестаковъ (одинъ).

Это скверно, однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ оборотъ? Нѣтъ, не хочу; лучше немного поголодаю, по крайней мѣрѣ, пріѣду домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы пріѣхать домой въ каретѣ. Очень бы недурно подкатить къ какому-нибудь сосѣду-помѣщику съ фонарями подъ крыльцо, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы переполошились всѣ: кто такой, что такое? а лакей входитъ: „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?“ Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значитъ „прикажете принять“. Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь гусь-помѣщикъ, то въ ту же минуту вылазитъ изъ брички, и, не говоря ни слова, такъ прямо медвѣдь и валится въ гостиную. Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: „Сударыня, какъ я...“ Тьфу (плюетъ), даже тошнитъ, какъ ѣсть хочется.

Явленіе VIII.

Хлестаковъ, Городничій и Добчинскій.

(Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другого, выпучивъ глаза.)

Городничій

(немного оправившись и протянувъ руки по швамъ)

Желаю здравствовать.

Хлестаковъ (кланяется).

Мое почтеніе...

Городничій.

Извините.

Хлестаковъ.

Ничего.

Городничій.

Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ

(сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко).

Да что жъ дѣлать!... я не виноватъ!.. Я, право, заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. (Бобчинскій выглядываетъ изъ дверей.) Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ... онъ, чортъ знаетъ, чего плеснулъ туда: я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня голодомъ по цѣлымъ днямъ... Чай такой странной: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что жъ я?... Вотъ новость!

Городничій (робѣя).

Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. Позвольте мнѣ предложить вамъ нереѣхать со мною на другую квартиру

Хлестаковъ.

Нѣтъ, я не хочу; я знаю, что значитъ на другую квартиру. то есть въ тюрьму. Зачѣмъ же меня... Вы не имѣете права... Я покажу вамъ подорожную... Я чиновникъ, ѣду въ собственную мою деревню, въ Саратовскую губернію, служу по министерству... Вы не смѣете... я буду жаловаться.

Городничій (въ сторону).

О, Боже мой! Все, все узналъ... Какой сердитой! Все разсказали проклятые купцы.

Хлестаковъ (храбрясь).

Да, какъ вы вы смѣете!.. Меня самъ министръ знаетъ... Нѣтъ, не пойду! Ей Богу, не пойду, вотъ хоть вы со всей своей командой... (Въ сторону.) Не поддаваться! право, не поддаваться! и если что-нибудь... то... (Беретъ сзади рукою бутылку).

Городничій

(вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ.)

Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло! Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму, — вотъ прекрасно! (Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется.) Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Городничій (дрожа).

По неопытности, ей Богу, по неопытности! Недостаточность состоянія... Казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платья. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета! Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаковъ.

Да... конечно... (Въ размышленіи). Я не знаю, однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой то унтеръ-офицерской вдовѣ?... Я не знакомъ съ нею. Да мнѣ и дѣла нѣтъ къ ней. Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь. До этого вамъ далеко... я заплачу вамъ деньги; у меня только теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь такъ долго, что ни копейки нѣтъ денегъ.

Городничій (въ сторону).

О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! Какого туману напустилъ! Разбери, кто хочетъ. Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Попробовать развѣ наавось? (Вслухъ.) Если вы точно имѣете нужду въ деньгахъ, или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ.

Такъ вы даете мнѣ взаймы?.. О если такъ, то я сейчасъ готовъ расплатиться: мнѣ бы двѣсти рублей, раздѣлаться только съ трактирщикомъ, а тамъ я, какъ только въ деревню, сей же часъ и возвращу вамъ... это вдругъ.

Городничій.

Помилуйте! я готовъ ожидать, сколько угодно. Какъ можно, чтобы я осмѣлился назначить срокъ. Вотъ тутъ ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ (принимая деньги).

Покорнѣйше благодарю; я вамъ очень благодаренъ. Меня, признаюсь, это чрезвычайно поощрило; у меня ужъ ни копейки не было. Вы, какъ я вижу теперь, очень благородной человѣкъ, а прежде я думалъ... (Кладетъ ихъ въ карманъ.)

Городничій (въ сторону).

Ну, слава Богу! по крайней мѣрѣ деньги взялъ.

Теперь дѣло, можетъ быть, на ладъ пойдетъ. Я таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ.

Эй, Осипъ! (Осипъ входитъ.) Позови сюда трактирнаго слугу! (Къ городничему и Добчинскому.) А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. (Добчинскому.) Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій.

Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ.

Садитесь, пожалуйста, я васъ прошу! (Добчинскому.) Садитесь. (Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь.)

Городничій (въ сторону).

Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. (Вслухъ.) Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я, кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобъ всякому смертному оказывался хорошій пріемъ, и вотъ, въ награду за ревностную службу, случай доставилъ такое пріятное знакомство съ вами.

Хлестаковъ.

Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій (въ сторону).

Да разсказывай себѣ! (Вслухъ.) Осмѣлюсь ли спросить, куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ.

Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій

(въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе).

Въ Саратовскую губернію! О, да ты штука! (Вслухъ.) Да, пріятная прогулка для ума и сердца. Въ дорогѣ

способности хорошо развиваются... И вы, вѣрно, такъ только по своей охотѣ ѣдете туда, для своего удовольствія?

Хлестаковъ.

Нѣтъ, батюшка меня требуетъ; а мнѣ, признаюсь, въ Петербургѣ лучше бы...

Городничій (въ сторону).

Батюшка требуетъ... А? Экія пули отливаетъ! А вѣдь какой маленькой... (Вслухъ.) И на долгое время изволите ѣхать туда?

Хлестаковъ.

Не знаю. Мнѣ не хотѣлось бы жить съ мужиками; помѣщики тоже не имѣютъ образованности; однакожъ, отставку подалъ.

Городничій (въ сторону).

И въ отставку подалъ! Каково подвертываетъ! (Вслухъ.) И прекрасно дѣлаете. Что служба? Одни хлопоты: ночь не спишь — стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще, когда будетъ. (Окидываетъ глазами комнату.) Какія большія пятна по угламъ! Должно быть, течь и сырость бываетъ; и стѣны тоже ужъ слишкомъ низенькія... Мнѣ кажется, эта комната для васъ не слишкомъ удобна.

Хлестаковъ.

Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я еще нигдѣ не видывалъ: такъ, какъ собаки, канальи, кусаютъ.

Городничій.

Скажите! Такой просвѣщенный гость, и претерпѣваетъ такое неудовольствіе отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Мнѣ кажется, сколько на мои слабые глаза, или это мухи обпачкали, какъ будто бы даже темно въ этой комнатѣ.

Хлестаковъ.

Да, совсѣмъ темно, и хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать совсѣмъ свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать — почитать, или такъ придетъ фантазія сочинить что-нибудь; но не можно, потому что вовсе темно.

Городничій.

Осмѣлюсь ли просить васъ объ одномъ наивеличайшемъ одолженіи, котораго, безъ сомнѣнія, можетъ быть, я даже не достоинъ.

Хлестаковъ.

А что?

Городничій.

Я бы дерзнулъ попросить васъ переѣхать ко мнѣ на домъ: у меня есть въ домѣ для васъ очень удобная комната.

Хлестаковъ (въ размышленіи).

Какъ, то есть, къ вамъ?... Да у васъ какая комната?

Городничій.

Прекрасная комната, и столъ тоже вы будете у меня имѣть — хоть не столичной, но хорошій столъ; припасы свѣжіе, не такіе, какіе отпускаютъ въ трактирѣ за деньги. Не откажите! а я ужъ такъ радъ буду гостю... У меня такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства; все, что ни есть, готовъ предложить; особливо если еще притомъ гость такой просвѣщенной человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести. Нѣтъ, не имѣю этого порока: отъ полноты души выражаюсь.

Хлестаковъ.

Покорно благодарю васъ. Мнѣ то же вы очень понравились.

Явленіе X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій.

Не угодно ли будетъ вамъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ то богоугодныя и другія?

Хлестаковъ.

А что тамъ такое?

Городничій.

А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ.. Знаете, это для наблюдательнаго ума хорошо; тутъ можно много полезнаго вывести.

Хлестаковъ.

Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. (Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь.)

Городничій.

Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ.

Извольте, извольте.

Городничій.

Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы, — разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ.

Да, тюрьмы... нѣтъ, лучше я посмотрю богоугодныя заведенія.

Городничій.

Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ.

Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду

Городничій (Добчинскому).

Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добчинскій.

Ничего, я такъ.

Городничій.

Вы побѣгите наскоро ко мнѣ и скажите женѣ моей... или, лучше, я дамъ вамъ записочку. (Хлестакову.) Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя.

Хлестаковъ.

Зачѣмъ безпокоиться? Впрочемъ, извольте, напишите: вотъ тутъ и чернила, только бумаги... не знаю... развѣ на этомъ счетѣ.

Городничій.

Я здѣсь напишу. (Пишетъ и отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери; но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается.)

Хлестаковъ.

Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій.

Ничего, ничего: только сверхъ носа небольшая нашлепка. Я забѣгу къ Христіану Ивановичу, онъ дастъ мнѣ пластыря, и все пройдетъ.

Городничій

(дѣлая Бобчинскому укорительный знакъ, Хлестакову).

Прошу покорнѣйше, пожалуйте! а слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. (Осипу.) Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему, тебѣ всякой покажетъ. Прошу покорнѣйше! (Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ, но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому.) Ужъ и вы! не нашли другого мѣста упасть! и растянулся, какъ чортъ знаетъ что такое! (Уходитъ, за нимъ Бобчинскій; занавѣсъ опускается.)

Дѣйствіе третье.

Явленіе VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій.

Осмѣлюсь представить вамъ семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ (раскланиваясь).

Какъ я счастивъ, сударыня, что имѣю удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андреевна.

Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу

Хлестаковъ (рисуясь).

Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андреевна.

Прошу покорно садиться.

Хлестаковъ.

Возлѣ васъ стоять уже есть счастье; впрочемъ, если вы такъ ужъ непремѣнно хотите, я сяду Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ.

Анна Андреевна.

Помилуйте! я никакъ не смѣю на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлестаковъ.

Чрезвычайно непріятна. Знаете, сдѣлавши привычку жить въ свѣтѣ, пользоваться всѣми удобствами, и вдругъ послѣ этого въ какой-нибудь дорогѣ... не встрѣ

тишься съ образованнымъ человѣкомъ, съ которымъ бы можно было поговорить о чемъ-нибудь; станціонные смотрителя чрезвычайные невѣжи и совершенно безъ воспитанія... Еслибъ, признаюсь, не такой случай, какъ теперь, который меня вознаградилъ совершенно (посматривая на Анну Андреевну), то я совсѣмъ не нашелся бы.

Анна Андреевна.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

Хлестаковъ.

Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна.

Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ.

Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, очень заслуживаете.

Анна Андреевна.

Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ.

Да, конечно; впрочемъ, деревня тоже имѣетъ пріятности: ручейки, хижинки, зефиры!... Я, сударыня, служу въ Петербургѣ съ большою выгодою. Это правда, что на мнѣ небольшой чинъ: ужъ никакъ не больше коллежскаго ассессора, даже немножко меньше; но зато меня вся канцелярія знаетъ, и начальникъ отдѣленія совершенно со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: „приходи, братецъ, обѣдать“. Правду сказать, я ужъ зато и дѣлаю много. Вы, можетъ быть, думаете, что я принадлежу къ тѣмъ, которые только переписываютъ бумаги, — о, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Я только приду и скажу: это вотъ такъ, это вотъ такъ, — а тамъ уже чиновникъ для письма сію минуту перомъ: тр... тр... такъ это все скоро. Мнѣ такъ ужъ и кресло стоитъ особенно, какъ будто столоначальнику, — право. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мной со щеткою: „позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ, говоритъ, сапоги почищу“. (Городничему.) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Городничій.

Чинъ такой, что еще можно постоять.

Артемій Филипповичъ.

Мы постоимъ.

Лука Лукичъ.

Не извольте безпокоиться.

Вмѣстѣ.

Хлестаковъ.

Безъ чиновъ, прошу садиться. (Городничій и всѣ садятся). Да. Тамъ изъ нашихъ чиновниковъ никто такъ не одѣвается. Платье заказываю Ручу, триста рублей за пару. И если этакъ куда иду, то всѣ говорятъ: „вонъ, говорятъ, Иванъ Александровичъ идетъ!“ А одинъ разъ, когда я шелъ пѣшкомъ, меня приняли даже за турецкаго посланника, — право; и удивительно то, что на мнѣ даже не было военной шинели. Всѣ солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: „ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за турецкаго посланника“.

Анна Андреевна.

Скажите, какъ!

Хлестаковъ.

Да меня уже вездѣ знаютъ. Я на всѣхъ гуляньяхъ бываю; въ театрѣ... съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже литературою занимаюсь. На сцену разные водевильчики даю, и довольно, знаете, этакъ удачно. Литераторовъ часто вижу. У меня тоже обѣдаютъ нѣкоторые. Хорошенькая у меня очень квартирка; я плачу восемьсотъ рублей: три комнаты, на улицу окна.

Анна Андреевна.

Такъ вы и пишете? Какъ это должно было пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ.

Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Сумбека... Вотъ и Фенелла тоже мое сочиненіе. И все это такъ, по случаю: я даже не хотѣлъ ихъ, признаюсь, писать, но театральная дирекція говоритъ: „пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь“. Думаю себѣ: „пожалуй, изволь, братецъ!“ И тутъ же въ одинъ вечеръ написалъ. Да и въ журналы помѣщаю сочиненія: въ Московскомъ Телеграфѣ и въ Библіотекѣ для чтенія. Вотъ эти всѣ статьи, что были тамъ Брамбеуса, это все мои.

Анна Андреевна.

Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлестаковъ.

Да, это все мои и другія разныя сочиненія. Мнѣ Смирдинъ двадцать пять тысячъ платитъ. Да если ска-

зать по правдѣ, то всѣ журналы, какіе тамъ ни есть, это все я издаю.

Анна Андреевна.

Такъ вѣрно и Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

Хлестаковъ.

Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна.

Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, тамъ написано, что это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна.

Ну, вотъ, я и знала, что даже здѣсь будетъ спорить.

Хлестаковъ.

Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна.

Ну, это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ.

Да, мнѣ Смирдинъ сорокъ тысячъ даетъ въ годъ. Я этимъ составилъ себѣ состояніе: у меня два дома есть въ Петербургѣ, и еслибы вы подошли къ моему дому, то вы бы подумали, что дворецъ. Я нарочно велѣлъ архитектору, чтобы далъ самый лучшій видъ. Вездѣ колонны, пруды, каскады... О, еслибъ этакую квартиру нанимать, то нужно, по крайней мѣрѣ, 20 тысячъ въ годъ. Я самъ даю балы даже иногда.

Анна Андреевна.

Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы?

Хлестаковъ.

О! балы тамъ отличные! Подадутъ вамъ десертную тарелочку, такъ это просто объяденіе; или какой-нибудь пирогъ, что самъ онъ горячъ такъ, что вы не не можете взять въ ротъ, а въ серединѣ мороженое, холодное, вотъ какъ ледъ. Да, я каждый разъ бываю на этихъ балахъ: тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И какъ только иногда какъ-нибудь замѣшкаюсь, то ужъ посланники и говорятъ: „да гдѣ жъ Иванъ Александровичъ? послать за Иваномъ Александровичемъ!" И какъ начнемъ играть — то

просто я вамъ скажу, что ужъ ни на что не похоже. Такъ уморишься, такъ уморишься, что какъ взбѣжишь къ себѣ на лѣстницу въ четвертой этажъ, то просто сбросишь съ себя шинель кухаркѣ, и скажешь только: „на, Маврушка!“ А потъ такъ въ три ручья и льется! И на другой день въ должность ужъ никакъ не хочешь идти. „Осипъ, и не буди меня!“ — бывало, говорю: — „не пойду!“ Впрочемъ, я это такъ только говорю, а у меня должность тутъ же на дому, и чиновники всегда ко мнѣ приходятъ. А любопытно очень видѣть, если бы нарочно заглянули, когда я проснусь. Въ передней у меня графы и князья толкутся и жужжатъ такъ, какъ шмели, только слышно ж... ж... ж... Ну, нечего дѣлать, нужно, однакожъ, выйти къ нимъ. И нельзя, впрочемъ: иной разъ министръ, не то чтобы всегда, а иногда заѣдетъ. (Городничій и прочіе съ робостью встаютъ съ своихъ стульевъ). Всѣмъ нужда ко мнѣ: я вѣдь имѣю самое прибыточное мѣсто. Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ иногда: ваше превосходительство. Я одинъ разъ даже управлялъ департаментомъ, — право. И такъ это странно случилось: директоръ по болѣзни уѣхалъ въ свою деревню, — всѣ думали: кому дать исправлять должность? кто будетъ? какъ и что? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало: нѣтъ, мудрено. Кажется, и легко на видъ, а разсмотришь — нѣтъ, чортъ возьми, трудно; да послѣ видятъ, что нечего дѣлать — ко мнѣ: Иванъ Александровичъ, говорятъ, можетъ это сдѣлать. И въ ту же минуту по улицамъ вездѣ курьеры, курьеры, курьеры... курьеровъ пятнадцать: „Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!“ Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ; хотѣлъ отказаться, но думаю себѣ, дойдетъ до государя — непріятно; ну, да и не хотѣлось испортить свой послужной списокъ. „Извольте, говорю, господа, я принимаю должность, только ужъ у меня прошу не такъ, ужъ теперь ни, ни, ни!.. Ужъ у меня ухо востро держите!.. Я ужъ“... И точно: бывало, какъ прохожу, то у меня чиновники всѣ вотъ такъ трясутся. (Городничій и прочіе трясутся отъ страха.) Я и въ государственномъ совѣтѣ присутствую. И во дворецъ, если иногда балы случатся, за мной всегда ужъ посылаютъ. Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ. (Зѣваетъ во всю глотку.) О чемъ, бишь, я говорилъ?

Городничій

(подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить).

А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ.

Что такое? вы что то говорите?

Городничій.

А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ.

Не разберу ничего.

Городничій.

Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. Вотъ и комната, и все, что нужно.

Хлестаковъ.

Отдохнуть? Извольте, извольте, я готовъ. (Встаетъ.) Прощайте, сударыня! Право, чрезвычайно хочется спать. Завтракъ былъ у васъ хорошъ. (Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій.)

Явленіе VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій (Добчинскому).

Вотъ это, Петръ Ивановичъ, какой важной человѣкъ. Я никогда еще не былъ въ присутствіи такой важной персоны. Я чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете Петръ Ивановичъ, кто онъ такой?

Добчинскій.

Я думаю, что чуть ли не генералъ.

Бобчинскій.

А я думаю, что генералъ ему и въ подметки не станетъ! А когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. И во дворецъ ѣздитъ! Пойдемъ, Петръ Ивановичъ, разскажемъ объ этомъ Аммосу Ѳедоровичу и Коробкину. Они еще ничего объ этомъ не знаютъ. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій.

Прощайте, кумушка.

Артемій Филипповичъ (Лукѣ Лукичу).

Такой знатной человѣкъ, а мы даже и не въ мундирахъ. Съ этакою молодостію, да такія должности отправляетъ. Ахъ, Боже мой! Когда бы въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь не досталось. Прощайте, сударыня! (Уходитъ, за нимъ Лука Лукичъ.)

Явленіе IX.

Тѣ же и городничій.

Городничій (входитъ на цыпочкахъ).

Чш... ш...

Анна Андреевна.

Что?

Городничій.

Прилегъ отдохнуть. Боже васъ сохрани тутъ какъ-нибудь шумѣть. — Такъ совсѣмъ ошеломило! Страхъ такой напалъ: еще такого важнаго человѣка никогда не видѣлъ. (Задумывается). Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... Чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ!.. Какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна.

А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій.

Ну, ужъ вы — женщины. Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все тралала. Вдругъ брякнутъ ни изъ того, ни изъ другого словцо. Васъ высѣкутъ, да и только, а мужа и поминай, какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна.

Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... (Посматриваетъ на дочь.)

Городничій (одинъ).

Ну, ужъ съ вами говорить!.. Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. (Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь.) Мишка, позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. (Послѣ небольшого молчанія.) Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькой, поджаристой такой — никакъ не узнаешь, что онъ важная особа. Однакожъ, какъ онъ ни скрывался, а, наковецъ таки, не выдержалъ и все разсказалъ. Видно, что человѣкъ молодой.

Дѣйствіе четвертое.

Явленіе I.

Хлестаковъ (одинъ).

Мнѣ нравится здѣшній городокъ. Такое добродушіе со стороны жителей... А какъ много значитъ нѣсколько времени пожить въ Петербургѣ! Всѣ съ такимъ почтеніемъ суетятся, бѣгаютъ, какъ будто точно за какимъ-нибудь важнымъ. Дочка у городничаго очень хорошенькая! Такая свѣженькая, розовыя губки. Да и матушка такая, что еще можно бы... Я люблю этакъ проводить время. Городничій, я думаю, однакоже долженъ быть очень разсѣянъ: вмѣсто двухсотъ рублей, какъ я разсмотрѣлъ теперь, онъ мнѣ далъ четыреста. — Я попрошу у него удержать ихъ на время при себѣ для путевыхъ издержекъ. Я полагаю даже, если онъ уже такой добрый, еще попросить взаймы. — Оно хоть и не такъ теперь нужно, но все же лучше за однимъ разомъ. Дорога вѣдь такая вещь, что никакъ нельзя разсчитать въ обрѣзъ. Можетъ быть, опять капитанъ встрѣтится.

Явленіе II.

Хлестаковъ и почтмейстеръ (входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу).

Почтмейстеръ.

Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ

Прошу покорнѣйше садиться... Такъ вы въ этомъ городѣ и живете?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Какъ же! Мнѣ очень знакомъ вашъ начальникъ. Вѣдь это по Адмиралтейству, кажется?.. Да, такой добрякъ. — Мы даже, если вамъ сказать правду, волочились вмѣстѣ за одною прехорошенькою. — Ну, натурально: куда жъ ему? — старикъ. Бывало, всегда, какъ только встрѣтитъ меня, я еще у Полицейскаго моста, а онъ у Аничкина — поднимете палецъ и кричитъ: злодѣй! счастли-

вецъ, каналья!.. А тамъ, знаете, ввечеру на Невскомъ проспектѣ очень много можно встрѣтить хорошенькихъ. (Въ сторону.) У этого, мнѣ кажется, почтмейстера можно занять денегъ. (Вслухъ.) Такъ вы здѣшній почтмейстеръ?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

Вообразите: какой странный случай со мною! Выѣхавши изъ Петербурга, я разсчиталъ, какъ нарочно, все это самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ. — Вотъ это, думаю себѣ, на прогоны, это на издержки для себя, это ямщикамъ на водку, это для моего крѣпостного человѣка, и все какъ нельзя лучше. Но, къ величайшему изумленію, стало мнѣ всего только на половину дороги, и теперь недостаетъ какой-нибудь бездѣлицы: не можете ли вы одолжить мнѣ на самое короткое время сколько-нибудь денегъ?

Почтмейстеръ.

Сколько прикажете?

Хлестаковъ.

Да рублей хоть сто на первый случай; я завтра даже... или очень скоро возвращу.

Почтмейстеръ.

Сейчасъ. (Шаритъ въ карманахъ и говоритъ вполголоса.) Ахъ, Боже, мой, вотъ штука, если не будетъ! Вотъ не приведи Богъ!.. Есть, есть ... (Съ поспѣшностью даетъ ассигнаціи.)

Хлестаковъ.

Покорнѣйше благодарю! (Въ сторону.) Почтмейстеръ, кажется, хорошій человѣкъ.

Почтмейстеръ

(встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу).

Не смѣя далѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ.

Прощайте, прощайте! хорошо, хорошо!

Явленіе III.

Хлестаковъ и **Аммосъ Ѳедоровичъ** (въ мундирѣ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу).

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій асессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ.

А, сдѣлайте милость, садитесь. Что, вы давно занимаете тутъ мѣсто?

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Съ 816-го, былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ.

Это хорошо. Я самъ тоже служу. Что, получаете награды?

Аммосъ Ѳедоровичъ.

За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства.

Хлестаковъ.

Да это, впрочемъ, еще довольно счастливо. У насъ есть одинъ такой, что пятнадцать лѣтъ служитъ, и получилъ только одну пряжку. — Скажите, пожалуйста, мнѣ, право, нѣсколько и совѣстно, да нечего дѣлать; со мною странный случай: въ дорогѣ совершенно истратился... Не можете ли вы одолжить мнѣ на малое время рублей сто? Я бамъ, можетъ быть, завтра же отдамъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Сейчасъ. (Вынимаетъ поспѣшно изъ бумажника деньги.)

Хлестаковъ.

Очень вамъ благодаренъ. Въ дорогѣ, знаете, этакъ разныя потребности могутъ случиться. Никакъ нельзя предвидѣть. — Въ одномъ мѣстѣ захочется поѣсть, въ другомъ купить что-нибудь. Оно хоть бездѣлица, а все составляетъ счетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ (раскланиваясь).

Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, имѣю честь пребыть...

Хлестаковъ.

А вы уже ѣдете? Зачѣмъ же такъ рано? Посидите еще. Мнѣ очень пріятно съ вами побесѣдовать.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Не смѣю безпокоить.

Хлестаковъ.

Ну, когда такъ, то прощайте. Покорно благодарю за то, что навѣстили меня. (Выпровожаетъ Аммоса Ѳедоровича.)

Судья тоже, сколько мнѣ кажется, очень не глупой человѣкъ. Я люблю такихъ людей, съ которыми можно быть откровенну.

Явленіе VI.

Хлестаковъ (одинъ).

Какъ много здѣсь чиновниковъ! Городишка довольно населенъ. Теперь я вижу, сколько мнѣ кажется, они меня почитаютъ за человѣка государственнаго. Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физіогноміи точно есть что то такое, внушающее... Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать взаймы денегъ. А въ Петербургѣ попробуй пойти къ какому-нибудь даже послѣднему портнишкѣ, чтобы сшилъ тебѣ въ долгъ фракъ: ни за что не сошьетъ. Мнѣ кажется, это ужъ черезчуръ... такое развращеніе нравовъ можетъ быть только въ столицѣ. — А перечесть, сколько у меня теперь денегъ (Вынимаетъ изъ кармана.) Въ этой пачкѣ четыреста. (Кладетъ особо.) Сколько тутъ? (Считаетъ.) Двадцать пять, пятьдесятъ, семьдесятъ пять... какая замасленная!.. сто, и тутъ сто... о! о! всѣхъ до тысячи добирается! А должно быть, однакожъ, сколько мнѣ кажется, эти чиновники большіе дураки; въ головѣ только, я думаю... фай... даже посвистываетъ! Такая простота. Написать нарочно объ этомъ Тряпичкину. Онъ тамъ сочиняетъ разныя статейки: пускай-ка ихъ отбреетъ хорошенько, это, право, будетъ хорошо. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернила.

Осипъ (выглянувъ изъ дверей).

Сейчасъ.

Явленіе XI.

Тѣ же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна

(увидѣвъ Хлестакова, не успѣвшаго встать на ноги, и всплеснувъ руками).

Ахъ, какой пассажъ!

Хлестаковъ (вставая).

А, чортъ возьми!

Анна Андреевна.

Признаюсь, я въ такомъ нахожусь... я не знаю...

Къ Марьѣ Антоновнѣ.) Что это ты вздумала? Съ кого ты это примѣръ взяла?

Хлестаковъ

(вдругъ бросается на колѣна).

Анна Андреевна! — влюбленъ, влюбленъ! Прошу руки Марьи Антоновны.

Анна Андреевна.

Ахъ, Боже мой!.. какъ же это!.. Право, такъ скоро да еще... и на колѣняхъ стоите!

Хлестаковъ.

Руки, руки прошу! Если не согласитесь, умру, сейчасъ же умру, на этомъ самомъ мѣстѣ. Застрѣлюсь, напропалую застрѣлюсь.

Анна Андреевна.

Я, право, не могу еще придти въ себя... Мы никакъ и не смѣемъ думать о такой чести. Вамъ нужна, по крайней мѣрѣ, графиня или княгиня.

Хлестаковъ.

О, мнѣ все равно! Я не слишкомъ гляжу на графинь Если вы не рѣшитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится; какъ честный человѣкъ увѣряю. Я рѣшительный человѣкъ: мнѣ жизнь копейка.

Анна Андреевна.

Ахъ, Боже мой! какъ вы меня пугаете! Отваживать жизнь свою, да еще такимъ страшнымъ образомъ. Встаньте... я согласна, только встаньте.

Хлестаковъ (вставая).

Теперь я самый... (Въ сторону.) А она тоже очень аппетитна! (Вслухъ Аннѣ Андреевнѣ, подбираясь къ ней.) Какъ я счастливъ, что могу, наконецъ...

Дѣйствіе пятое.

Явленіе IX.

Тѣ же и Почтмейстеръ.

Почтмейстеръ.

Я, господа, пришелъ объявить вамъ удивительное дѣло.

Городничій.

А напримѣръ, что такое? послушаемъ.

Почтмейстеръ.

Я и самъ не знаю, что сказать вамъ: такое странное обстоятельство, что я...

Нѣкоторые.

Какое? что?

Почтмейстеръ.

Прихожу я домой и застаю письмо этого чиновника, которому мы показывали всѣ заведенія. На пакетѣ было написано какому то Тряпичкину, въ С.-Петербургъ, въ Почтамтскую улицу. И какъ прочиталъ я, что въ Почтамтскую улицу, то въ ту же минуту такъ и обомлѣлъ. Вѣрно, думаю себѣ, это обо мнѣ писано. Можетъ быть, какъ-нибудь дошло до него, что я для своего удовольствія распечатывалъ иногда письма. И въ ту же самую минуту, такъ, какъ будто какая-нибудь не предвидимая сила понудила меня распечатать.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Какъ, и это самое письмо?

Городничій.

Какъ же вы это?.. (Всѣ показываютъ ужасъ.)

Почтмейстеръ.

Я и самъ испугался такой мысли и въ ту же минуту положилъ письмо на столъ, и уже хотѣлъ позвать почталіона, чтобъ отправить скорѣе съ эштафетой [1]. Но только немножко отойду отъ стола, такъ вотъ опять и тянетъ, и тянетъ. Въ одномъ ухѣ кричитъ: „распечатай!“ въ другомъ: „не распечатывай! распечатай, не распечатывай“. Съ этой стороны такъ, вотъ какъ бы подъ руку кто-нибудь толкаетъ, а съ другой стороны — какъ будто бы невидимая сила говоритъ: „оставь, пропадешь, какъ курица!“ Такъ что минутъ съ десять не зналъ, что дѣлать; наконецъ, напропалую рѣшился распечатать.

Городничій.

Какъ же вы смѣли распечатать?

Почтмейстеръ.

Ей Богу, распечаталъ! со страхомъ такимъ, какого еще никогда не помню. И ставни велѣлъ закрыть, и

[1] Нарочнымъ, особымъ курьеромъ.

собственноручно заткнулъ всѣ щелки. И какъ только придавилъ сургучъ, то огонь такъ по всему тѣлу и пробѣжалъ; а какъ разломалъ печать — морозъ, морозъ, такъ вотъ и чувствую, что морозъ! А какъ вынулъ и развернулъ письмо то, я уже не знаю, гдѣ я въ то время былъ. Зубы и губы такъ тряслись, что цѣлый часъ не могъ одной строчки прочесть.

Городничій.

Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ.

Въ томъ то и штука, что онъ и не уполномоченный, и не особа!

Городничій.

Что жъ онъ по-вашему такое?

Почтмейстеръ.

Ни се, ни то; чортъ знаетъ, что такое.

Городничій (запальчиво).

Какъ вы смѣете это сказать? Знаете ли, что я велю васъ подъ арестъ взять?

Почтмейстеръ.

Кто? вы?

Городничій.

Да, я.

Почтмейстеръ.

Коротки руки.

Городничій.

Знаете ли, что этотъ самый чиновникъ женится на моей дочери? Я самъ скоро буду вельможа, и если захочу, то васъ въ Сибирь законапачу.

Почтмейстеръ.

Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь, далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Всѣ.

Читайте, читайте!

Почтмейстеръ (читаетъ).

„Мая такого то числа и пр., и пр., и пр. Я уже писалъ къ тебѣ, душа Тряпичкинъ, о томъ, какъ обыгралъ меня въ Пензѣ пѣхотный капитанъ. Трактирщикъ хо-

тѣлъ даже потащить меня въ тюрьму. Къ батюшкѣ не писалъ: недоволенъ тономъ. Все одно: розги да розги. Этимъ, при теперешнемъ образованіи, онъ ничего не возьметъ. Но вдругъ сцена перемѣнилась: я живу теперь у городничаго въ домѣ, жуирую, отпускаю bons mots. Жена и дочка его обѣ ко мнѣ неравнодушны. Не рѣшился, съ которой прежде начать; думаю, лучше съ матушки: къ дочкѣ, можетъ быть, труденъ доступъ, а матушка такая, что сію минуту готова влюбиться по уши. Самъ городничій преблагороднѣйшій человѣкъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ какъ сивой меринъ!!!“

Городничій.

Не можетъ быть! тамъ нѣтъ этого.

Почтмейстеръ (показываетъ письмо).

Читайте сами!

Городничій (читаетъ).

„Какъ сивой меринъ“. Не можетъ быть, вы это сами написали.

Почтмейстеръ.

Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ.

Читайте!

Лука Лукичъ.

Читайте!

Почтмейстеръ (продолжая читать).

„Городничій преблагороднѣйшій человѣкъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ какъ сивой меринъ...“

Городничій.

О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтмейстеръ (продолжая читать).

„Но... хм, хм, хм, хм... сивой меринъ. Почтмейстеръ тоже доброй человѣкъ...“ (Оставляя читать). Ну, тутъ обо мнѣ тоже онъ неприлично выразился.

Городничій.

Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ.

Да къ чему жъ?

Городничій.

Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать. Читайте все!

Артемій Филипповичъ.

Позвольте, я прочитаю. (Надѣваетъ очки и читаетъ.) „Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ; чрезвычайно похожъ на департаментскаго сторожа Михѣева; должно быть, тоже, подлецъ, пьетъ горькую.

Почтмейстеръ (къ зрителямъ).

Ну, скверной мальчишка, котораго нужно посѣчь; больше ничего!

Артемій Филипповичъ (продолжая читать).

„Кромѣ того, надзиратель надъ богоугоднымъ заведеніемъ какой то“ и... и... и... (Заикается.)

Коробкинъ.

А что жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ.

Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинъ.

Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. (Беретъ письмо.)

Артемій Филипповичъ (не давая письма).

Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ.

Да позвольте, ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ.

Прочитать, я и самъ прочитаю; далѣе, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ.

Нѣтъ, все читайте! Вѣдь прежде все читано.

Всѣ.

Отдайте, Артемій Филипповичъ! отдайте письмо. (Коробкину.) Читайте!

Артемій Филипповичъ.

Сейчасъ. (Отдаетъ письмо.) Вотъ, позвольте, я закрою пальцемъ. (Закрываетъ пальцемъ.) Вотъ этого мѣста только не читайте, а прочее все можно

(Всѣ приступаютъ къ нему.)

Почтмейстеръ.

Читайте! читайте все!

Коробкинъ (читая).

„Кромѣ того, надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ, какой то Земляника: вообрази себѣ чухонскую свинью въ ермолкѣ, съ пребольшими ушами...“

Артемій Филипповичъ (къ зрителямъ).

И нимало неостроумно! Богъ знаетъ что: свинья въ ермолкѣ! Совсѣмъ неправдоподобно; гдѣ жъ свинья въ ермолкѣ бываетъ?

Коробкинъ (продолжая читать).

„А отъ смотрителя училищъ страшно воняетъ лукомъ...“

Лука Лукичъ (къ зрителямъ).

Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Аммосъ Ѳедоровичъ (въ сторону).

Слава Богу, хоть, по крайней мѣрѣ, обо мнѣ нѣтъ.

Коробкинъ (читаетъ).

„Кромѣ того, какой то судья...“

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Вотъ тебѣ на! (Вслухъ.) Господа, я думаю, что письмо дѣйствительно нѣсколько длинно. На первый разъ этого будетъ довольно.

Лука Лукичъ.

Зачѣмъ же? Нѣтъ, мнѣ хочется все знать.

Коробкинъ (продолжаетъ).

„Какой то судья Ляпкинъ-Тяпкинъ, ужасный моветонъ...“ (Останавливается.) Должно быть, французское слово.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

А чортъ его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а, можетъ быть, и того еще хуже.

Коробкинъ (продолжая читать).

„Словомъ: дурачье страшное! По моей физіогноміи приняли меня за военнаго генералъ-губернатора. Я, съ своей стороны, подпустилъ имъ пыли порядочной. Ты пописываешь для „Библіотеки для Чтенія“. Пожалуйста, помѣсти ихъ въ свою литературу и окритикуй хоро-

шенько! Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братецъ, такъ жить: ищешь пищи для души, а свѣтская чернь тебя не понимаетъ. Хочешь, наконецъ, чѣмъ-нибудь этакимъ высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. (Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ.) Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ С.-Петербургъ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ № 97, поворотя на дворъ, въ 3 этажѣ, направо“.

Одна изъ дамъ.

Какой репримантъ неожиданный!

Городничій.

Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убить, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу. Вижу какія то свиныя рылы, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! (Машетъ рукою.)

Почтмейстеръ.

Куда тутъ воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку и впередъ послалъ предписаніе, — чортъ бы меня совсѣмъ побралъ!

Жена Коробкина.

Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрная конфузія!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Однакожъ, чортъ возьми, господа, вѣдь онъ у меня взялъ деньги взаймы.

Артемій Филипповичъ.

У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ (вздыхаетъ).

Охъ! и у меня сто рублей.

Бобчинскій.

У насъ съ Петромъ Ивановичемъ семьдесятъ пять ассигнаціями и три двугривенныхъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ

(въ недоумѣніи разставляетъ руки).

Какъ же это, господа? какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали!

Городничій (бьетъ себя по лбу).

Какъ я?.. нѣтъ, какъ я, старый дуракъ! выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести меня; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!.. Что губернаторовъ!.. А теперь... вертопрахъ, какой-нибудь мальчишка... на губахъ молоко еще не обсохло... Ступай, ищи его, чортъ побери!.. Я думаю, такъ удираетъ по столбовой дорогѣ, что колокольчикъ заливается.

Анна Андреевна (мужу).

Какъ же?.. Вѣдь это не можетъ быть... Онъ совсѣмъ вѣдь обручился ужъ съ нашей Машенькой.

Городничій (съ досадою).

А развѣ ты не видишь, что у него все это: фу, фу? Пустѣйшій человѣкъ, чортъ бы побралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну что въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человѣка или вельможу? Пусть бы имѣлъ онъ въ себѣ что-нибудь внушающее уваженіе; а то, чортъ знаетъ что: дрянь, сосулька! тоньше сѣрной спички. И какимъ это образомъ случилось? Кто первый вынесъ, что онъ чиновникъ, присланный для того, чтобъ ревизовать?

Артемій Филипповичъ.

А кто вынесъ? вотъ кто вынесъ, эти молодцы! (Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго.)

Бобчинскій.

Ей, ей, не я, и не думалъ...

Добчинскій.

Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ.

Конечно, вы.

Лука Лукичъ.

Разумѣется, вы первые прибѣжали, какъ сумасшедшіе, изъ трактира: пріѣхалъ, пріѣхалъ ревизоръ, и денегъ не плотитъ... Нашли, чортъ бы васъ побралъ, важную птицу.

Городничій.

Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ.

Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

Городничій.

Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! сплетни сѣете, сороки коротко-хвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ.

Колпаки!

Артемій Филипповичъ.

Сморчки короткобрюхіе! (Всѣ обступаютъ ихъ.)

Бобчинскій.

Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій.

Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это вы говорили.

Бобчинскій.

Э, нѣтъ, вы прежде...

IV.

Сцены, написанныя для второго изданія „Ревизора“ (1841 г.) и измѣненныя при третьемъ изданіи комедіи.

Дѣйствіе четвертое.

Комната въ домѣ городничаго.

Явленіе I.

Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ, **Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій и Бобчинскій,** въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ вполголоса.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Скорѣе, скорѣе, господа, въ кружокъ, потому что онъ сейчасъ выйдетъ. Вотъ такъ. (Всѣ равняются и образуютъ полукружіе.) Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. (Оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ.) Вотъ такъ; теперь совсѣмъ на военную ногу. Оно, знаете, въ этакомъ видѣ слѣдуетъ представиться. (Осматриваетъ всѣхъ ихъ.) А вѣдь если посмотрѣть нѣсколько издалека, такъ у насъ есть точно что то воинское. (Слышно изъ комнаты Хлетакова откряхтываніе и плеваніе. Чиновники пугаются.)

Артемій Филипповичъ.

Да, видно, уже проснулся.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Утрудился.

Почтмейстеръ.

А вѣдь нечего сказать, вчера онъ куды бойко раз-

вернулся. Какъ вы полагаете? Мнѣ кажется, что изъ всего того, что онъ говорилъ вчера, не все правда?

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Еще бы! подгулялъ, ну и прилгнулъ. Это не порокъ; это за всякимъ государственнымъ человѣкомъ водится. Но вѣдь зато у него все взвѣшено. Вотъ онъ, положимъ, подгулялъ, но какъ подгулялъ? — съ цѣлью подгулялъ.

Почтмейстеръ.

А хорошо, что мы вздумали состроить закуску: хлѣба-соли отвѣдалъ, вредить уже не будетъ; да и самъ развернулся, и сказалъ то, чего бы, вѣрно, не сказалъ.

Артемій Филипповичъ.

А мой совѣтъ, господа, не закладывать руки въ карманъ. Ну, что, какъ теперь, проснувшись, онъ поворотитъ опять круто? Я, право, боюсь. Вѣдь Антошка нашъ старый плутъ: онъ удовлетворилъ его вѣрно чѣмъ-нибудь наединѣ, только не говоритъ.

Лука Лукичъ.

А что вы думаете, вѣдь это можетъ случиться.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Знаете, господа, что еслибы ему... (Показываетъ жестомъ)

Артемій Филипповичъ.

Подсунуть?

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да.

Почтмейстеръ.

Опасно, чортъ возьми.

Артемій Филипповичъ.

Да какъ же это сдѣлать?

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да просто въ руку, и концы въ воду.

Артемій Филипповичъ.

Что вы, что вы? Раскричится такъ, что и ногъ не унесешь. Развѣ вы не знаете государственныхъ людей? Скажетъ: что вы, кому это вы, да какъ вы смѣете? хотите, чтобъ я измѣнилъ государю? Нѣтъ, лучше, пусть Богъ съ нимъ!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Раскричаться то онъ, конечно, раскричится, а деньги все-таки возьметъ.

Артемій Филипповичъ.

Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, это дѣло рискованное; а вотъ лучше въ видѣ какого-нибудь приношенія, или пожертвованія на пользу общественную, а его пригласить принять обязанность на себя... Да и то, чортъ возьми, опасно!

Почтмейстеръ.

Да не поступить ли просто вотъ какъ: что вотъ молъ пришли по почтѣ деньги, не извѣстно кому принадлежащія, а хозяина не отыскалось; такъ не его ли онѣ?

Артемій Филипповичъ.

Та, та, та! дастъ онъ вамъ не извѣстно кому принадлежащія! Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ же не отправилъ куда-нибудь подальше.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

А развѣ вотъ какъ: что умеръ-де въ нашемъ городѣ богатый купецъ, оставивши завѣщаніе, а по завѣщанію то...

Артемій Филипповичъ.

Ну, что жъ по завѣщанію?

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да, ну вотъ здѣсь и запятая. Началъ было хорошо, а конца не сведешь.

Артемій Филипповичъ.

Запрягъ прямо, да поѣхалъ криво. Нѣтъ, что толковать? Эти дѣла не такъ дѣлаются. Ну, зачѣмъ насъ пришелъ эскадронъ? Это вы, Аммосъ Ѳедоровичъ, выдумали представиться на военную ногу. Представиться нужно по-одиночкѣ, да между четырехъ глазъ, и того... какъ тамъ слѣдуетъ; да чтобы и уши не слыхали. Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается!.. А какъ одинъ прежде попробуетъ, такъ потомъ и другимъ будетъ извѣстно, какъ нужно поступить.

Почтмейстеръ.

Вотъ это такъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Пожалуй, попробуемъ. Вотъ вы, такъ какъ въ ва-

шемъ заведеніи высокій посѣтитель вкушалъ хлѣба, такъ вы первые и представитесь.

Артемій Филипповичъ.

Почему же мнѣ? А я полагаю, что приличнѣе Ивану Кузьмичу, какъ почтмейстеру...

Почтмейстеръ.

Почему же мнѣ? Гораздо же болѣе это идетъ Аммосу Ѳедоровичу, какъ судьѣ...

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Аммосу Ѳедоровичу, Аммосу Ѳедоровичу! Такъ все на Аммоса Ѳедоровича! Почему же не Лукѣ Лукичу, какъ образователю юношества? Священнѣе уже нѣтъ этой должности.

Лука Лукичъ.

Нѣтъ, господа, не могу. Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что заговори только со мною кто-нибудь однимъ чиномъ меня повыше, то у меня просто и души нѣтъ, и языкъ, чувствую, какъ бы въ грязь завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право увольте.

Артемій Филипповичъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни поворачивай дѣло, а никому другому нельзя взяться за это, кромѣ васъ, Аммосъ Ѳедоровичъ. У васъ, что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Что вы! что вы, Цицеронъ! Смотрите, что выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ, да о какой-нибудь гончей ищейкѣ...

Всѣ (пристаютъ къ нему).

Нѣтъ, вы и о столпотвореніи!.. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!.. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ!..

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Отвяжитесь, господа!

(Въ это время слышны шаги и откашливаніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣшатъ наперерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются выйти, что происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицанія.)

Голосъ Бобчинскаго.

Ой, Петръ Ивановичъ! Петръ Ивановичъ! наступили на ногу.

Голосъ Земляники.

Отпустите, господа, хоть душу на покаяніе: совсѣмъ прижали! (Выхватываются нѣсколько восклицаній: ай! ай! наконецъ, всѣ выпираются, и комната остается пустою.)

Явленіе II.

Хлестаковъ, одинъ, выходитъ съ заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? Роскошь такая, даже вспотѣлъ. Мнѣ однакоже вѣрно чего-нибудь прекрѣпкаго подсунули вчера за завтракомъ, — шнапсъ, что ли, — только до сихъ поръ еще въ головѣ какъ будто бы что то стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностію проводить время. Вотъ это я люблю! это по-моему! Я насчетъ этого странный человѣкъ; я не знаю, какъ другіе, но мнѣ вообще нравится такая жизнь. Я не требую больше ничего, какъ только чтобы оказывали мнѣ вниманіе, чтобъ я видѣлъ желаніе угождать; словомъ, чтобы все это было радушно, какъ говорится — отъ сердца, а не то, чтобы изъ какого интереса. А дочка городничаго очень недурна; да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

Явленіе III.

Хлестаковъ и судья.

Судья

(входя и останавливаясь, про себя).

Боже, Боже! вынеси благополучно! такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. (Вслухъ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.) Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій асессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ.

Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья.

Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства, и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ.

А выгодно однакоже быть судьею?

Судья.

За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства.

Хлестаковъ.

А — мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й степени уже не такъ. Слишкомъ уже, знаете, обыкновенно: всѣ носятъ, и столоначальники.

Судья (въ сторону).

Выдумалъ, да, Богъ знаетъ, удастся ли! Сердце, чортъ побери, такъ и колотится!.. Придумалъ то я выронить какъ-нибудь на полъ какъ-будто ненарокомъ, да и броситься поднимать ихъ. Да чортъ его знаетъ, какъ оно выйдетъ. Ай! упали... Ну, батюшки... (Роняетъ ассигнаціи на полъ и наклоняется поднять ихъ.)

Хлестаковъ.

А что вы?.. (Подвигаетъ нѣсколько стулъ свой.)

Аммосъ Ѳедоровичъ
(въ сторону, почти потерявшись).

О Боже, вотъ ужъ я и подъ судомъ! и телѣжку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ.

Что, вы уронили что то?

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Упали какія то ассигнаціи; я полагалъ, что не съ вашего ли стола. (Въ сторону.) Ну, все кончено, пропалъ! пропалъ!

Хлестаковъ.

А позвольте, я посмотрю, можетъ быть, точно не мои ли. Мнѣ, признаюсь, по разсѣянности случалось очень часто ронять деньги. А ужъ извозчику почти всякой разъ случается, по ошибкѣ, дать вмѣсто четвертака золотой полуимперіалъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Я полагаю тоже, что это ваши. (Въ сторону.) Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаковъ.

Больше трехсотъ, кажется, рублей. Не знаю, право, можетъ быть, и мои. Я никогда не знаю, сколько у меня денегъ. А если на всякой случай нѣтъ, такъ все

равно: вы мнѣ дайте ихъ взаймы, а я вамъ потомъ пришлю.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Помилуйте! такимъ принятіемъ можно просто осчастливить человѣка.

Хлестаковъ.

Да, я вамъ изъ деревни на слѣдующей же недѣлѣ пришлю.

Аммосъ Ѳедоровичъ

(вставая съ тѣмъ, чтобы идти).

Зачѣмъ же? я подожду. Не извольте никакъ безпокоиться. Если и въ другомъ чемъ.. стоитъ приказать.

Хлестаковъ.

Хорошо, хорошо. А вы уже уходите?..

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Не смѣю отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности.

Хлестаковъ.

Прощайте! Вѣдь мы съ вами увидимся?

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Готовъ явиться по первому приказанію. (Въ сторону, уходя.) Городъ нашъ!

Хлестаковъ (по уходѣ его).

Судья хорошій человѣкъ.

Явленіе IV.

Хлестаковъ и почтмейстеръ, входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу.

Почтмейстеръ.

Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ.

А, покорнѣйше благодарю за то, что пожаловали. Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

Почтмейстеръ.

Такъ точно съ.

Хлестаковъ.

А мнѣ нравится здѣшній городокъ, Конечно, не такъ многолюдно — ну, что жъ! Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтмейстеръ.

Совершенная правда.

Хлестаковъ.

Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ, и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не правда ли?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ! (Въ сторону.) А онъ однакожъ ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлестаковъ.

А вѣдь однакожъ, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только радушіе, чтобы были только все хорошіе люди, чтобы тебя уважали, любили искренно — не правда ли?

Почтмейстеръ.

Совершенно справедливо.

Хлестаковъ.

Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Я таковъ. Можетъ быть, другимъ я покажусь страннымъ въ этомъ отношеніи... но что жъ дѣлать, у меня уже это характеръ. (Глядя въ глаза ему, говоритъ про себя.) А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы! (Вслухъ.) Какой странный однакожъ со мною случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь денегъ взаймы?

Почтмейстеръ.

Сколько прикажете?

Хлестаковъ.

Ну, да рублей какихъ-нибудь двѣсти; а я вамъ завтра же пришлю изъ деревни.

Почтмейстеръ.

Сейчасъ. (Шаритъ въ карманѣ и вынимаетъ ассигнаціи).

Хлестаковъ.

Очень благодаренъ; а я, признаюсь, знаете, въ дорогѣ то и другое, а я никакъ не люблю отказывать себѣ ни въ чемъ; да и къ чему — не такъ ли?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ. (Встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу.) Не смѣю долѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ.

Прощайте, прощайте! Хорошо, хорошо. (По уходѣ почтмейстера раскуриваетъ сигару.) Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человѣкъ. По крайней мѣрѣ, услужливъ. Я, признаюсь, отчасти люблю такихъ людей, съ которыми можно объясняться прямо.

Явленіе V.

Хлестаковъ и Лука Лукичъ, который почти выталкивается изъ дверей. Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ: „чего робѣешь?“

Лука Лукичъ

(вытягиваясь не безъ трепета и придерживая шпагу).

Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлестаковъ.

А! милости просимъ! Садитесь, садитесь Не хотите ли сигарку? (Подаетъ ему сигару.)

Лука Лукичъ (про себя въ нерѣшимости).

Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлестаковъ.

Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то что въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарочки по 25 рублей сотенка, — такъ просто ручки потомъ себѣ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите. (Подноситъ ему свѣчу.)

Лука Лукичъ

(пробуетъ закурить и весь дрожитъ).

Хлестаковъ.

Да не съ того конца.

Лука Лукичъ

(отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и махнулъ рукою, про себя).

Чортъ побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаковъ.

Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я, признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще насчетъ женскаго полу никакъ не могу быть равнодушенъ. Какъ вы?.. какія вамъ больше нравятся: брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ

находится въ совершенномъ недоумѣніи, что сказать.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ.

Не смѣю знать.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь. Мнѣ хочется узнать непремѣнно вашъ вкусъ.

Лука Лукичъ.

Осмѣлюсь доложить... (Въ сторону.) И самъ не знаю, что говорю: въ головѣ все пошло кругомъ.

Хлестаковъ.

А-а-а! не хотите сказать. Вѣрно ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку. Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лукичъ молчитъ.

Хлестаковъ.

О, о, покраснѣли! Видите, видите!.. Отчего жъ вы не говорите?

Лука Лукичъ.

Оробѣлъ, ваше бла... преос... сія... (Въ сторону.) Продалъ, проклятый языкъ, продалъ!

Хлестаковъ.

Оробѣли?.. А въ моихъ глазахъ точно есть что то такое, что внушаетъ робость, — магнетическое, не

правда ли?.. Рѣдкая женщина выдержитъ даже, если я посмотрю. Не такъ ли?

Лука Лукичъ.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

Скажите, пожалуйста... Со мной престранный случай: въ дорогѣ совсѣмъ издержался... не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь денегъ взаймы?.. Я вамъ завтра же отдамъ.

Лука Лукичъ

(хватается за карманы, про себя).

Вотъ-те штука, если нѣтъ! Есть, есть! (Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи.)

Хлестаковъ.

Покорнѣйше благодарю!

Лука Лукичъ

(вытягиваясь и придерживая шпагу).

Не смѣю долѣе безпокоить присутствіемъ.

Хлестаковъ.

Прощайте!

Лука Лукичъ летитъ вонъ почти бѣгомъ.

Явленіе VIII.

Хлестаковъ (одинъ).

Здѣсь однакожъ много чиновниковъ. Теперь, какъ начинаю я хорошенько разсматривать, они вѣрно полагаютъ, что я въ большомъ ходу въ Петербургѣ. Моя физіономія, какъ я замѣтилъ, сдѣлала на нихъ большое впечатлѣніе... Да и въ самомъ дѣлѣ, я точно могъ показаться имъ чѣмъ то необыкновеннымъ, въ родѣ гранъ-жанъ [1]. Для провинціальнаго какого-нибудь жителя вдругъ увидѣть пріѣхавшаго изъ столицы, съ другимъ образованіемъ и въ столичномъ костюмѣ, въ этомъ есть такъ что то околдовывающее. Дурачье, впрочемъ, должно быть ужасное!.. Въ головѣ, я чай, только посвистываетъ. А посмотримъ, сколько у меня денегъ. (Считаетъ ассигнаціи.) Сто, двѣсти... какая зама-

[1] Великаго человѣка.

сленная!.. пятьсотъ, семьсотъ!.. ого! перевалило за тысячу!.. тысяча сто, тысяча двѣсти... да кушикъ не дуренъ. А ну-ка, пѣхотный капитанъ! а попадись-ка ты мнѣ теперь. Я бы ужъ тебѣ далъ знать!.. Это однакожъ благородная черта съ ихъ стороны, что они мнѣ дали денегъ взаймы. Что ни говори, это похвально! Право, обо всемъ этомъ стоитъ написать въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ тамъ сочиняетъ разныя статейки: пусть-ка между прочимъ онъ ихъ обреетъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернилъ. (Осипъ выглянулъ въ дверь, сказавши; „сейчасъ“.) Нельзя отнять отъ Тряпичкина... (пишетъ)... вѣдь подлецъ... у! какой подлецъ!.. и надуть, такъ надуетъ, что только держись!.. Но остроуміе необыкновенное — ужъ такая шпилька: отца родного не пожалѣетъ. И деньгу таки любитъ.

V.

Сцена, не внесенная авторомъ въ печатныя изданія „Ревизора“.

Явленіе VIII

(четвертаго дѣйствія).

Хлестаковъ и Гибнеръ.

Гибнеръ.

Ich habe die Ehre mich zu rekomandiren: Doctor der armen Anstalten, Hiebner [1].

Хлестаковъ.

Прошу покорнѣйше садиться.

Гибнеръ.

Es freuet mich sehr die Ehre zu haben, einen so würdigen Mann zu sehen, den die hohe Obrigkeit bevollmächtigt hat...

Хлестаковъ.

Нѣтъ, я по-нѣмецки... Лучше по-русски. Скажите пожалуйста: теперь вообще чиновникамъ назначено хорошее жалованье. Не обзавелись ли вы деньгами?

Гибнеръ.

Денегъ?.. и што денги?..

Хлестаковъ.

Да. Если вы обзавелись, то я бы попросилъ у васъ

---

[1] Имѣю честь представиться. Докторъ богоугодныхъ заведеній, Гибнеръ.

[2] Я радъ чести видѣть такого достойнаго человѣка, котораго высшее правительство уполномочило...

взаймы... взаймы... То-есть это вотъ что значитъ: вы мнѣ giebt[1] теперь, а я вамъ послѣ назадъ отгибаю.

Гибнеръ.

Денегъ... нетъ денги... (вынимаетъ бумажникъ и вытряхиваетъ). Sehen Sie![2] нетъ... одна сигаръ... большъ нетъ...

Хлестаковъ.

Ну, нечего дѣлать! на нѣтъ и суда нѣтъ.

Гибнеръ.

(прячетъ бумажникъ, потомъ опять берется за карманъ).

Wollen Sie eine Zigare rauchen?[3] (вынимаетъ и подаетъ сигару).

Хлестаковъ.

А, хорошо, gut![4] Дайте сюда, giebt (беретъ и раскуриваетъ). Хорошая сигарка. Это, вѣрно изъ Петербурга. (Пускаетъ дымъ.)

Гибнеръ.

Нетъ... изъ... Рига...

Хлестаковъ.

Изъ Риги? Да, я такъ и думалъ.

Гибнеръ (вставая со стула и кланяясь).

Ich darf Sie nicht mehr beunruhigen und Ihnen die theure Zeit rauben, die Sie den Staatsgeschäften widmen[5]. (Откланивается.)

Хлестаковъ.

Прощайте. Радъ познакомиться.

Явленіе IX.

Хлестаковъ (одинъ).

Хорошо и сигарку выкурить. Какъ много здѣсь чиновниковъ, и проч.

---

[1] Дайте.
[2] Смотрите.
[3] Хотите выкурить сигару?
[4] Хорошо.
[5] Не смѣю больше васъ безпокоить и отнимать у васъ дорогое время, которое вы посвящаете государственнымъ дѣламъ.

VI.

Предувѣдомленіе

къ предполагавшимся изданіямъ „Ревизора“ въ пользу бѣдныхъ.

Почти всѣ наши русскіе литераторы жертвовали чѣмъ-нибудь отъ трудовъ своихъ въ пользу неимущихъ: одни издавали съ этою цѣлью сами книги, другіе не отказывались участвовать въ изданіяхъ, собираемыхъ изъ общихъ трудовъ, третьи, наконецъ, составляли нарочно для этого публичныя чтенія. Одинъ я отсталъ отъ прочихъ. Желая, хотя поздно, загладить свой проступокъ, назначаю въ пользу неимущихъ четвертое и пятое изданія „Ревизора“, нынѣ напечатанныя въ одно и то же время въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ присовокупленіемъ новой, неизвѣстной публикѣ піесы: „Развязка Ревизора“. По разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, піеса эта не могла быть доселѣ издана, и въ первый разъ помѣщается здѣсь.

Деньги, выручаемыя за оба эти изданія, назначаются только въ пользу тѣхъ неимущихъ, которые, находясь на самыхъ незамѣтныхъ маленькихъ мѣстахъ, получаютъ самое небольшое жалованье и этимъ небольшимъ жалованьемъ, едва достаточнымъ на собственное прокормленіе, должны помогать, а иногда даже и содержать еще бѣднѣйшихъ себя родственниковъ своихъ, — словомъ, въ пользу тѣхъ, которымъ досталась горькая доля тянуть двойную тягость жизни. А потому прошу всѣхъ моихъ читателей, которые сдѣлали уже начало доброму дѣлу покупкой этой книги, сдѣлать ему и доброе продолженіе, а именно: собирать, по возможности и по мѣрѣ досуга, свѣдѣнія обо всѣхъ, наиболѣе нуждающихся какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, не пренебрегая скучнымъ дѣломъ входить самому лично въ ихъ трудныя обстоятельства и доста-

влять всѣ таковыя свѣдѣнія тѣмъ, на которыхъ возложена раздача вспомоществованія.

Много происходитъ вокругъ насъ страданій, намъ неизвѣстныхъ; часто въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одной и той же улицѣ, въ одномъ и томъ же съ нами домѣ изнываетъ человѣкъ, сокрушенный весь тяжкимъ игомъ нужды и ею порожденнаго суроваго внутренняго горя, котораго вся участь, можетъ быть, зависѣла отъ одного нашего пристальнаго на него взгляда; но взгляда на него мы не обратили: безпечно и беззаботно продолжаемъ жизнь свою, почти равнодушно слышимъ о томъ, что такой то, жившій съ нами рядомъ, погибнулъ, — не подозрѣвая того, что причиной этой погибели было именно то, что мы не дали себѣ труда пристально взглянуть на него. Ради Самого Христа, умоляю не пренебрегать разговорами съ тѣми, которые молчаливы, неразговорчивы, которые скорбятъ тихо, претерпѣваютъ тихо и умираютъ тихо, такъ что даже рѣдко и по смерти ихъ узнается, что они умерли отъ невыносимаго бремени своего горя. Всѣхъ же тѣхъ моихъ читателей, которые, будучи заняты обязанностями и должностями высшими и важнѣйшими, не имѣютъ черезъ то досуга входить непосредственно въ положеніе бѣдныхъ, прошу не оставить посильнымъ денежнымъ вспоможеніемъ, препровождая его къ одному изъ раздавателей такихъ вспомоществованій, которыхъ имена и адресы приложены въ концѣ сего предувѣдомленія.

Считаю обязанностью при этомъ увѣдомить, что избраны мною для этого дѣла тѣ изъ мною знаемыхъ лично людей, которые, не будучи озабочены излишне собственными хлопотами и обязанностями, лишающими нужнаго досуга для подобныхъ занятій, влекутся сверхъ того собственной душевной потребностью помогать другому и которые взялись радостно за это трудное дѣло, несмотря на то, что оно отнимаетъ отъ нихъ множество пріятныхъ удовольствій свѣтскихъ, которыми неохотно жертвуетъ человѣкъ. А потому всякъ изъ дающихъ можетъ быть увѣренъ, что помощь, имъ произведенная, будетъ произведена съ разсмотрѣніемъ: не бросится изъ нея и копейка напрасно. Не помогутъ они до тѣхъ поръ человѣку, пока не узнаютъ его близко, не взвѣсятъ всѣхъ обстоятельствъ, его окружающихъ, и не получатъ такимъ образомъ вразумленія полнаго, какимъ совѣтомъ и напутствіемъ сопроводить поданную ему помощь. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ страждущій самъ виной тяжелой участи своей, и въ дѣло его бѣдствія замѣшалось дѣло его собственной совѣсти, помощь произведутъ они

не иначе, какъ черезъ руки опытныхъ священниковъ и вообще такихъ духовниковъ, которые не въ первый разъ имѣли дѣло съ душою и совѣстью человѣка. Хорошо, еслибы всякъ изъ тѣхъ, которые будутъ собирать свѣдѣнія о бѣдныхъ, взялъ на себя трудъ изъясниться объ этомъ съ раздавателями суммъ лично, а не посредствомъ переписки: въ разговорахъ объясняются легко всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ. Всякъ можетъ усмотрѣть самъ, уже по роду самаго дѣла, къ кому изъ означенныхъ лицъ ему будетъ приличнѣй, ловче и лучше обратиться, принимая въ соображеніе и то, въ какомъ дѣлѣ особенно нужно сострадательное участіе женщины, а въ какомъ твердое, братски подкрѣпляющее слово мужа. Лучше, если для такихъ переговоровъ будетъ назначенъ разъ навсегда одинъ опредѣленный часъ, хотя, положимъ, отъ 11 до 12, который вообще для всѣхъ, для большинства людей, есть удобнѣйшій; если жъ кому онъ и не удобенъ, то все таки, пришедши въ этотъ часъ, можно получить освѣдомленіе о другомъ, удобнѣйшемъ.

Имена принявшихъ на себя раздачу вспомоществованія:

Въ Москвѣ:

Авдотья Петровна Елагина.
Катерина Александровна Свербѣева.
Вѣра Сергѣевна Аксакова.
Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.
Николай Филипповичъ Павловъ.
Петръ Васильевичъ Кирѣевскій.

Въ Петербургѣ:

Ольга Степановна Одоевская.
Графиня Анна Михайловна Вьельгорская.
Графиня Дашкова.
Аркадій Осиповичъ Россети.
Юрій Ѳ[illegible]оровичъ Самаринъ.
Владиміръ Алексѣевичъ Мухановъ.

VII.

Развязка „Ревизора“.

Дѣйствующія лица.

Первый комическій актеръ — Михайло Семеновичъ Щепкинъ.
Хорошенькая актриса.
Другой актеръ.
Ѳедоръ Ѳедорычъ, любитель театра.
Петръ Петровичъ, человѣкъ большого свѣта.
Семенъ Семенычъ, человѣкъ тоже немалаго свѣта, но въ своемъ родѣ.
Николай Николаичъ, литературный человѣкъ.
Актеры и актрисы.

Первый комическій актеръ.
(выходя на сцену).

Ну, теперь нечего скромничать. Могу сказать, въ этотъ разъ точно хорошо сыгралъ, и рукоплесканье публики досталось не даромъ. Если чувствуешь это самъ, если не стыдно передъ самимъ собой, то, значитъ, дѣло было сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

Входитъ толпа актеровъ и актрисъ.

Другой актеръ (съ вѣнкомъ въ рукѣ).

Михайло Семенычъ, это ужъ не публика, это мы подносимъ вамъ вѣнокъ. Публика раздаетъ вѣнки не всегда съ строгимъ разборомъ; достается отъ нея вѣнокъ и не за большія услуги; но если своя братья — товарищи, которые подчасъ и завистливы, и несправедливы, если своя братья — товарищи поднесутъ кому съ единодушнаго приговора вѣнокъ, то, значитъ, такой человѣкъ точно достоинъ вѣнка.

Первый комическій актеръ
(принимая вѣнокъ).

Товарищи, умѣю цѣнить этотъ вѣнокъ.

Другой актеръ.

Нѣтъ, не въ рукѣ держать; надѣньте-ка на голову!

Всѣ актеры и актрисы.

На голову вѣнокъ!

Хорошенькая актриса

(выступая впередъ, съ повелительнымъ жестомъ).

Михайло Семенычъ, вѣнокъ на голову!

Первый комическій актеръ.

Нѣтъ, товарищи, взять вѣнокъ отъ васъ — возьму, но надѣть на голову — не надѣну. Другое дѣло — принять вѣнокъ отъ публики, какъ обычное выраженье привѣтствія, которымъ она награждаетъ всякаго, кто удостоился ей понравиться; не надѣть такого вѣнка — значило бы показать пренебреженье къ ея вниманью. Но надѣть вѣнокъ посреди себѣ равныхъ товарищей, — господа, для этого нужно имѣть слишкомъ много самонадѣянной увѣренности въ себѣ.

Всѣ.

Вѣнокъ на голову!

Хорошенькая актриса.

На голову вѣнокъ, Михайло Семенычъ!

Другой актеръ.

Это наше дѣло; мы судьи, а не вы. Извольте-ка прежде надѣть его, а потомъ мы вамъ скажемъ, зачѣмъ васъ увѣнчали. Вотъ такъ! Теперь слушайте! За то вамъ вѣнокъ, что вотъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ вы посреди насъ, и нѣтъ изъ насъ никого, который былъ бы когда-либо вами обиженъ; за то, что вы всѣхъ насъ ревностнѣй дѣлали свое дѣло и симъ однимъ внушали охоту не уставать на своемъ поприщѣ, безъ чего врядъ ли у насъ достало бы силъ. Какая посторонняя сила можетъ такъ подтолкнуть, какъ подтолкнетъ товарищъ своимъ примѣромъ? За то, что вы не объ одномъ себѣ думали, не о томъ хлопотали, чтобы только самому сыграть хорошо свою роль, но чтобы и всякъ не оплошалъ въ своей ролѣ, и никому не отказывали въ совѣтѣ, никѣмъ не пренебрегали. За то, наконецъ, что такъ любили дѣло искусства, какъ никто изъ насъ никогда не любилъ его. — И вотъ вамъ за что подносимъ теперь всѣ до единаго вѣнокъ.

Первый комическій актеръ
(растроганный).

Нѣтъ, товарищи, не было такъ, но хотѣлось бы, чтобы было такъ.

Входятъ Ѳедоръ Ѳедорычъ, Семенъ Семенычъ, Петръ Петровичъ и Николай Николаичъ.

Ѳедоръ Ѳедорычъ
(бросившись обнимать перваго актера).

Михайло Семенычъ! Себя не помню, не знаю, что и сказать объ игрѣ вашей: вы никогда еще такъ не играли.

Петръ Петровичъ.

Не почтите словъ моихъ за лесть, Михайло Семеновичъ, но я долженъ признаться, не встрѣчалъ, — а могу сказать нехвастовски, былъ на всѣхъ первоклассныхъ театрахъ Европы, видѣлъ лучшихъ актеровъ, — не встрѣчалъ подобной игры, не примите моихъ словъ за лесть.

Семенъ Семенычъ.

Михайло Семенычъ!.. (въ безсиліи выразить словомъ, выражаетъ движеніемъ руки) вы просто Асмодей!

Николай Николаичъ.

Въ такомъ совершенствѣ, въ такой окончательности, такъ сознательно и въ такомъ соображеньи всего исполнить роль свою — нѣтъ, это что то выше обыкновенной передачи. Это второе созданье, творчество!

Ѳедоръ Ѳедорычъ.

Вѣнецъ искусства — и больше ничего! Здѣсь то, наконецъ, узнаешь высокій смыслъ искусства. Ну, что есть привлекательнаго, напримѣръ, въ томъ лицѣ, которое вы сейчасъ представляли? Какъ можно доставить наслажденье зрителю въ кожѣ какого-нибудь плута? А вы его доставили. Я плакалъ; но плакалъ не отъ участья къ положенью лица, — плакалъ отъ наслажденія. Душѣ стало свѣтло и легко. Легко и свѣтло оттого, что выставили всѣ оттѣнки плутовской души, что дали ясно увидѣть, что такое плутъ.

Петръ Петровичъ.

Позвольте однакожъ, оставивши въ сторонѣ мастерскую обстановку піесы, подобной которой, признаюсь, не встрѣчалъ, — а могу сказать нехвастовски, былъ на лучшихъ театрахъ, — ужъ не знаю, кому обязанъ

авторъ: вамъ ли, господа, или начальству нашихъ театровъ, — вѣроятно, тому и другому вмѣстѣ; но подобная обстановка вынесетъ хоть какую піесу (не примите моихъ словъ за лесть, господа!) — позвольте однакожъ, оставивши все это въ сторонѣ, сдѣлать мнѣ замѣчанье насчетъ самой пьесы, то самое замѣчанье, которое сдѣлалъ я назадъ тому десять лѣтъ, во время ея перваго представленія: не вижу я въ „Ревизорѣ“, даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ данъ теперь, никакой существенной пользы для общества, чтобы можно было сказать, что эта піеса нужна обществу.

Семенъ Семенычъ.

Я даже вижу вредъ. Въ піесѣ выставлено намъ униженье наше; не вижу я любви къ отечеству въ томъ, кто писалъ ее. И притомъ, какое неуваженіе, какая даже дерзость ... Я ужъ этого даже не понимаю, какъ смѣть сказать въ глаза всѣмъ: „Что смѣетесь? — Надъ собой смѣетесь!“

Ѳедоръ Ѳедорычъ.

Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, ты позабылъ: вѣдь это не авторъ говоритъ, вѣдь это говоритъ городничій; это говоритъ разсердившійся, раздосадованный плутъ, которому, разумѣется, досадно, что надъ нимъ смѣются.

Петръ Петровичъ.

Позвольте, Ѳедоръ Ѳедорычъ, позвольте вамъ однакожъ замѣтить, что слова эти точно произвели странное дѣйствіе, и, вѣроятно, не одному изъ сидѣвшихъ въ театрѣ показалось, что авторъ къ нему самому обращаетъ эти слова: „надъ собой смѣетесь!“ Говорю это... вы не принимайте моихъ словъ, господа, за какое-нибудь личное нерасположеніе къ автору, или предубѣжденіе, или ... словомъ не то, чтобы я имѣлъ противъ него что-нибудь, понимаете; но говорю вамъ мое собственное ощущеніе: мнѣ показалось, точно какъ бы въ эту минуту стоитъ передо мною человѣкъ, который смѣется надъ всѣмъ, что ни есть у насъ: надъ нравами, надъ обычаями, надъ порядками и, заставивши насъ же посмѣяться надъ всѣмъ этимъ, намъ же говоритъ въ глаза: „вы надъ собой смѣетесь!“

Первый актеръ.

Позвольте здѣсь мнѣ сказать слово. Вышло это само собой. Въ монологѣ, обращенномъ къ самому себѣ, актеръ обыкновенно обращается къ сторонѣ зрителей. Хотя городничій былъ въ безпамятствѣ и почти въ

бреду, но не могъ не замѣтить усмѣшки, которую возбудилъ онъ смѣшными своими угрозами всѣхъ обманувшему Хлестакову, который въ это время во весь духъ несется себѣ на почтовыхъ, Богъ вѣсть, въ какихъ краяхъ. Дать именно тотъ смыслъ, о которомъ вы говорите, у автора не было никакого намѣренья: я это вамъ говорю потому, что знаю небольшую тайну этой піесы. Но позвольте мнѣ съ моей стороны сдѣлать запросъ: ну, что еслибы у сочинителя была цѣль показать зрителю, что онъ надъ собой смѣется?

Семенъ Семенычъ.

Благодарю за комплиментъ! Я по крайней мѣрѣ не нахожу въ себѣ ничего общаго съ выведенными въ „Ревизорѣ“ людьми. Извините! Не хвастаюсь, что я не безъ пороковъ, такъ же, какъ и всѣ люди, но все же я не похожъ на нихъ. Это ужъ слишкомъ! Въ эпиграфѣ выставлено: „На зеркало нечего пенять, если рожа крива!“ Петръ Петровичъ, я спрашиваю у васъ: развѣ у меня рожа крива? Ѳедоръ Ѳедорычъ, я спрашиваю у тебя: развѣ у меня рожа крива? Николай Николаичъ, у тебя я спрашиваю: у меня рожа крива? (Обращаясь ко всѣмъ другимъ.) Господа, я у васъ всѣхъ спрашиваю, скажите мнѣ: развѣ у меня рожа крива?

Ѳедоръ Ѳедорычъ.

Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, странный и ты опять вопросъ задалъ. Вѣдь ты же опять и не красавецъ, какъ и мы всѣ грѣшные. Нельзя же сказать ужъ такъ напрямикъ, чтобы твое лицо было образецъ образцомъ. Какъ ни разсмотри, немножко косовато: ну, а что косо, то ужъ и криво.

Петръ Петровичъ.

Господа, вы вдались совершенно въ другой вопросъ. Это лежитъ на совѣсти всякаго человѣка; намъ смѣшно и трактовать о томъ, у кого лицо криво, а у кого нѣтъ. Но вотъ въ чемъ главное дѣло, позвольте мнѣ вновь возвратиться къ тому же: не вижу я большого разума въ комедіи, не вижу цѣли, по крайней мѣрѣ, въ самомъ сочиненіи это не обнаруживается.

Николай Николаичъ.

Но какой же вы хотите еще цѣли, Петръ Петровичъ? Искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль. Стремленье къ прекрасному и высокому — вотъ искусство. Это непремѣнный законъ искусства; безъ этого искусство — не искусство. А потому ни въ

какомъ случаѣ не можетъ оно быть безнравственно. Оно стремится непремѣнно къ добру, положительно или отрицательно: выставляетъ ли намъ красоту всего лучшаго, что ни есть въ человѣкѣ, или же смѣется надъ безобразіемъ всего худшаго въ человѣкѣ. Если выставишь всю дрянь, какая ни есть въ человѣкѣ, и выставишь ее такимъ образомъ, что всякій изъ зрителей получитъ къ ней полное отвращеніе, спрашиваю: развѣ это не похвала всему хорошему? спрашиваю: развѣ это не похвала добру?

Петръ Петровичъ.

Безспорно, Николай Николаичъ; но позвольте однакоже вамъ ...

Николай Николаичъ (не слушая).

Не то дурно, что намъ показываютъ въ дурномъ дурное, и видишь, что оно дурно во всѣхъ отношеніяхъ; но то дурно, если намъ выставляютъ его такъ, что не знаешь, злое ли оно, или нѣтъ; то дурно, когда дѣлаютъ привлекательнымъ для зрителя злое; то дурно, что мѣшаютъ его въ такой степени съ добромъ, что не знаешь, къ которой сторонѣ пристать; то дурно, что доброе показываютъ намъ такимъ образомъ, что въ добрѣ не видишь добра.

Первый комическій актеръ.

Клянусь, истинная правда, Николай Николаичъ! Вы сказали то, въ чемъ я всегда былъ убѣжденъ, но не умѣлъ только такъ хорошо высказать. То дурно, что въ добрѣ не видишь добра. А этотъ грѣхъ водится за всѣми модными драмами, которыми должны мы тѣшить публику. Зритель выходитъ изъ театра и самъ не знаетъ рѣшить, что такое онъ видѣлъ: злой ли человѣкъ, или добрый былъ передъ нимъ. Къ добру не влечетъ его, отъ зла не отталкиваетъ, и остается онъ точно какъ во снѣ, не извлекши изъ того, что видѣлъ, никакого для себя правила, къ чему-нибудь пригоднаго въ жизни, сбившись даже и съ той дороги, по которой шелъ, готовый пойти за первымъ, кто поведетъ, не спрашивая, куда и зачѣмъ.

Ѳедоръ Ѳедорычъ.

И прибавьте, Михайло Семенычъ, какая пытка для актера исполнять такую роль, если только онъ истинный артистъ въ душѣ.

Первый актеръ

Не говорите этого: ваши слова мѣтятъ въ самое

сердце. Не можете постигнуть, какъ подчасъ бываетъ горько. Учишь, разучиваешь эту роль, и не знаешь самъ, какое ей дать выраженье. Иногда забудешься, войдешь въ положенье лица, одушевишься, потрясешь зрителя, а когда вспомнишь, чѣмъ ты его потрясъ — противенъ станешь самому себѣ: хотѣлъ бы просто провалиться сквозь землю, и отъ рукоплесканій горишь, какъ отъ собственнаго стыда. Я и рѣшить не знаю, что хуже: выставлять ли преступленья такимъ образомъ, чтобы зритель готовъ былъ съ ними примириться, или не выставлять подвиги добра въ такомъ видѣ, что зритель не закипитъ весь желаньемъ съ нимъ подружиться? То и другое по мнѣ — гниль, а не искусство. Глубоко сказалъ Николай Николаичъ: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

Другой актеръ.

Справедливо, справедливо: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

Петръ Петровичъ.

Противу этого я не могу сказать рѣшительно никакого возраженія. Николай Николаичъ сказалъ глубоко; Михайло Семенычъ развилъ еще больше. Но все это не отвѣтъ на мой вопросъ. То, что вы сейчасъ сказали, то есть, чтобы хорошее выставлено было дѣйствительно съ силой магической, увлекающей не только человѣка хорошаго, но даже и дурного, а дурное было выражено въ такомъ презрительномъ видѣ, чтобы зритель не только не почувствовалъ желанья примириться съ выведенными лицами, но, напротивъ, желанье поскорѣй ихъ оттолкнуть отъ себя, — все это, Николай Николаичъ, должно быть непремѣннымъ условіемъ всякаго сочиненія. Это даже и не цѣль. Всякое сочиненіе должно имѣть сверхъ этого всего свое собственное, личное выраженье, Николай Николаичъ, иначе пропадетъ его оригинальность, Николай Николаичъ, — понимаете ли вы это? Поэтому то я не вижу въ „Ревизорѣ“ того большого значенья, которое придаютъ ему другіе. Надобно, чтобы было ощутительно ясно, зачѣмъ предпринято такое то сочиненіе, на что именно бьетъ оно, къ чему клонится, что новаго хочетъ доказать собой. Вотъ, что, Николай Николаичъ, а не то, что вы говорите вообще объ искусствѣ.

Николай Николаичъ.

Петръ Петровичъ, да какъ же вы говорите, къ чему клонится ... вѣдь это ... вѣдь это видно.

Петръ Петровичъ.

Николай Николаичъ, это не видно. Не вижу я никакой особенной цѣли этой комедіи, обнаруженной ясно въ самомъ сочиненіи; или, можетъ быть, авторъ съ какимъ-нибудь умысломъ скрылъ ее. Въ такомъ случаѣ это выйдетъ уже преступленье предъ искусствомъ, Николай Николаичъ, что вы себѣ ни говорите. Разберемъ-те-ка сурьезно эту комедію: вѣдь „Ревизоръ“ совсѣмъ не производитъ того впечатлѣнья, чтобъ зритель послѣ него освѣжился; напротивъ, вы, я думаю, сами знаете, что одни почувствовали безплодное раздраженье, другіе даже озлобленье, а вообще всякъ унесъ какое то тягостное чувство. Несмотря на все удовольствіе, которое возбуждаютъ ловко найденныя сцены, на комическое даже положенье многихъ лицъ, на мастерскую даже обработку нѣкоторыхъ характеровъ, въ итогѣ остается что то эдакое ... я вамъ даже объяснить не могу, — что то чудовищно мрачное, какой то страхъ отъ безпорядковъ нашихъ. Самое это появленье жандарма, который, точно какой то палачъ, является въ дверяхъ, это окаменѣнье, которое наводятъ на всѣхъ его слова, возвѣщающія о пріѣздѣ настоящаго ревизора, который долженъ всѣхъ ихъ истребить, стереть съ лица земли, уничтожить въ конецъ — все это какъ то необыкновенно страшно! Признаюсь вамъ достовѣрно, à la lettre [1], на меня ни одна трагедія не производила такого печальнаго, такого тягостнаго, такого безотраднаго чувства, такъ что я готовъ подозрѣвать даже, не было ли у автора какого-нибудь особеннаго намѣренія произвести такого дѣйствія послѣдней сценой своей комедіи. Не можетъ быть, чтобъ это вышло такъ, само собой

Первый комическій актеръ.

А вотъ, наконецъ, догадались сдѣлать этотъ запросъ. Десять лѣтъ играется на сценахъ „Ревизоръ“. Всѣ, болѣе или менѣе, нападали на тягостное впечатлѣніе, имъ производимое, а никто не далъ запроса: зачѣмъ было производить его? — точно какъ будто бы авторъ долженъ былъ писать свою комедію, очертя голову и не зная самъ, къ чему она и что выйдетъ изъ нея. Дайте же ему хотя каплю ума, въ которомъ вы не отказываете ни одному человѣку. Вѣдь, вѣрно же, есть причина всякому поступку, даже и въ глупомъ человѣкѣ.

(Всѣ смотрятъ на него съ изумленіемъ.)

---

[1] Буквально.

Петръ Петровичъ.

Михайло Семенычъ, объяснитесь: это что то неясно.

Семенъ Семенычъ.

Это пахнетъ какою то загадкой.

Первый комическій актеръ.

Да какъ же, въ самомъ дѣлѣ, вы не замѣтили, что „Ревизоръ“ безъ конца?

Николай Николаичъ.

Какъ безъ конца?

Семенъ Семенычъ.

Да какой же еще конецъ? Пять дѣйствій; въ шести комедія не бываетъ. — Развѣ новая побранка въ придачу?

Петръ Петровичъ.

Позвольте, однакожъ, замѣтить вамъ, Михайло Семенычъ, что же за піеса, которая безъ конца? я спрашиваю васъ. Неужели и это въ законѣ искусства? Николай Николаичъ! Вѣдь это, по-моему, значитъ принести, поставить передъ всѣми запертую шкатулку и спрашивать, что въ ней лежитъ?

Первый комическій актеръ.

Ну, да если она поставлена передъ вами съ тѣмъ именно, чтобы потрудились сами отпереть?

Петръ Петровичъ.

Въ такомъ случаѣ нужно, по крайней мѣрѣ, сказать это, или же просто дать ключъ въ руки.

Первый комическій актеръ.

Ну, а если и ключъ лежитъ тутъ же возлѣ шкатулки?

Николай Николаичъ.

Перестаньте говорить загадками! Вы что-нибудь знаете. Вѣрно, вамъ авторъ далъ въ руки этотъ ключъ, а вы держите его и секретничаете.

Ѳедоръ Ѳедорычъ.

Объявите, Михайло Семенычъ; я не въ шутку заинтересованъ знать, что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ здѣсь крыться! На мои глаза, я не вижу ничего.

Семенъ Семенычъ.

Дайте же открыть намъ эту загадочную шка

тулку. Что это за странная такая шкатулка, которая, неизвѣстно зачѣмъ, намъ поднесена, неизвѣстно зачѣмъ, передъ нами поставлена и, неизвѣстно зачѣмъ, отъ насъ заперта?

Первый комическій актеръ.

Ну, а что жъ, если она откроется такъ, что станете удивляться, какъ не открыли сами? и если въ шкатулкѣ лежитъ вещь, которая для однихъ, что старый грошъ, вышедшій изъ употребленья, а для другихъ, что свѣтлый червонецъ, который въ цѣнѣ, какъ ни мѣняется на немъ штемпель?

Николай Николаичъ.

Да полно вамъ съ вашими загадками! Намъ подавайте ключъ и ничего больше!

Семенъ Семенычъ.

Ключъ, Михайло Семенычъ!

Ѳедоръ Ѳедорычъ.

Ключъ!

Петръ Петровичъ.

Ключъ!

Всѣ актеры и актрисы.

Михайло Семеновичъ, ключъ!

Первый комическій актеръ.

Ключъ? Да примете ли вы, господа, этотъ ключъ? Можетъ быть, швырнете его прочь вмѣстѣ со шкатулкой?

Николай Николаичъ.

Ключъ! не хотимъ больше ничего слышать. Ключъ.

Всѣ.

Ключъ!

Первый комическій актеръ.

Извольте, я дамъ вамъ ключъ. Отъ комическаго актера вы, можетъ быть, не привыкли слышать такихъ словъ, но что жъ дѣлать? въ этотъ день сердце мое разогрѣлось, мнѣ стало легко, и я готовъ все сказать, что ни есть у меня на душѣ, какъ бы вы ни приняли слова мои. Нѣтъ, господа, не давалъ мнѣ авторъ ключа, но бываютъ такія минуты состоянья душевнаго, когда становится самому понятнымъ то, что прежде было непо-

нятно. Нашелъ я этотъ ключъ, и сердце мое говоритъ мнѣ, что онъ тотъ самый; отперлась передо мной шкатулка, и душа моя говоритъ мнѣ, что не могъ имѣть другой мысли самъ авторъ.

Всмотритесь-ка пристально въ этотъ городъ, который выведенъ въ піесѣ! Всѣ до единаго согласны, что этакого города нѣтъ во всей Россіи: не слыхано, чтобы гдѣ были у насъ чиновники всѣ до единаго такіе уроды; хоть два, хоть три бываетъ честныхъ, а здѣсь ни одного. Словомъ, такого города нѣтъ. Не такъ ли? Ну, а что, если это нашъ душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ? Нѣтъ, взглянемъ на себя не глазами свѣтскаго человѣка, — вѣдь не свѣтскій человѣкъ произнесетъ надъ нами судъ, — взглянемъ хоть сколько-нибудь на себя глазами Того, Кто позоветъ на очную ставку всѣхъ людей, передъ Которымъ и наилучшіе изъ насъ, не позабудьте этого, потупятъ отъ стыда въ землю глаза свои, да и посмотримъ, достанетъ ли у кого-нибудь изъ насъ тогда духу спросить: „Да развѣ у меня рожа крива?“ Чтобы не испугался онъ такъ собственной кривизны своей, какъ не испугался кривизны всѣхъ этихъ чиновниковъ, которыхъ только что видѣлъ въ піесѣ! Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семенъ Семенычъ, не говорите: „это старыя рѣчи“, или: „это ужъ мы сами знаемъ!“ Дайте жъ, наконецъ, ужъ и мнѣ сказать слово. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, какъ будто я живу только для скоморошничества? Тѣ вещи, которыя намъ даны съ тѣмъ, чтобы помнить ихъ вѣчно, не должны быть старыми: ихъ нужно принимать, какъ новость, какъ бы въ первый разъ только ихъ слышимъ, кто бы ихъ ни произносилъ намъ, — тутъ нечего глядѣть на лицо того, кто говоритъ ихъ. Нѣтъ, Семенъ Семенычъ, не о красотѣ нашей должна быть рѣчь, но о томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедію, да не кончилась бы такой трагедіей, какою не кончилась эта комедія, которую только что сыграли мы. Что ни говори, но страшенъ тотъ ревизоръ, который ждетъ насъ у дверей гроба. Будто не знаете, кто это ревизоръ? Что прикидываться? Ревизоръ этотъ наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Передъ этимъ ревизоромъ ничто не укроется, потому что, по Именному Высшему повелѣнью, онъ посланъ, и возвѣстится о немъ тогда, когда уже и шагу нельзя будетъ сдѣлать назадъ. Вдругъ откроется передъ тобою, въ тебѣ же откроется такое страшилище, что отъ ужаса подымется волосъ. Лучше жъ сдѣлать

ревизовку всему, что ни есть въ насъ, въ началѣ жизни, а не въ концѣ ея — на мѣсто пустыхъ разглагольствованій о себѣ и похвальбы собой, да побывать теперь же въ безобразномъ душевномъ нашемъ городѣ, который въ нѣсколько разъ хуже всякаго другого города, — въ которомъ безчинствуютъ наши страсти, какъ безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей! Въ началѣ жизни взять ревизора и съ нимъ объ руку переглядѣть все, что ни есть въ насъ, — настоящаго ревизора, не подложнаго, не Хлестакова! Хлестаковъ — щелкоперъ, Хлестаковъ — вѣтреная свѣтская совѣсть, продажная, обманчивая совѣсть; Хлестакова подкупятъ какъ разъ наши же, обитающія въ душѣ нашей, страсти. Съ Хлестаковымъ подъ руку ничего не увидишь въ душевномъ городѣ нашемъ. Смотрите, какъ всякій чиновникъ съ нимъ въ разговорѣ вывернулся ловко и оправдался, — вышелъ чуть не святой. Думаете, не хитрѣй всякаго плута-чиновника каждая страсть наша? И не только страсть, даже самая пустая, пошлая какая-нибудь привычка. Такъ ловко передъ нами вывернется и оправдается, что еще почтешь ее за добродѣтель, и даже похвастаешься передъ своимъ братомъ и скажешь ему: „Смотри, какой у меня чудесный городъ, какъ въ немъ все прибрано и чисто!“ Лицемѣры — наши страсти, говорю вамъ, лицемѣры, потому что самъ имѣлъ съ ними дѣло. Нѣтъ, съ вѣтреной свѣтской совѣстью ничего не разглядишь въ себѣ: и ее самое онѣ надуютъ, и она надуетъ ихъ, какъ Хлестаковъ чиновниковъ, и потомъ пропадетъ сама, такъ что и слѣда ея не найдешь. Останешься, какъ дуракъ-городничій, который занесся уже было нивѣсть куда — и въ генералы полѣзъ, и навѣрняка сталъ возвѣщать, что сдѣлается первымъ въ столицѣ, и другимъ сталъ обѣщать мѣста, и потомъ вдругъ увидѣлъ, что былъ кругомъ обманутъ и одураченъ мальчишкою, верхоглядомъ, вертопрахомъ, въ которомъ и подобья не было съ настоящимъ ревизоромъ. Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семенъ Семенычъ, нѣтъ, господа, всѣ, кто ни держитесь такого же мнѣнья, бросьте вашу свѣтскую совѣсть! Не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ ревизоромъ оглянемъ себя! Клянусь, душевный городъ нашъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ добрый государь о своемъ государствѣ. Благородно и строго, какъ онъ изгоняетъ изъ земли своей лихоимцевъ, изгонимъ нашихъ душевныхъ лихоимцевъ! Есть средство, есть бичъ, которымъ можно выгнать ихъ. Смѣхомъ, мои благородные соотечественники! Смѣхомъ, котораго такъ боятся всѣ низкія наши страсти! Смѣхомъ, который созданъ на то, чтобы

смѣяться надъ всѣмъ, что позоритъ истинную красоту человѣка. Возвратимъ смѣху его настоящее значенье! Отнимемъ его у тѣхъ, которые обратили его въ легкомысленное свѣтское кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурного! Такимъ же точно образомъ, какъ посмѣялись надъ мерзостью въ другомъ человѣкѣ, посмѣемся великодушно надъ мерзостью собственной, какую въ себѣ ни отыщемъ! Не одну эту комедію, но все,что бы ни показалось изъ-подъ пера какого бы то ни было писателя, смѣющагося надъ порочнымъ и низкимъ, примемъ прямо на свой собственный счетъ, какъ бы оно именно было на насъ лично написано: все отыщешь въ себѣ, если только опустишься въ свою душу не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ и неподкупнымъ ревизоромъ. Не возмутимся духомъ, еслибы какой-нибудь разсердившійся городничій, или, справедливѣй, самъ нечистый духъ. шепнулъ его устами: „Что смѣетесь? надъ собой смѣетесь!“ Гордо ему скажемъ: „Да, надъ собой смѣемся, потому что слышимъ благородную русскую нашу породу, потому что слышимъ приказанье Высшее быть лучшими другихъ!“ Соотечественники! вѣдь у меня въ жилахъ тоже русская кровь, какъ и у васъ. Смотрите: я плачу! Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ, теперь я плачу. Дайте мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ, что я такъ же служу землѣ своей, какъ и всѣ вы служите, что не пустой я какой-нибудь скоморохъ, созданный для потѣхи пустыхъ людей, но честный чиновникъ великаго Божьяго государства и возбудилъ въ васъ смѣхъ, — не тотъ безпутный, которымъ пересмѣхаетъ въ свѣтѣ человѣкъ человѣка, который раждается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Дружно докажемъ всему свѣту, что въ русской землѣ все, что ни есть, отъ мала до велика, стремится служить Тому же, Кому все должно служить на землѣ, несется туда же (взглянувши наверхъ) кверху, къ Верховной вѣчной красотѣ!

VIII.

Дополненіе къ „Развязкѣ Ревизора“.

Семенъ Семеновичъ.

Что это, Михалъ Михалчъ, что вы говорите, какой душевный городъ?

Михалъ Михалчъ [1].

Мнѣ такъ показалось. Мнѣ показалось, что это мой же душевный городъ, что послѣдняя сцена представляетъ послѣднюю сцену жизни, когда совѣсть заставитъ взглянутъ вдругъ на самого себя во всѣ глаза и испугаться самого себя. Мнѣ показалось, что этотъ настоящій Ревизоръ, о которомъ одно возвѣщенье въ концѣ комедіи наводитъ такой ужасъ, есть та настоящая наша совѣсть, которая встрѣчаетъ насъ у дверей гроба. Мнѣ показалось, что это вѣтреникъ Хлестаковъ, плутъ, или какъ хотите назвать, есть та поддѣльная вѣтреная свѣтская наша совѣсть, которая, воспользовавшись страхомъ нашимъ, принимаетъ вдругъ личину настоящей и даетъ себя подкупить страстямъ нашимъ, какъ Хлестаковъ — чиновникамъ, и потомъ пропадаетъ, такъ же какъ онъ, неизвѣстно куда. Мнѣ показалось, что это безотрадно-печальное окончанье, отъ котораго такъ возмутился и потрясся зритель, предстало передъ меня въ напоминанье, что и жизнь, которую

---

[1] Ему приписывается дальше роль и развитіе идей Щепкина „Развязки Ревизора“. Гоголь хотѣлъ къ этому дополненію дать такое примѣчаніе, сглаживающее неловкость положенія героя - Щепкина: „Піеса подъ заглавіемъ „Заключенье Ревизора“ предназначалась въ послѣдній бенефисъ одному изъ лучшихъ актеровъ нашего театра. А потому не мѣшаетъ помнить, что первый комическій актеръ, который есть главное лицо въ этой комедіи, взятъ въ ту минуту, когда, прослуживши законное число лѣтъ, сходитъ онъ со сцены, прощаясь навсегда съ публикою, которую занималъ такъ долго, и съ товарищами, которымъ ужъ больше не товарищъ“.

привыкаемъ понемногу считать комедіей, можетъ имѣть такое же печально-трагическое окончаніе. Мнѣ показалось, какъ будто вся комедія совокупностью своею говоритъ мнѣ о томъ, что слѣдуетъ вначалѣ взять того Ревизора, который встрѣчаетъ насъ въ концѣ, и съ нимъ такъ же, какъ правосудный государь ревизуетъ свое государство, оглядѣть свою душу и вооружиться такъже противъ страстей, какъ вооружается государь противу продажныхъ чиновниковъ; потому что они такъ же крадутъ сокровища души нашей, какъ тѣ грабятъ казну и достоянье государства, — съ настоящимъ Ревизоромъ: потому что лицемѣрны наши страсти, и не только страсти, но даже малѣйшая пошлая привычка умѣетъ такъ искусно подъѣхать къ намъ и ловко передъ нами изворотиться, какъ не изворотились передъ Хлестаковымъ проныры-чиновники, такъ что готовъ даже принять ихъ за добродѣтели, готовъ даже похвастаться порядкомъ душевнаго своего города, не принимая и въ мысль того, что можешь остаться обманутымъ, какъ городничій. Мнѣ такъ показалось.

Петръ Петровичъ.

Михалъ Михалчъ! Все то, что вы говорите, краснорѣчиво; но гдѣ здѣсь вы нашли подобіе? Какое сходство Хлестакова съ вѣтреной свѣтской совѣстью или настоящаго Ревизора съ настоящею совѣстью? Николай Николаичъ! скажите мнѣ поистинѣ: находите вы здѣсь какое-нибудь сходство?

Николай Николаичъ.

Признаюсь, никакого.

Семенъ Семенычъ.

И я тоже; какъ ни таращу свои глаза, но ничего не вижу.

Ѳедоръ Ѳедорычъ.

Сознаюсь вамъ, Михалъ Михалчъ, откровенно;[1] несмотря на то, мысль недурна и могла бы послужить даже предметомъ сочиненья художественнаго; но я не думаю, чтобы авторъ ее имѣлъ въ виду.

Николай Николаичъ (рѣшительно).

Вздоръ! Онъ и въ помышленьи этого не имѣлъ!

Михалъ Михалчъ.

Да развѣ я вамъ говорю, что авторъ имѣлъ ее въ

[1] И я не вижу ничего?

виду? Я вамъ впередъ сказалъ: „Авторъ не далъ мнѣ ключа, я вамъ предлагаю свой“. Авторъ, еслибы даже и имѣлъ эту мысль, то и въ такомъ случаѣ поступилъ бы дурно, еслибы ее обнаружилъ ясно. Комедія тогда бы сбилась на аллегорію, могла бы изъ нея выйти какая-нибудь блѣдная, нравоучительная проповѣдь. Нѣтъ, его дѣло было изобразить просто ужасъ отъ безпорядковъ вещественныхъ не въ идеальномъ городѣ, а въ томъ, который на землѣ, — собрать въ кучку все, что есть похуже въ нашей землѣ, чтобы его поскорѣй увидали и не считали бы этого за то необходимое зло, которое слѣдуетъ допустить и которое такъ же необходимо среди добра, какъ тѣни въ картинѣ. Его дѣло изобразить это темное такъ сильно, чтобы почувствовали всѣ, что съ нимъ надобно сражаться, чтобы кинуло въ трепетъ зрителя, и ужасъ отъ безпорядковъ пронялъ бы его насквозь всего. Вотъ, что онъ долженъ былъ сдѣлать. А это ужъ наше дѣло выводить нравоученье. Мы, слава Богу, не дѣти. Я подумалъ о томъ, какое нравоученье могу вывести для самого себя, и напалъ на то, которое вамъ теперь разсказалъ.

Петръ Петровичъ.

Михалъ Михалчъ! Комедія пишется для всѣхъ. Изъ нея должны вывести нравоученье всѣ, — нравоученье ближайшее, доступное всѣмъ, а не то отдаленное, которое можетъ вывести для себя какой-нибудь оригинальный, не похожій на прочихъ человѣкъ. Спрашиваю: зачѣмъ этого нравоученія никто не вывелъ, а только одни вы?

Николай Николаичъ (поспѣшно).

Именно! вотъ настоящій вопросъ! Разрѣшите-ка прежде это: зачѣмъ одни вы это вывели, а не всѣ?

Семенъ Семенычъ.

Да, Михалъ Михалчъ, зачѣмъ одни вы это вывели? Зачѣмъ одни вы это вывели?

Михалъ Михалчъ.

Во-первыхъ, почему вы знаете, что это нравоученье вывелъ одинъ я? А, во-вторыхъ, почему вы считаете его отдаленнымъ? Я думаю, напротивъ, ближе всего къ намъ собственная наша душа. Я имѣлъ тогда въ умѣ душу свою, думалъ о себѣ самомъ, потому и вывелъ это нравоученье. Еслибы и другіе имѣли въ виду прежде себя, вѣроятно, и они вывели бы то же самое нравоученье, какое вывелъ и я. — Но развѣ всякъ изъ насъ

приступаетъ къ произведенью писателя, какъ пчела къ цвѣтку? — затѣмъ, чтобъ извлечь изъ него нужное себѣ. Нѣтъ, мы ищемъ во всемъ нравоученья для другихъ, а не для себя. Мы готовы ратовать и защищать все общество, дорожа заботливо нравственностью другихъ и позабывши о своей. Вѣдь посмѣяться мы любимъ надъ другими, а не надъ собою; увидѣть недостатки вѣдь мы любимъ въ другихъ, а не въ себѣ. Какъ бы то ни было, но взгляните: три тысячи вѣдь людей пришло въ театръ; всѣ знаютъ, что пришли затѣмъ, чтобы посмѣяться, и всякой изъ этихъ трехъ тысячъ увѣренъ, что придется надъ другимъ посмѣяться, а не надъ нимъ. Малѣйшій намекъ, что онъ можетъ быть похожъ самъ на того, надъ кѣмъ посмѣялся, можетъ привести его въ гнѣвъ, и онъ готовъ уже въ бѣшенствѣ повторять: „да развѣ у меня рожа крива?“

Семенъ Семенычъ.

Михалъ Михалчъ, я говорю не въ томъ смыслѣ.

Михалъ Михалчъ (прерывая).

Позвольте, Семенъ Семенычъ! Вы человѣкъ благородный, человѣкъ истинно-русскій въ душѣ, человѣкъ, наконецъ, который глядитъ уже глазами христіанина на жизнь — зачѣмъ вы произносите рѣчи, противныя вашему собственному образу мыслей? Прежде всего, зачѣмъ вы всякій разъ позабываете, что предметъ комедіи и вообще сатиры не достоинство человѣка, а презрѣнное въ человѣкѣ; что чѣмъ больше она выставила презрѣнное презрѣннымъ, чѣмъ больше имъ возмутила и привела отъ него въ содроганье зрителя, тѣмъ больше она выполнила свое значеніе[1]. Зачѣмъ вы всякой разъ это позабываете и всякой разъ хотите сатирѣ навязать предметы, приличные трагедіи? Зачѣмъ не взглянете на произведенье писателя также глазами христіанина? Нѣтъ, кто хочетъ нравоученья, тотъ возьметъ то, что нужно, тотъ и въ этомъ вещественномъ городѣ увидитъ душевный свой городъ; тотъ увидитъ, что съ большей силой слѣдуетъ вооружиться противъ лицемѣрія. Нѣтъ, оставьте сатиру въ покоѣ: она дѣло свое дѣлаетъ. Дурного не слѣдуетъ щадить, гдѣ бы оно ни было. Но если хотите ужъ поступать христіански, обратите ту же сатиру на самого себя и примѣните всякую комедію [лично къ самому себѣ], прежде чѣмъ замѣчать отношенье ея къ цѣлому обществу. Ужъ ежели дѣйствовать по-христіански, такъ всякое сочиненье, гдѣ ни поражается дурное, слѣдуетъ

[1] Назначеніе?

лично обратить къ самому себѣ, какъ бы оно прямо на меня было написано. Вы сами знаете, что нѣтъ порока, замѣченнаго нами въ другомъ, котораго хотя отраженья не присутствовало бы и въ насъ самихъ — не въ такомъ объемѣ, въ другомъ видѣ, въ другомъ платьѣ, приличнѣй и поблагообразнѣй, принарядившись, какъ Хлестаковъ. Чего не отыщешь, если только заглянешь въ свою душу съ тѣмъ неподкупнымъ Ревизоромъ, который встрѣтитъ насъ у дверей гроба! Сами это знаемъ, а знать не хочемъ! Кипитъ душа страстями, говоримъ всякой день, а гнать не хотимъ. И бичъ въ рукахъ, данный на то, чтобы гнать ихъ.

Семенъ Семенычъ.

Да гдѣ жъ бичъ? Какой бичъ?

Михалъ Михалчъ.

А смѣхъ развѣ не бичъ? Или, думаете, даромъ намъ данъ смѣхъ, когда его боится и послѣдній негодяй, котораго ничѣмъ не проймешь? боится даже и тотъ, кто ничего не боится! Значитъ, онъ данъ на доброе дѣло. Скажите: зачѣмъ намъ данъ смѣхъ, за тѣмъ ли, чтобы такъ, попусту смѣяться? Если онъ данъ намъ на то, чтобы поражать имъ все, позорящее высокую красоту человѣка, зачѣмъ же прежде всего не поразимъ мы то, что порочитъ красоту собственной души каждаго изъ насъ? Зачѣмъ не обратимъ его вовнутрь самихъ себя— изъ государства не изгоняемъ собственныхъ нашихъ взяточниковъ? Зачѣмъ одинъ намекъ о томъ, что вы надъ собой смѣетесь, можетъ привести во гнѣвъ? Какъ бы то ни было, но всякая страсть, всякая низкая наклонность наша все-таки хочетъ сыграть сколько-нибудь благородную роль, принять благородную наружность и только подъ этой личиной пробирается намъ въ душу, потому что благородна наша природа и не допуститъ ее къ себѣ въ безстыдной наготѣ. Но, повѣрьте, когда выставишь передъ самимъ собой ее на смѣхъ и, не пощадя ничего, поразишь такъ, что отъ стыда весь сгоришь, не зная, куда скрыть собственное лицо свое, — тогда эта страсть не посмѣетъ остаться въ душѣ нашей и убѣжитъ, такъ что и слѣда ея не отыщешь.

Семенъ Семенычъ.

Признаюсь, ваши слова заставили меня задуматься. Вы думаете, возможенъ этотъ поворотъ смѣха на самого себя, противъ собственнаго [лица]?

Петръ Петровичъ.

Я думаю только, что это возможно для человѣка, который почувствовалъ благородство природы и омерзѣніе къ своимъ недостаткамъ.

Михалъ Михалчъ.

Я думаю только, что если онъ сверхъ [того] и русскій въ душѣ, тогда ему возможнѣй. Согласитесь: смѣхъ у насъ есть у всѣхъ; свойство какого то безпощаднаго сарказма разнеслось у насъ даже у простого народа. Есть также у насъ отвага оторваться отъ самого себя и не пощадить даже самого себя. Стало быть, у насъ однихъ только можетъ быть возможенъ поворотъ смѣха на его законную дорогу. Опровергните меня, докажите мнѣ, что я лгу; уничтожьте, разрушьте убѣжденье мое, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушьте уже и меня, бѣднаго скомороха, который живетъ этимъ убѣжденьемъ, которое испробовалъ на собственномъ своемъ тѣлѣ. Семенъ Семенычъ, развѣ у меня не такая же русская кровь, какъ и у васъ? Развѣ я могу почувствовать въ мои высшія минуты иное что, какъ не то же, что способны почувствовать и вы въ такія? Развѣ я не стою теперь передъ вами въ мою высшую минуту? Служба моя кончилась; я схожу съ театра, на которомъ служилъ 20 лѣтъ. Вы сами меня увѣнчали вѣнками, сами меня растрогали. Вы сами меня почти вынудили сказать то, что я теперь сказалъ. Смотрите: я плачу. Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ — теперь я плачу. Дайте же мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ; что я также служилъ землѣ своей, что не пустой я былъ скоморохъ, но честный чиновникъ великаго Божьяго Государства, и возбудилъ въ васъ не тотъ пустой смѣхъ, которымъ пересмѣхаетъ человѣкъ человѣка, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Николай Николаичъ! Ѳедоръ Ѳедорычъ! Семенъ Семенычъ и вы всѣ товарищи, съ которыми дѣлилъ я время труда, время наставительныхъ бесѣдъ, отъ которыхъ я многому поучился и съ которыми разстаюсь теперь! Друзья! публика любила талантъ мой, но вы любили меня самого. Отнимите, отнимите послѣ меня этотъ смѣхъ, — отнимите у тѣхъ, которые обратили его въ кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурного! Говорю вамъ: вѣрьте этимъ словамъ . . . Онъ добръ, онъ честенъ, этотъ смѣхъ. Онъ данъ именно на то, чтобы умѣть посмѣяться надъ собой, а не надъ другимъ. И въ комъ уже нѣтъ духа посмѣяться надъ собственными недостатками своими, лучше тому вѣкъ не смѣяться!.. Иначе смѣхъ обратится въ клевету и, какъ за преступленье, дастъ онъ за него отвѣтъ!..

IX.

Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“.

1.

(Начальныя страницы, переписанныя самимъ Гоголемъ набѣло.)

Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть преувеличеннаго или тривіальнаго даже въ послѣднихъ роляхъ. Напротивъ, нужно особенно стараться актеру быть скромнѣй, проще и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется. Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе обнаружится смѣшное взятой имъ роли. Смѣшное обнаружится само собою именно въ той сурьезности, съ какою занято своимъ дѣломъ каждое изъ лицъ, выводимыхъ въ комедіи. Всѣ они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своимъ дѣломъ, какъ бы важнѣйшею задачею своей жизни. Зрителю только со стороны виденъ пустякъ ихъ заботы. Но они сами совсѣмъ не шутятъ и уже никакъ не думаютъ о томъ, что надъ ними кто-нибудь смѣется. Умный актеръ, прежде чѣмъ схватитъ мелкія причуды и мелкія особенности внѣшнія доставшагося ему лица, долженъ стараться поймать общечеловѣческое выраженіе роли . . . долженъ разсмотрѣть, зачѣмъ призвана эта роль; долженъ разсмотрѣть главную и преимущественную заботу каждаго лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляетъ постоянный предметъ мыслей, вѣчный гвоздь, сидящій въ головѣ. — Поймавши эту главную заботу выведеннаго лица, актеръ долженъ въ такой силѣ исполниться ею самъ, (чтобы) мысли и стремленія взятаго имъ лица какъ бы усвоились ему самому и

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

пребывали бы въ головѣ его неотлучно во все время представленія пьесы. О частныхъ сценахъ и мелочахъ онъ не долженъ много заботиться: онѣ выйдутъ сами собою удачно и ловко, если только онъ не выброситъ ни на минуту изъ головы этого гвоздя, который засѣлъ въ голову его героя. Всѣ эти частности и разныя мелкія принадлежности, — которыми такъ счастливо умѣетъ пользоваться даже и такой актеръ, который умѣетъ дразнить и схватывать походку и движенье, но не создавать цѣликомъ роли, — суть не болѣе, какъ краски, которыя нужно класть уже тогда, когда рисунокъ сочиненъ и сдѣланъ вѣрно. Они — платье и тѣло роли, а не душа ея. Итакъ, прежде слѣдуетъ схватить именно эту душу роли, а не платье ея.

Одна изъ главныхъ ролей есть Городничій. Человѣкъ этотъ болѣе всего озабоченъ тѣмъ, чтобы не пропускать того, что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или же осмотрѣться получше на себя. Изъ-за этой заботы онъ сталъ притѣснителемъ и очерствѣлъ непримѣтно для самого себя, потому что злобнаго желанья притѣснять въ немъ нѣтъ; есть только (просто) желанье прибирать все, что ни видятъ глаза. Просто онъ позабылъ, что это въ тягость другому, и что отъ этого трещитъ у иного спина. Онъ вдругъ простилъ купцовъ, замышлявшихъ погубить его, когда тѣ предложили заманчивое предложеніе, потому что эти заманчивыя блага жизни обуяли имъ и сдѣлали то, что въ немъ очерствѣло и огрубѣло чутье слышать положенье и страданье другого. Онъ чувствуетъ, что грѣшенъ; онъ ходитъ въ церковь; онъ думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ. Онъ даже помышляетъ когда-нибудь потомъ покаяться. Но великъ соблазнъ всего того, что плыветъ въ руки, и, заманчивы блага жизни, и (велика набившаяся привычка хватать все, не пропуская ничего).

Русской человѣкъ — который не то, чтобы былъ извергъ, но въ которомъ извратилось понятье правды, который сталъ весь ложь, уже даже и самъ того не замѣчая. Поэтому онъ и резонерствуетъ, степененъ и даже важенъ и даже не безъ одушевленья скажетъ иное слово. Можетъ быть, онъ даже одинъ изъ тѣхъ людей, который, еслибы увидѣлъ, что всѣ вокругъ его стали честны, что честность — этого требов...

2.

(Полный черновой текстъ.)

Больше всего надобно опасаться впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть карикатурнаго. Чѣмъ

больше простоты въ игрѣ, тѣмъ... Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе самое лицо выйдетъ смѣшнымъ. Въ сурьезности всѣхъ лицъ, съ какой каждое изъ нихъ занято само, своимъ, сдѣлается... Прежде чѣмъ схватить причуды и мелкія внѣшнія особенности всякаго лица, актеръ долженъ поймать общечеловѣческое выраженіе роли. (Прежде самаго характера лица) нужно разсмотрѣть призваніе, зачѣмъ оно призвано, въ чемъ состоитъ (sic!) заботы и хлопоты всякаго лица, на которые издерживается, около чего именно ворочается его жизнь, къ чему и куда стремятся постоянно всѣ его мысли и стремленія. Поймавши эту главную заботу выведеннаго лица, актеръ долженъ самъ наполниться этою заботою, усвоить себѣ всѣ мысли и стремленья такъ, чтобы они были въ его головѣ неотлучно во все время представленія; о частныхъ сценахъ онъ не долженъ даже и думать. Онѣ выльются сами собою хорошо, если только онъ будетъ занятъ сурьезно и жарко тѣмъ самымъ дѣломъ, которымъ, не шутя, занято выведенное лицо.

Одна изъ главныхъ ролей есть Городничій, человѣкъ, больше всего озабоченный тѣмъ, чтобы не пропускать, что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или осмотрѣться на себя. Изъ-за этой заботы онъ, можетъ быть, и самъ не чувствуя, какъ, сдѣлался притѣснителемъ, потому что злобнаго желанія притѣснять въ немъ нѣтъ. Въ немъ есть только желанье прибирать въ руки все, что ни видятъ глаза. Онъ позабылъ, что отъ этого трещитъ спина у ближняго. Временами онъ однакожъ чувствуетъ, что грѣшенъ, молится, ходитъ въ церковь, думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ и думаетъ даже когда-нибудь покаяться. Но великъ соблазнъ того, что плыветъ въ руки, и велика набившаяся привычка. Его поразилъ распространившійся слухъ о Ревизорѣ, еще болѣе поразило его то, что этотъ Ревизоръ — incognito, неизвѣстно, когда будетъ, съ которой стороны подступитъ. Онъ находится отъ начала до конца пьесы въ положеніяхъ свыше тѣхъ, въ которыхъ ему случалось бывать въ другіе дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя отъ страха къ надеждѣ и радости, взглядъ его нѣсколько распаленъ отъ того, и онъ сталъ податливѣе на обманъ, и его, котораго въ другое время не скоро можно бы было..., обмануть становится возможнымъ. Увидѣвши, что Ревизоръ въ его рукахъ не страшенъ и даже съ нимъ вступилъ въ родню, онъ предается буйной радости при одной мысли о томъ, какъ понесется отнынѣ его жизнь среди пированій,

попоекъ, какъ будетъ онъ раздавать мѣста, требовать на станціяхъ лошадей и заставлять ждать въ передникъ городничихъ, важничать, задавать тонъ. Поэтому то внезапное объявленіе о пріѣздѣ настоящаго Ревизора для него больше, чѣмъ для всѣхъ другихъ, громовый ударъ, и положенье становится истинно трагическимъ.

Судья — человѣкъ меньше грѣшный во взяткахъ. Онъ даже не охотникъ творить неправду, но (велика) страсть ко псовой охотѣ... что жъ дѣлать! у всякаго человѣка есть какая-нибудь страсть.. Изъ-за нея (?) онъ надѣлаетъ множество разныхъ неправдъ, не подозрѣвая самъ того. Онъ занятъ собой и умомъ своимъ и единственно и безбожникъ только потому, что на этомъ поприщѣ просторъ ему выказать себя. Для него всякое событіе, даже и то, которое навело страхъ для другихъ, есть находка, потому что даетъ пищу его догадкамъ и соображеніямъ, которыми онъ доволенъ, какъ артистъ своимъ трудомъ. Это самоуслажденье должно выражаться на лицѣ актера. Онъ говоритъ и въ то же время смотритъ, какой эффектъ производятъ на другихъ его слова. Онъ ищетъ...

Земляника — человѣкъ толстый, но плутъ тонкой. Несмотря на необъятную толщину свою, онъ имѣетъ много увертливаго и льстиваго въ оборотахъ, поступкахъ. На вопросъ Хлестакова, какъ называлась съѣденная рыба, онъ подбѣгаетъ съ легкостью 22-лѣтняго франта, за тѣмъ, чтобы у самаго его носа сказать: „Лабарданъ-съ“. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, желая вывернуться сами, не находятъ другого средства, (какъ) чтобы топить другихъ, и потому торопливы на всякія каверзничества и доносы, не принимая въ стр.... ни кумовства, ни дружбы, помышляя только о томъ, какъ бы вынести себя. Несмотря на неповоротливость и толщину, всегда поворотливъ. А умный актеръ не пропуститъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ услуга толстаго человѣка будетъ особенно смѣшна въ глазахъ зрителей, безъ всякаго желанья сдѣлать изъ этого карикатуру.

Смотритель училищъ — ничего болѣе, какъ только напуганный человѣкъ частыми ревизовками и выговорами, неизвѣстно за что; а потому боится, какъ огня, всякихъ посѣщеній и трепещетъ, какъ листъ, при вѣсти о Ревизорѣ, хотя не знаетъ самъ, въ чемъ грѣшенъ. Играющему это лицо актеру остается только выразить одинъ постоянный страхъ.

Почтмейстеръ — простодушный до наивности человѣкъ, глядящій на жизнь, какъ на собраніе интересныхъ исторій для препровожденія времени, которыя онъ

начитываетъ въ распечатываемыхъ письмахъ. Это лицо доступно съ перв... [1]. Ничего больше не остается дѣлать актеру, какъ быть простодушну, сколько возможно.

Но два городскіе болтуна, Бобчинскій и Добчинскій, (требуютъ особенно, чтобы) были сыграны хорошо. Ихъ долженъ себѣ очень хорошо опредѣлить актеръ. Это люди, которыхъ жизнь заключилась вся въ бѣганьяхъ по городу съ засвидѣтельствованіемъ почтенья (всѣмъ до единаго) и въ размѣнѣ вѣстей. Все у нихъ стало — — ... Страсть разсказать поглотила всякое другое занятіе. И эта страсть стала ихъ движущею страстью и стремленіемъ жизни. Нужно, чтобы видно было то удовольствіе, когда, наконецъ, добьется того, что ему позволятъ о чемъ-нибудь разсказать. Торопливость и суетливость у нихъ единственно отъ боязни, чтобы кто-нибудь не перебилъ и не помѣшалъ ему разсказать. Любопытны — отъ желанья имѣть о чемъ разсказать. Отъ этого Бобчинскій даже немножко заикается (отъ желанія пересказать скорѣе). Они оба низенькіе, коротенькіе, чрезвычайно похожи другъ на друга, оба съ небольшими брюшками. Оба круглолицы, одѣты чистенько, съ приглаженными волосами. У Добчинскаго даже небольшая лысинка, на серединѣ головы: видно, что онъ не холостой человѣкъ, какъ Бобчинскій, но уже женатый. Но при всемъ томъ Бобчинскій беретъ верхъ надъ нимъ по причинѣ большей живости и даже нѣсколько управляетъ его умомъ. (Всѣ мелкіе атрибуты) долженъ бросить въ сторону актеръ, если хочетъ хорошо исполнить эту роль, и представлять себѣ только то, что онъ самъ боленъ необыкновенной чесоткой языка. Словомъ, это люди, выброшенные судьбою для чужихъ надобностей, а не для своихъ собственныхъ.

Всѣ прочія лица: купцы, гости, полицейскіе и просители всѣхъ родовъ суть ежедневно проходящія предъ нашими глазами лица, а потому могутъ быть легко схвачены всякимъ, умѣющимъ замѣчать особенности въ рѣчахъ и ухваткахъ человѣка всякаго сословія. То же самое можно сказать и о слугѣ, несмотря на то, что эта роль значительнѣе прочихъ. Русской слуга пожилыхъ лѣтъ, — который смотритъ нѣсколько внизъ, грубитъ барину, смекнувши, что баринъ щелкоперъ и дрянцо, и который любитъ себѣ самому читать нравоученье для барина, который молча плутъ, однако очень умѣетъ воспользоваться въ такихъ случаяхъ, когда можно мимоходомъ поживиться, — извѣстенъ всякому. Потому эта

[1] Не дописано.

роль игралась всегда хорошо. Равномѣрно всякой можетъ почувствовать, какое впечатлѣніе способенъ пріѣздъ Ревизора произвести на каждое изъ этихъ лицъ.

Не нужно только позабывать того, что въ головѣ всѣхъ сидитъ Ревизоръ. Всѣ заняты Ревизоромъ. Около Ревизора кружатся страхи и надежды всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. У однихъ надежда (на правосудіе), на избавленіе отъ дурныхъ городничихъ и всякаго рода хапугъ. У другихъ паническій страхъ при видѣ того, что главнѣйшіе сановники и передовые люди общества въ страхѣ. У прочихъ же, которые смотрятъ на всѣ дѣла міра спокойно, чистя у себя въ носу, любопытство, не безъ нѣкоторой тайной боязни, увидѣть, наконецъ, то лицо, которое причинило столько тревогъ и, стало быть, неминуемо должно быть слишкомъ необыкновеннымъ и важнымъ лицомъ.

Всѣхъ труднѣе роль того, который принятъ испуганнымъ городомъ за Ревизора. Хлестаковъ, самъ по себѣ, ничтожный человѣкъ. Даже пустые люди называютъ его пустѣйшимъ. Никогда бы ему въ жизни не случилось сдѣлать дѣла, способнаго обратить чье-нибудь вниманіе. Но сила всеобщаго страха создала изъ него замѣчательное комическое лицо. Страхъ, отуманивши глаза всѣхъ, далъ ему поприще для комической роли. Обрываемый и обрѣзываемый доселѣ во всемъ, даже и въ замашкѣ пройтись козыремъ по Невскому проспекту, онъ почувствовалъ просторъ, и вдругъ развернулся неожиданно для самого себя. Въ немъ все сюрпризъ и неожиданность (для него самого). Онъ даже весьма долго не въ силахъ догадаться, отчего къ нему такое вниманіе, уваженіе. Онъ почувствовалъ только пріятность и удовольствіе, видя, что его слушаютъ, угождаютъ, исполняютъ все, что онъ хочетъ, ловятъ съ жадностью все, что ни произноситъ онъ. Онъ разговорился, никакъ не зная въ началѣ разговора, куда поведетъ его рѣчь. Темы для разговоровъ ему даютъ вывѣдывающіе. Они сами какъ бы кладутъ ему все въ ротъ и создаютъ разговоръ. Онъ чувствуетъ только то, что вездѣ можно хорошо порисоваться, если ничто не мѣшаетъ. Онъ чувствуетъ, что онъ и въ литературѣ господинъ, и на балахъ не послѣдній, и самъ даетъ балы и, наконецъ, что онъ — государственный человѣкъ. Онъ ни отъ чего не прочь, о чемъ бы ему ни — —. Обѣдъ со всякими лабарданами и винами далъ словоохотность и краснорѣчіе его языку. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе входитъ всѣми чувствами въ то, что говоритъ, и потому выражаетъ многое почти съ жаромъ. Не имѣя никакого желанья

надувать, онъ позабываетъ самъ, что лжетъ. Ему уже кажется, что онъ дѣйствительно все это производилъ (о чемъ вретъ). Поэтому сцена, когда онъ говоритъ о себѣ, какъ о государственномъ человѣкѣ, (и навела такой) страхъ (на всякаго) чиновника. Вотъ отчего, особенно въ то время, когда онъ разсказываетъ, какъ распекалъ всѣхъ до единаго въ Петербургѣ, является въ лицѣ важность и всѣ атрибуты и все, что угодно. Видя, какъ распекаютъ, испытавши и самъ это, потому что бывалъ неоднократно распекаемъ, онъ [это должен мастерски изобразить въ рѣчахъ]: онъ почувствовалъ въ это время особенное удовольствіе (распечь наконецъ и самому) другихъ, хотя въ (разсказахъ). Онъ бы и подальше добрался въ рѣчахъ своихъ, но языкъ его уже не оказался больше годнымъ, по какой причинѣ чиновники нашлись принужденными отвести его съ почтеньемъ и страхомъ на отведенный ночлегъ.

Проснувшись, онъ тотъ же Хлестаковъ, какимъ и былъ прежде. Онъ даже не помнитъ, чѣмъ напугалъ всѣхъ. Въ немъ попрежнему никакого соображенія и глупость во всѣхъ поступкахъ.

Влюбляется онъ и въ мать, и въ дочь почти въ одно... Проситъ денегъ, потому что это какъ то само собой срывается съ языка, и потому, что уже у перваго онъ попросилъ, и тотъ съ готовностью предложилъ. Только къ концу акта онъ догадывается, что его принимаютъ за кого то повыше. Но еслибы не Осипъ, которому кое-какъ удалось ему нѣсколько растолковать, что такой обманъ не долго можетъ продолжаться, онъ бы преспокойно дождался точковъ и проводовъ со двора не съ честью. Словомъ, это — фантасмагорическое лицо, которое, какъ лживый, олицетворненый обманъ, унеслось вмѣстѣ съ тройкою, Богъ вѣсть куда. Но тѣмъ не менѣе нужно, чтобъ эта роль досталась лучшему актеру, какой ни есть, потому что она всѣхъ труднѣе. Этотъ пустой человѣкъ и ничтожный характеръ заключаетъ въ себѣ собраніе многихъ тѣхъ качествъ, которыя водятся и не за ничтожными людьми. Актеръ особенно не долженъ упустить изъ виду это желанье порисоваться, которымъ болѣе или менѣе заражены всѣ люди, и которое больше всего отразилось въ Хлестаковѣ, — желаніе ребяческое, но оно (бываетъ) у многихъ умныхъ и старыхъ людей, такъ что рѣдкому на вѣку своемъ не случалось въ какомъ-либо дѣлѣ от —— его. Словомъ, актеръ для этой роли долженъ имѣть очень многосторонній талантъ, который бы умѣлъ выражать разныя черты человѣка, а не какія-нибудь постоянныя, однѣ и тѣ же. Онъ долженъ быть очень ловкимъ свѣтскимъ человѣкомъ, иначе не

будетъ въ силахъ выразить наивно и простодушно ту пустую свѣтскую вѣтреность, которая несетъ человѣка во всѣ стороны поверхъ всего, которая въ такомъ значительномъ количествѣ досталась Хлестакову.

Послѣдняя сцена „Ревизора“ должна быть особенно сыграна умно. Здѣсь уже не шутка, и положенье многихъ лицъ почти трагическое. Положеніе городничаго всѣхъ разительнѣй. Какъ бы то ни было, но увидѣть себя вдругъ такъ обманутымъ и притомъ пустѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ мальчишкой, который даже видомъ и фигурой не взялъ, будучи похожъ на спичку (Хлестаковъ, какъ извѣстно, тоненькой, прочіе всѣ толсты), — быть имъ обманутымъ: это не шуточное. Обмануться такъ грубо тому, который умѣлъ проводить умныхъ людей и даже искуснѣйшихъ плутовъ! Возвѣщенье о пріѣздѣ, наконецъ, настоящаго Ревизора для него громовой ударъ. Онъ окаменѣлъ. Распростертыя его руки и закинутая назадъ голова остались неподвижны, и вокругъ него вся дѣйствующая группа составляетъ въ одно мгновенье окаменѣвшую группу въ разныхъ положеньяхъ.

Вся сцена есть нѣмая картина, а потому должна быть такъ же составлена, какъ составляются живыя картины. Всякому лицу должна быть назначена поза, сообразная съ его характеромъ, со степенью боязни его и съ потрясеніемъ, которое должны произвести слова, возвѣстившія о пріѣздѣ настоящаго Ревизора. Нужно, чтобы эти позы никакъ не встрѣтились между собою, и были бы разнообразны и различны; а потому слѣдуетъ, чтобы каждый помнилъ свою и могъ бы вдругъ ее принять, какъ только поразится его слухъ роковымъ извѣстіемъ. Сначала выйдетъ это принужденно и будетъ походить на автоматовъ; но потомъ, послѣ нѣсколькихъ репетицій, по мѣрѣ того, какъ каждый актеръ войдетъ поглубже въ положеніе свое, данная поза ему усвоится, станетъ естественной, принадлежащей ему. Деревянность и неловкость автоматовъ исчезнетъ, и покажется, какъ бы сама собой вышла онѣмѣвшая картина.

Сигналомъ перемѣны положеній можетъ послужить тотъ небольшой звукъ, который исходитъ изъ груди у женщинъ при какой-нибудь внезапности. Одни понемногу приходятъ въ положеніе, данное для нѣмой картины, начиная (переходить) въ него уже при появленіи вѣстника съ роковымъ извѣстіемъ: это — которые меньше; другіе вдругъ — это тѣ, которые больше поражены. Не дурно первому актеру оставить на время свою позу и посмотрѣть самому нѣсколько разъ на эту картину въ качествѣ зрителя для того, чтобы видѣть, что нужно

ослабить, усилить, смягчить, дабы вышла картина естественнѣй.

Картина должна быть установлена почти такъ: посреди городничій, совершенно онѣмѣвшій и остолбенѣвшій. По правую его руку жена и дочь, обращенныя къ нему съ испугомъ на лицѣ. За ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ. За нимъ Лука Лукичъ, весь блѣдный, какъ мѣлъ. По лѣвую сторону городничаго Земляника съ приподнятыми кверху бровями и пальцами, поднесенными ко рту, какъ человѣкъ, который чѣмъ то сильно обжегся. За нимъ судья, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій губами гримасу, какъ бы говоря: „Вотъ тебѣ, бабушка, и“... За ними Добчинскій и Бобчинскій, уставивши глаза и разинувши ротъ, глядятъ другъ на друга. Гости раздѣляются на двѣ группы по обѣимъ сторонамъ: одна принимаетъ одно общее движенье, (стараясь) заглянуть въ лицо городничаго. (Почти цѣлую минуту продолжается эта нѣмая сцена, покуда не опускается, наконецъ, занавѣсъ). Чтобы завязалась группа ловче и непринужденнѣй, всего лучше поручить (искусному) художнику, умѣющему сочинять группы, сдѣлать рисунокъ и держать рис...

Если только каждый изъ актеровъ вошелъ, хоть сколько-нибудь, во всѣ положенія ролей своихъ во все продолженіе представленія піесы, то они выразятъ также и въ этой нѣмой сценѣ положенье разительное ролей своихъ, увѣнчая этой сценой еще болѣе совершенство игры своей. Если же они пребывали холодны и натянуты во время представленія, то останутся такъ же холодны и натянуты, какъ здѣсь, съ тою разницею, что въ этой нѣмой сценѣ еще болѣе обнаружится ихъ неискусство.

X.

Ревизоръ.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

(Первоначальный текстъ.)

Дѣйствующія лица.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Прочуханскій, городничій.
Анна Андреевна, жена его.
Марья Антоновна, дочь его.
Аммосъ Ѳедоровичъ Припекаевъ, судья.
Артемій Филипповичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, попечитель богоугодныхъ заведеній.
Лука Лукичъ Земляника, директоръ училищъ.
Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почтмейстеръ.
Петръ Ивановичъ Добчинскій,
Петръ Ивановичъ Бобчинскій, } городскіе помѣщики.
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.
Осипъ, слуга его.
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.
Ѳедоръ Андреевичъ Люлюковъ,
Иванъ Лазаревичъ Растаковскій,
Степанъ Ивановичъ Коробкинъ,
Илья Ильичъ Погоняевъ, } отставные чиновники, почетныя лица въ городѣ.
Игнатій Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.
Квартальные:
- **Свистуновъ.**
- **Пуговицынъ.**
- **Кнутъ.**
- **Держиморда.**

Мокрина Иванова, унтеръ-офицерская вдова.
Февронья Петровна Пашленкина, слесарша.
Мишка, слуга городничаго.
Слуга трактирный.
Гости, купцы, мѣщане, просители.

Дѣйствіе первое.

Комната въ домѣ городничаго.

Явленіе I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій.

Я пригласилъ васъ, господа... вотъ и Артемія Филипповича, и Аммоса Ѳедоровича, Луку Лукича и Христіяна Ивановича... съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ одно пренепріятное извѣстіе. Меня увѣдомляютъ, что отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ нашей губерніи все относящееся по части гражданскаго управленія.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Что вы говорите? Чиновникъ инкогнито?

Артемій Филипповичъ (въ испугѣ).

Изъ Петербурга, съ секретнымъ предписаніемъ?

Лука Лукичъ.

Обревизовать гражданское устройство?

Городничій.

Я признаюсь вамъ откровенно, что я очень потревожился... Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня во снѣ мнѣ всю ночь снились какія то собаки. Право, какія то этакія необыкновенныя собаки: черныя, не борзыя, однакожъ и не лягавыя; пришли, понюхали и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое я получилъ отъ Андрея Ивановича Пшекина, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „любезный другъ, кумъ и благодѣтель (бормочетъ вполго-

лоса, пробѣгая скоро глазами)... и увѣдомить тебя". А, вотъ: „спѣшу между прочимъ увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ. Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ больше представляетъ себя частнымъ лицемъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки, то совѣтую тебѣ взять предосторожность и поудержаться на время отъ прибыточной стрижки, какъ называешь ты взносы со стороны просителей и непросителей, ибо онъ можетъ пріѣхать во всякой часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня я..." Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: „сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ", и прочее, и прочее... Такъ вотъ какое обстоятельство! А что, какихъ вы мыслей объ этомъ, господа?

Артемій Филиппович.

Я думаю, что это просто скверно.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное происшествіе!

Лука Лукичъ.

Скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, отъ чего это? Зачѣмъ это къ намъ ревизоръ? Вѣдь нашъ городъ ужъ, кажется, такъ далеко отъ всего, что объ немъ бы и заботиться нечего.

Городничій (испуская вздохъ).

Говорите же вы! До сегодняшняго дня Богъ миловалъ. Случалось, правда, по газетамъ слышать, что въ такомъ то мѣстѣ того то посадили за взятки, того то отдали въ судъ за потворство и воровство или за подлогъ, но все это случалось, благодареніе Богу, въ другихъ мѣстахъ; а къ намъ до сихъ поръ никто не пріѣзжалъ, и никакихъ ревизовокъ не было.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ, Россія хочетъ вести войну съ турками или съ австрійцами, и потому министерія нарочно отправляетъ чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій.

Изъ вашихъ словъ видѣть можно, что и умный человѣкъ можетъ ошибиться. Куда нашему уѣздному городишкѣ! Другое дѣло, еслибы онъ былъ пограничнымъ, тогда бы еще было такъ и сякъ; но будучи въ такой глуши, чортъ знаетъ гдѣ: двадцать тысячъ верстъ, я думаю, будетъ отъ Турціи или Австріи...

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, я вамъ скажу: начальство имѣетъ тонкіе виды. Даромъ что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій.

Ну, теперь и намъ нужно поостеречься. По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ свое дѣло и нарочно собралъ васъ объявить вамъ объ этой новости, дабы вы могли хорошенько обдумать, что и какъ вамъ нужно поступать. Я съ своей стороны почитаю необходимымъ сообщить вамъ кое-какія замѣчанія. Я уже по своей части, то есть въ отношеніи устройства городового и полиціи, сдѣлалъ приказаніе; совѣтую и вамъ такъ же поступить. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія, и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему въ будни; и тамъ, какъ слѣдуетъ, надписать предъ каждою кроватью по латынѣ или на какомъ другомъ языкѣ... какъ признается нужно... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ... всякую болѣзнь; и когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа, какъ найдете лучше. Но вообще я долженъ замѣтить, что не хорошо, если больныхъ слишкомъ много. Лучше, если ихъ меньше, потому что это тотчасъ отнесутъ или къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ.

Мы ужъ съ Христіаномъ Ивановичемъ такъ распорядились на счетъ этотъ, какъ нужно. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ убыточиться и выписывать дорогія лѣкарства для какого-нибудь инвалида? Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ; притомъ и Христіану Ивановичу очень затруднительно бы было съ ними изъясняться, потому что онъ не знаетъ по-русски. Лучше же сберегу я казенный интересъ и уменьшеніемъ расходовъ уве-

личу сумму. Тогда и начальство, видя мое усердіе, безъ сомнѣнія, представитъ меня къ ордену въ поощреніе прочимъ (обращаясь къ Христіану Ивановичу), то есть я разумѣю, что при этомъ и вамъ будетъ какое-нибудь благоволеніе.

Христіанъ Ивановичъ

(издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву и, нѣсколько...) [1]

Городничій.

Ну, какъ знаете. Теперь я вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусятами, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его, только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ то позабывалъ. Также этотъ народъ имѣетъ обыкновеніе развѣшивать на дверяхъ для сушки свои онучки и листья табаку, называемаго бакуномъ. Оно, конечно, дѣлается для того, чтобы высушить, но я нѣсколько разъ хотѣлъ вамъ замѣтить, что воздухъ въ присутственныхъ мѣстахъ очень густъ... Кромѣ того, дурно, что виситъ у васъ въ самомъ присутствіи охотничій арапникъ и рогъ; конечно, я знаю, вы любите охоту; но все, знаете, на время его лучше принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, такъ вы опять его можете повѣсить. Также подсудокъ [2] вашъ: онъ, можетъ быть, очень хорошій человѣкъ и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, но отъ него, знаете, такой запахъ, какъ будто бы онъ только что вышелъ изъ винокуреннаго завода. Это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, развлеченъ чѣмъ то. Есть этакія средства, которыя могутъ это нѣсколько поправить. Можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными средствами, или медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать. Впрочемъ, это у него ужъ природный запахъ: онъ говоритъ, что какъ то въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ того времени отдаетъ отъ него совершенно какъ водкою.

---

[1] Фраза не дописана.
[2] Засѣдатель.

Городничій.

Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать; да и странно говорить, потому что нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ Самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Какъ же вы говорите, Антонъ Антоновичъ, грѣшки? Грѣшки грѣшкамъ рознь. У меня если есть грѣшки, то самые невинные. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, беру взятки борзыми щенками.

Городничій.

Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Э, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ, это совсѣмъ не то. Вотъ у васъ, напримѣръ, шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да...

Городничій.

Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣруете, вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церквѣ. А вы... я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, то просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Федоровичъ.

Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій.

Ну, въ этомъ случаѣ Богъ знаетъ: ежели слишкомъ много ума, то бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судьѣ; а оно врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, Самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей: они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллетіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ... какъ его?.. что имѣетъ очень олстое лицо... не вспомню его фамилію... никакъ не

можетъ обойтись, взошедши на каѳедру, чтобы не сдѣлать гримасу — вотъ эдакъ (дѣлаетъ гримасу), и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, я этого не знаю; но, вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю. Это можетъ быть очень худо. Г. ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ, — изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти. Или тотъ бишь, который читаетъ краснорѣчіе и риторику, тоже имѣетъ странную привычку. Онъ, напримѣръ, читаетъ: „прекрасное есть, гм. гм. тфу!“... и плюнетъ; „изящное, гм. гм. тфу!“. . и плюнетъ. Оно, конечно, для науки не вредитъ, но со стороны совершенно другое, и я признаюсь, когда стоялъ въ классѣ по близости, то онъ мнѣ обчихалъ весь мундиръ. Хорошо, что тогда мундиръ былъ на мнѣ старый. То же я долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова, это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ — еще ничего; а какъ добрался до Александра Македонскаго то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ дѣлалось: я думалъ, что пожаръ, ей Богу: сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ.

Да, онъ горячъ, я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Право, я не знаю, что и дѣлать. Развѣ его привязать немного къ столу?

Городничій.

Ну, пожалуй, можно и привязать; только нужно такъ, чтобы это не было замѣтно. Да, таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ, что умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ.

Это право хлопотливое дѣло!

Городничій.

Это бы еще ничего, хлопоты; худо, что не знаешь. съ которой стороны ожидать его, когда и въ какое время, Вдругъ заглянетъ: „А кто здѣсь?“ Анъ тутъ мы, голуб-

чики. — „А кто въ богоугодномъ заведеніи началь никъ?“ — Ляпкинъ-Тяпкинъ. — „А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! — „А кто здѣсь смотритель училищъ?“ — Земляника. — „А подайте сюда Землянику!“ [1] Вотъчто худо.

Явленіе II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Городничій.

Здравствуйте, Иванъ Кузьмичъ! Я нарочно посылалъ за вами, чтобы сообщить вамъ очень важную новость.

Почтмейстеръ.

Я слышалъ уже отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ былъ у меня сегодня въ почтовой конторѣ.

Городничій.

Ну, что, какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ.

А что думаю? война съ турками будетъ.

Городничій.

Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то.

Почтмейстеръ.

Право, война съ турками. Это все французы гадятъ.

Городничій.

Какая тутъ война съ турками! Гдѣ тутъ турки? Тутъ, просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже извѣстно: меня увѣдомляетъ достовѣрный человѣкъ, что именно ѣдетъ чиновникъ съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть въ нашемъ городѣ все гражданское устройство.

Почтмейстеръ.

А, можетъ быть, очень можетъ быть, и это правда.

Городничій.

Ну, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ? А меня даже немного по кожѣ подираетъ.

---

[1] Фамиліи вписаны здѣсь Гоголемъ позднѣе; онѣ не соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя поставлены въ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ.

Почтмейстеръ.

Да я и самъ чувствую небольшую какъ будто лихорадку. А вы боитесь?

Городничій.

Чего жъ бояться! Боязни нѣтъ, а такъ какъ то неловко, чортъ знаетъ, какъ неловко! Я, признаться сказать, ужъ слишкомъ подстригъ здѣшнее купечество и гражданство, такъ что врядъ ли и ножницы такія въ свѣтѣ найдутся, которыя бы могли еще что-нибудь захватить; на меня то они всѣ теперь... такъ вотъ бы съѣли, попадись я только имъ. Пожалуйте сюда, Иванъ Кузьмичъ, я вамъ кое-что скажу (отводитъ его въ сторону). Вотъ въ чемъ дѣло: можетъ быть, онъ если не пріѣхалъ, то находится близко отсюда. Я, признаюсь вамъ, имѣю основательныя причины думать, не жаловался ли кто-нибудь на меня: отчего жъ такая напасть на нашъ городъ? Да притомъ еще инкогнито? чортъ знаетъ, что такое инкогнито? Вѣдь начальство же есть въ городѣ, къ чему жъ тутъ инкогнито? Такъ вамъ нужно, Иванъ Кузьмичъ, для общей нашей пользы всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору,— входящія и исходящія, — знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки? Если же нѣтъ, то можно опять запечатать. Для этого снять какъ-нибудь изъ глины слѣпокъ, или даже можно и такъ отдать письмо — распечатанное.

Почтмейстеръ.

Объ этомъ не безпокойтесь. Я это дѣлаю всегда и безъ того, — не то чтобы изъ предосторожности, а больше изъ любопытства. Я, признаюсь, очень люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это весьма интересное чтеніе. Ей Богу! Иное письмо съ большимъ удовольствіемъ прочтешь: такъ хорошо описываются разные этакіе пассажи... назидательные даже. Ей Богу! Гораздо лучше, нежели въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. А вы никогда не читали?

Городничій.

Нѣтъ, не читалъ. Я однакожъ радъ, что вы это дѣлаете: это въ жизни хорошо. Скажите: тамъ вы до сихъ поръ ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ.

О петербургскихъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и

саратовскихъ много говорится. Жаль однакожъ, что вы никогда не читали писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно читалъ я: одинъ поручикъ пишетъ къ одному пріятелю своему и описалъ балъ и жизнь свою съ такимъ искусствомъ... очень хорошо! „Барышень“, говоритъ „много, музыка играетъ, штандаръ скачетъ“; съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ! Вотъ, если хотите, я вамъ дамъ его прочесть. Я нарочно оставилъ его у себя.

Городничій.

Покорнѣйше благодарю. Теперь, ей Богу, мнѣ не до того. Такъ, сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ, какъ только получите какое-нибудь извѣстіе, сейчасъ ко мнѣ; также если какая-нибудь жалоба или донесеніе, то задержите.

Почтмейстеръ.

Съ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Эка, въ самомъ дѣлѣ какое печальное, непредвидѣнное извѣстіе! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собачонкою: родная сестра этому кобелю, котораго вы знаете. У меня теперь завели тяжбу два помѣщика-сосѣда, и я теперь могу травить зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Городничій.

Богъ съ ними теперь, со всякими зайцами! У меня, право, въ ухѣ такъ, какъ будто бы сверчокъ! Такъ, право, и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ онъ самъ...

Явленіе III.

Тѣ же, Бобчинскій и Добчинскій (оба входятъ запыхавшись).

Бобчинскій.

Чрезвычайное... ухъ... ухъ... ухъ... происшествіе!

Добчинскій.

Неожиданное извѣ... ухъ, ухъ... ѣстье!

Всѣ.

Что, что такое?

Добчинскій.

Непредвидѣнное дѣло. Приходимъ въ гостиницу.

Бобчинскій (перебивая).

Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

Добчинскій.

Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій.

Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте, вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій.

А вы не помните всѣхъ обстоятельствъ, вы сейчасъ собьетесь.

Бобчинскій.

Э, нѣтъ! Помню, помню, ей Богу, помню! Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу!

Городничій.

Да что такое? Говорите, ради Бога: что такое? Садитесь, господа! Сдѣлайте милость, садитесь! Возьмите стулья, пожалуйста, садитесь. Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ! (Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей.) Ну, что такое?

Бобчинскій.

Позвольте, я сейчасъ по порядку; какъ только вышелъ я отъ васъ... Э, не мѣшайте, Петръ Ивановичъ: Не говорите ужъ ничего, сдѣлайте милость! Я ужъ самъ знаю... Какъ только вышелъ я отъ васъ, то побѣжалъ тотчасъ къ Коробкину, а, не заставши Коробкина дома, побѣжалъ къ Растаковскому; а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему эту новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій.

Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій.

Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Слышали ли вы, говорю я Петру Ивановичу, о той новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ уже услышали объ этомъ отъ ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю зачѣмъ то, была послана къ Филиппу Антиповичу Мартоплясу...

Добчинскій.

За бочонками для французской водки.

Бобчинскій.

За боченками для французской водки... Вотъ мы пошли съ Петромъ Ивановичемъ къ Мартоплясу... Э, сдѣлайте одолженіе, Петръ Ивановичъ, не перебивайте! пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли къ Мартоплясу, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ мнѣ: „Сегодни, я знаю, привезли въ трактиръ свѣжей семги, такъ пойдемъ, закусимъ“. Только что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій.

Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ [1], ходитъ по комнатѣ, и въ лицѣ такое разсужденіе и физіономія, такіе важные поступки и такъ здѣсь (вертитъ рукою около лба) много, много всего. Я такъ, какъ будто предчувствовалъ, и говорю себѣ: здѣсь что-нибудь да не даромъ. А Петръ Ивановичъ тотчасъ мигнули пальцомъ и подозвали трактирщика... трактирщика Власа... У него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой хорошій мальчикъ, большія подаетъ надежды и со-временемъ такъ же, какъ отецъ, будетъ содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ спросилъ потихоньку: „кто такой этотъ молодой человѣкъ?“ А Власъ говоритъ: „Это“, говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте! Вы не разскажете, ей Богу не разскажете: вы немного шепеляете, у васъ одинъ зубъ со свистомъ... „что этотъ молодой человѣкъ — чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга, Иванъ Александровичъ Перепелкинъ [2], и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, беретъ все наборъ, денегъ совсѣмъ не плотитъ“. Меня въ одну минуту вразумило. „Э!“ говорю я Петру Ивановичу...

Добчинскій.

Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: „э!“

Бобчинскій.

Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. „Э!“ сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ: „съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ, Богъ знаетъ, куды: въ Саратовскую губернію, въ городъ Бѣлебей? Это вѣрно не кто другой, какъ тотъ самый чиновникъ...

---

[1] Вмѣсто — Бобчинскій. Пропускъ: Добчинскій. Недурной наружности етс. Бобчинскій.

[2] Хлестаковъ.

Городничій.

Что вы говорите? Не можетъ быть! (Придвигаетъ поближе стулъ.) Это вамъ такъ показалось. Это кто-нибудь другой.

Добчинскій.

Помилуйте, какъ не онъ! И денегъ не плотитъ, и не ѣдетъ! Кому же бы быть, какъ не ему! И съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

Бобчинскій.

Онъ, онъ, ей Богу, онъ! Я ставлю, Богъ знаетъ, что... Такой наблюдательный: все обсмотрѣлъ, и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ тарелки къ намъ — полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани!

Городничій.

И онъ тамъ въ гостиницѣ до сихъ поръ?

Добчинскій.

Въ 5 № надъ лѣстницей.

Бобчинскій.

Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались пріѣзжіе офицеры.

Городничій.

И давно живетъ?

Добчинскій.

Ужъ будетъ полторы недѣли. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій.

Полторы недѣли! Что вы! (Въ сторону.) Ай, ай, ай! (Почесывая ухо.) Въ эти полторы недѣли высѣчена офицерская[1] жена! Ай, ай, ай! Въ эти полторы недѣли арестантамъ никакой провизіи не выдавали! О, Боже мой, Боже мой! На улицахъ кабакъ и нечистота. О, Боже мой, Боже мой!...

Артемій Филиппычъ.

Мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, намъ теперь поскорѣй одѣться въ мундиры и сей же часъ ѣхать прямо къ нему въ гостиницу.

---

[1] Унтеръ-офицерская.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, нужно больше параду. Нужно пригласить купечество, впередъ пустить голову: онъ человѣкъ видной. Не дурно бы тоже и священство: это имѣетъ глубокое и тайное значеніе; вотъ и въ книгѣ: „Дѣянія Іоанна Масона“...

Городничій.

Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому это обдѣлать. (Обращаясь къ Бобчинскому.) Вы говорите, что онъ человѣкъ молодой?

Бобчинскій.

Молодой, лѣтъ 23 или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій.

Ну, это хорошо, что молодой человѣкъ. Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: вы теперь приготовляйте, каждый по своей части наскоро, что можете къ принятію; а я отправлюсь самъ, или вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, — такъ, какъ бы просто для прогулки, или будто бы навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе какихъ-нибудь недостатковъ или непріятностей въ гостиницѣ. А вамъ совѣтую сей же часъ воспользоваться временемъ. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ.

Что угодно?

Городничій.

Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ.. или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. (Квартальный бѣжитъ впопыхахъ.)

Артемій Филипповичъ.

Идемъ, идемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да вамъ то еще ничего: у васъ вѣдь все въ исправности.

Артемій Филипповичъ.

Кой чортъ въ исправности! Плохо, чрезвычайно плохо.

(Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ.)

Явленіе IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Городничій.

Что, дрожки тамъ стоятъ?

Квартальный.

Стоятъ.

Городничій.

Ступай на улицу... или нѣтъ, постой! Ступай, принеси... Да другіе то гдѣ? Неужели ты только одинъ здѣсь? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Кнутъ былъ здѣсь. Гдѣ Кнутъ?

Квартальный.

Кнутъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Городничій.

Какъ такъ?

Квартальный.

Да такъ: привезли его по-утру мертвецки. Вотъ ужъ два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Городничій.

Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу... или нѣтъ, бѣги прежде въ комнату, слышь, и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

Бобчинскій.

И я, и я! Позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ!

Городничій.

Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя! Втроемъ не годится, да и въ дрожки не помѣстимся.

Бобчинскій.

Ничего, ничего: я такъ, пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ такъ только, посмотрѣть въ щолочку, такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ эдакъ... больше сущность и поступки его... а я ничего!

Городничій

(принимая шпагу, къ квартальному).

Бѣги сейчасъ, займи десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... экъ, шпага какъ исцарапалась!

Проклятой купчишка Авдулинъ — видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой! О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовятъ... Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми: по улицѣ! — по метлѣ, и вымели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вымели бы начисто. Слышишь? Да смотри: ты, ты!... Я знаю тебя: ты тамъ кумаешься да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки... Смотри: у меня, ухо востро!... Что ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ, а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку. Ты, дуракъ, съ меня примѣра не бери! Ступай!

Явленіе V.

Тѣ же и частный приставъ.

Городничій.

А, Степанъ Ильичъ, скажите, Бога ради: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный приставъ.

Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Городничій.

Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ. Вамъ теперь нужно все ужъ прежнее бросить: вѣдь чиновникъ то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частный приставъ.

Да такъ, какъ приказывали: квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Городничій.

А Держиморда гдѣ?

Частный приставъ.

Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Городничій.

А Кнутъ пьянъ?

Частный приставъ.

Пьянъ.

Городничій.

Какъ же вы это такъ допустили?

Частный приставъ.

Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка — поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Городничій.

Послушайте жъ, вы сдѣлайте вотъ что: квартальный Пуговицынъ . . . онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителей. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Что это за скверный городъ! только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь заборъ или памятникъ, — чортъ ихъ знаетъ, откудова и нанесутъ всякой дряни! Охъ, Боже мой, Боже мой! (Вздыхаетъ.) Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: „довольны ли?“ чтобы говорили: „всѣмъ довольны, ваше благородіе“; а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, Боже мой, Боже мой! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ. (Беретъ вмѣсто шляпы коробку.) Дай только, Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: каждому бестіи купцу наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой, Боже мой! Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! (Надѣваетъ вмѣсто шляпы коробку на голову.) Ѣдемъ!

Частный приставъ.

Ваше высокоблагородіе! у васъ на головѣ коробка.

Городничій (бросаетъ ее.)

Чортъ съ ней! Да если спросятъ, отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую назадъ тому пять лѣтъ была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что началась строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ, что большущій былъ пожаръ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, скажетъ, что она и совсѣмъ не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ: я знаю, онъ имѣетъ обычай для порядка всѣмъ ставить фонари подъ глазами, и правому, и виноватому. Ѣдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! (Уходитъ и возвращается.) Да не выпускать солдатъ на улицу безъ всего: эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ.

(Всѣ уходятъ.)

Явленіе VI.

Анна Андреевна и Марья Антоновна (вбѣгаютъ на сцену).

Анна Андреевна.

Гдѣ жъ, гдѣ жъ они? Ахъ, Боже мой!... (Отворяя дверь.) Мужъ! Антоша! Антонъ! (Говоритъ скоро.) А все ты, а все за тобой! И пошла копаться: „я булавочку, я косынку! я сейчасъ, я сейчасъ, я сейчасъ!“... Вотъ тебѣ и „сейчасъ“. (Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ.) Антонъ, куда? куда? Что, пріѣхалъ? Ревизоръ? Что онъ, статской? Съ усами? Съ какими усами?

Голосъ городничаго.

Послѣ, послѣ, матушка!

Анна Андреевна.

Послѣ? Вотъ новости: послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что онъ, полковникъ? А? (Съ пренебреженіемъ.) О, глупой! уѣхалъ! Постой же ты, проклятой Антошка! Дрянь такую надвинулъ на глупыя уши, треугольную свою шляпу, и уѣзжаетъ со двора, такъ какъ будто и не онъ! А носъ — какъ картофель! Я тебѣ вспомню это. А все эта: „маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку! я сейчасъ!“ Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстеръ здѣсь и давай передъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ просто тебѣ дѣлаетъ рожу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна.

Да что дѣлать, маменька? Все равно: вѣдь чрезъ 2 часа мы все узнаемъ.

Анна Андреевна.

Черезъ 2 часа! Покорнѣйше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ! Какъ ты не догадалась сказать, что черезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать? (Свѣшивается въ окно.) Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала: тамъ пріѣхалъ кто то? А? Генералъ?

Голосъ Авдотьи.

Ей Богу, сударыня, ничего не услышала.

Анна Андреевна.

Глупая какая!

Голосъ Авдотьи.

Подкинулась было къ квартальному: руками только машетъ, какъ угорѣлый.

Анна Андреевна.

Ну, что жъ? Пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ чепуха: все женихи сидятъ. А? Что? Скоро уѣхали? Да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси, куда поѣхали. Да разспроси хорошенько: что за пріѣзжій, какой онъ, слышишь! Подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе — черные или нѣтъ; и сію же минуту возвращайся назадъ, слышишь! (Обѣ остаются смотрящимися въ окно; занавѣсъ опускается.)

Дѣйствіе второе.

Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

Явленіе I.

Осипъ

(лежитъ на барской постелѣ).

Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы! Вотъ, мать моя ты Божія, не доѣдемъ да и только домой! Что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ изъ Питера; всего вѣдь треть верстъ осталось. Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ, и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы и очень бы стало на прогоны. Нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ губернскомъ городѣ показать себя! „Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурнова обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ“. Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой. Вотъ тебѣ и дообѣдался! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки — вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Ей Богу, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше: возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатахъ, да ѣшь пироги. Ну, кто жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кѣятры, собаки тебѣ танцуютъ и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству не уступитъ. Пойдешь на Щукинъ — купцы тебѣ кричатъ: „почтенный!“ На перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь. Компаніи захотѣлъ — ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ — такъ вотъ, какъ на ла-

донѣ, все видишь. Старуха офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая... фу! фу! фу! (Усмѣхается и вертитъ головою.) Растаканье, канальство! Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь; всякой тебѣ говоритъ: вы. Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себѣ, какъ баринъ; а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что съ нимъ сдѣлаешь? — Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридерживать, и куды!... пошелъ кутить: ѣздитъ на извозчикѣ, каждый день ты ему доставай въ кѣятръ билетъ. А тамъ черезъ недѣлю — глядь, и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ; иной разъ все до послѣдней рубашки продастъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка да шинельчонка. Ей Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! Рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего — ни по чемъ идутъ; карпетки[1] 10 коп. за пару. А отчего? — оттого, что дѣломъ не занимаешься: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ, извозчиковъ надуваетъ. Эхъ, еслибы узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи! Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что „не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплотите за прежнее“. Ну, а коли не заплотимъ? (Со вздохомъ.) Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится; вѣрно, это онъ идетъ. (Поспѣшно схватывается съ постели.)

Явленіе II.

Осипъ и Хлестаковъ.

Хлестаковъ (ходитъ по комнатѣ).

Посмотри, тамъ въ картузѣ табаку нѣтъ?

Осипъ.

Да гдѣ жъ ему быть, табаку! Вы еще четвертаго дни послѣднее выкурили.

---

[1] Носки.

Хлестаковъ.

(насвистываетъ, потомъ, обращаясь къ нему, говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ).

Послушай, эй, Осипъ!

Осипъ.

Чего изволите?

Хлестаковъ

(громкимъ, но не столь рѣшительнымъ).

Ты ступай туда...

Осипъ.

Куда?

Хлестаковъ

(голосомъ не рѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ).

Внизъ, въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать: супъ, соусъ или еще что-нибудь... поскорѣй!

Осипъ.

Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлестаковъ.

Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ.

Да такъ; все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлестаковъ.

Это вздоръ! Ты скажи ему, что онъ не можетъ этого сдѣлать.

Осипъ.

„Еще“, говоритъ: „и къ городничему пойду, третью недѣлю баринъ денегъ не плотитъ. Вы де съ бариномъ“, говоритъ, „мошенники, и баринъ твой плутъ. Мы де“, говоритъ, „этакихъ широмыжниковъ уже видали“.

Хлестаковъ.

Ну, онъ дуракъ — больше ничего!

Осипъ.

Говоритъ: „Этакъ всякой пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя. Я“, говоритъ, „шутить не буду, я прямо съ жалобой, чтобы на съѣзжую. да въ тюрьму“...

Хлестаковъ.

Ну, ну, ну!... А ты ужъ всякой вздоръ радъ пересказывать. Ступай, скажи, что я... Ступай, ступай, скажи ему...

Осипъ.

Да я лучше самого хозяина позову къ вамъ.

Хлестаковъ.

На что жъ хозяинъ? Ты поди, самъ скажи...

Осипъ.

Да право, сударь...

Хлестаковъ.

Ну, ступай, чортъ съ тобой, позови хозяина!

(Осипъ уходитъ.)

Явленіе III.

Хлестаковъ (одинъ).

Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся; думаю, не пройдетъ ли аппетитъ — нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да, еслибъ въ Пензѣ я не покутилъ тамъ, то очень бы стало денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ больше всего меня поддѣлъ. Однакожъ, нечего сказать, кто что ни говори, а удивительно, бестія, штосы срѣзываетъ. Чортъ его знаетъ: всего только двѣ таліи прокинулъ, и все забралъ. Нужно когда-нибудь поучиться у него. Да, впрочемъ, какъ же поучиться? Когда же случай доведетъ съ нимъ встрѣтиться? Охъ, когда бы въ самомъ дѣлѣ уже скорѣе доѣхать домой! Надоѣло въ дорогѣ! И какъ нарочно такой мерзкой городишка: въ другихъ по крайней мѣрѣ что-нибудь бываетъ, а здѣсь ничего совершенно нѣтъ. Въ овошенной лавкѣ балыки еще сносны, да проклятые сидѣльцы очень мало даютъ на пробу. (Насвистываетъ сначала изъ „Роберта“, потомъ изъ русской пѣсни, а, наконецъ, ни се, ни то.)

Явленіе IV.

Хлестаковъ, Осипъ и трактирный слуга.

Слуга.

Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно?

Хлестаковъ.

Здравствуй, братецъ! Ну, что, ты здоровъ?

Слуга.

Слава Богу!

Хлестаковъ.

Ну, что, какъ у васъ въ гостиницѣ? Хорошо ли все идетъ?

Слуга.

Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаковъ.

Много проѣзжающихъ?

Слуга.

Да, достаточно.

Хлестаковъ.

Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ, пожалуйста, поторопи, чтобы поскорѣе: видишь, мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно коечѣмъ заняться.

Слуга.

Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ никакъ хотѣлъ идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаковъ.

Вотъ вздоръ какой! По крайней мѣрѣ, онъ долженъ мнѣ дать ѣсть. Ты посуди самъ, любезный другъ, какъ же мнѣ быть безъ обѣда? Вѣдь этакъ я могу отощать совсѣмъ.

Слуга.

Такъ-съ. Да онъ приказалъ, что „поди“, говоритъ, „скажи, что у меня“, говоритъ, „нѣтъ для него стола, и что я пойду жаловаться“.

Хлестаковъ.

Да что жъ жаловаться? Ну, жаловаться пусть идетъ, пожалуй. Но онъ мнѣ не смѣетъ... Я, ей Богу, не шутя хочу ѣсть, сильно хочу ѣсть.

Слуга.

Такъ-съ. Онъ говорилъ: „я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплотитъ мнѣ за прежнее“. Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

Хлестаковъ.

Ты пойди, ему скажи, урезонь его.

Слуга.

Да что жъ такое ему говорить?

Хлестаковъ.

Ну, разскажи все то, вотъ что отъ меня слышалъ... чтобъ онъ мнѣ далъ... что онъ долженъ дать... А о деньгахъ пусть не безпокоится: деньги сами собою... Такъ просто и скажи, что онъ не смѣетъ не дать, потому что я точно хочу ѣсть.

Слуга.

Пожалуй, я скажу.

Явленіе V.

Хлестаковъ (одинъ).

Это скверно однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Что тутъ, право, дѣлать? Развѣ изъ платья что-нибудь продать? Что жъ бы такое? Жилетъ, панталоны? Нѣтъ... нѣтъ... ужъ лучше поголодаю, но зато, по крайней мѣрѣ, пріѣду домой въ петербургскомъ костюмѣ. Ну, одна только эта мысль какъ-нибудь еще утѣшительна. А вѣдь если посудить, просвѣщеніе въ губернскихъ городахъ отстало отъ столичнаго! Вѣдь эти свиньи помѣщики, я знаю, носятъ мѣшки вмѣсто фраковъ. Я ставлю, Богъ знаетъ, что, если не буду между ими одинъ только въ модномъ костюмѣ. Эхъ, еслибы какую-нибудь теперь котлетку! Хоть вотъ этакой бы кусочекъ говядины! Нѣтъ, чортъ побери, лучше какъ-нибудь поголодаю. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы пріѣхать домой въ каретѣ! Очень бы недурно было подкатить къ какому-нибудь сосѣду помѣщику съ фонарями подъ крыльцо, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Господи Боже мой, какъ бы переполошилось все! „Кто такой? что такое?“ А лакей входитъ: „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?“ Они, свиньи, и не знаютъ, что такое значитъ: „прикажете принять?“ Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь телепень[1] помѣщикъ, ту же минуту вылазитъ изъ брички и, не говоря ни слова, такъ прямо, медвѣдь, и валится въ гостиную. (Подходитъ къ зеркалу, смотритъ въ него и дѣлаетъ одобрительный знакъ.) Гм, гм! хорошо, хорошо! Да оно, если разсудить, есть таки на что заглядѣться! Кусишко довольно лакомый! Гм, хорошо, хорошо! Когда бы только добраться скорѣй домой! Тьфу (плюетъ), даже тошнитъ — такъ ѣсть хочется!

---

[1] Увалень.

Явленіе VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ слуга.

Хлестаковъ.

А что?

Осипъ.

Несетъ обѣдъ.

Хлестаковъ.

Несетъ? Ну, хорошо!

Слуга (съ терелками и салфеткой).

Хозяинъ въ послѣдній разъ уже даетъ

Хлестаковъ.

Ну, давай сюда! Что тамъ такое?

Слуга.

Супъ и жаркое.

Хлестаковъ.

Какъ, только два блюда?

Слуга.

Только-съ.

Хлестаковъ.

Вотъ вздоръ какой! Я это не принимаю... Ты скажи ему: что это въ самомъ дѣлѣ такое?.. Этого мало.

Слуга.

Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлестаковъ.

А соуса почему нѣтъ?

Слуга.

Соуса нѣтъ.

Хлестаковъ.

Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, какъ готовилась рыба и котлеты.

Слуга.

Да это, можетъ быть, для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлестаковъ.

Ахъ, ты дуракъ!

Слуга

Да-съ.

Хлестаковъ.

Вотъ прекрасно!... Какое же они имѣютъ право? Отчего же я не могу? Да что, чортъ возьми, развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Слуга.

Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлестаковъ.

Какіе же?

Слуга.

Они деньги плотятъ.

Хлестаковъ.

Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. (Наливаетъ супъ и ѣстъ.) Что это за супъ? Ты просто воды налилъ въ чашку: никакого вкуса нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супа, дай мнѣ другого.

Слуга.

Мы примемъ-съ; хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаковъ.

Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! Ты привыкъ такъ обращаться съ тѣми: я, братъ, не такого рода! Со мной, братецъ, я шутокъ не совѣтую тебѣ дѣлать. (Ѣстъ.) Боже мой, какой супъ! (Продолжаетъ ѣсть.) Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такова супа. Какія то перья плаваютъ вмѣсто масла. (Рѣжетъ курицу.) Ай, ай, ай, какая курица! Давай жаркое! Тамъ супу немного осталось — Осипъ, возьми себѣ. (Рѣжетъ жаркое.) Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга.

Да что жъ такое?

Хлестаковъ.

Чортъ его знаетъ, что такое, только не жаркое: это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины. (Ѣстъ.) Мошенники! Канальи! Чѣмъ они кормятъ! И зубовъ не останется, если съѣшь одинъ такой кусокъ. (Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ.) Совершенно, какъ деревянная кора — ничѣмъ вытащить нельзя! И челюсти заболятъ послѣ этихъ блюдъ, какія они, подлецы, даютъ мнѣ. Мошенники! (Вытираетъ ротъ салфеткой.) Больше ничего нѣтъ?

Слуга.

Нѣтъ.

Хлестаковъ.

Канальи! Подлецы! И даже больше ничего нѣтъ!

Слуга

(убираетъ и уноситъ тарелки, вмѣстѣ съ Осипомъ).

Явленіе VII.

Хлестаковъ, потомъ Осипъ.

Хлестаковъ.

Право, какъ будто и не ѣлъ, только что разохотился. Еслибы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хотя сайку.

Осипъ (входитъ).

Тамъ чего то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ о васъ.

Хлестаковъ (испугавшись).

Вотъ тебѣ на! Бездѣльникъ трактирщикъ не шутилъ! Я, ей Богу, никакъ не думалъ про это! Непріятно, очень непріятно, если онъ въ самомъ дѣлѣ потащитъ въ тюрьму. О, вздоръ! Какъ же онъ смѣетъ меня потащить?.. Впрочемъ, если благороднымъ образомъ, еще ничего: я, пожалуй, пойду... Что жъ дѣлать? Но вотъ худо, если онъ вздумаетъ такъ, чтобы завязать на рукѣ веревочку, да на веревочкѣ повесть, чортъ съ нимъ!.. Тамъ вчера, когда я прохаживался, смотрѣли на меня двѣ хорошенькія купеческія дочки, ну, и, вѣроятно, — гдѣ жъ имъ увидѣть другого изъ Петербурга? — вѣроятно, влюбились; а тутъ вдругъ меня поведутъ, можетъ быть, передъ ихъ же окнами... это ужъ очень! Нѣтъ, онъ этого не смѣетъ сдѣлать, или ужъ онъ будетъ такая скотина.. Зачѣмъ мнѣ ужъ было надѣвать тогда новаго фрака и франтить такъ? Было бы потихоньку пройтить подъ стѣнкою!.. О, вздоръ! Онъ меня никакъ не смѣетъ и не можетъ: вѣдь я дворянинъ... Я изъ Петербурга, служу тамъ. Онъ побоится. Да вѣдь чиновника нельзя вести на веревочкѣ, это можно какого-нибудь мѣщанина или ремесленника. О, не поддаваться! Ей Богу, не поддаваться! (Показываетъ однакожъ движеніе подлѣзть подъ столъ, но въ это время отворяется дверь.)

Явленіе VIII.

Входитъ городничій и Добчинскій.

(Городничій, взошедъ, останавливается. Оба смотрятъ въ испугѣ одинъ на другого, выпучивъ глаза.)

Городничій

(немного оправившись и протянувъ руки по швамъ).

Желаю здравствовать!

Хлестаковъ.

Слава Богу, ѣлъ, ѣлъ...

Городничій.

Извините, что осмѣлился...

Хлестаковъ.

Ничего, ничего!

Городничій.

Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ

(перебивая; сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко).

Да что жъ дѣлать? Я не виноватъ... Я, право... я заплачу: мнѣ пришлютъ изъ деревни — у меня доходъ большой... Онъ больше виноватъ: онъ меня, мерзавецъ, кормилъ такъ гадко; говядину онъ мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ только названіе носитъ супа, а я ни одной ложки не ѣлъ его, долженъ былъ выбросить за окошко. Онъ меня морилъ голодомъ по цѣлымъ днямъ. Чай даетъ такой странный: воняетъ рыбою, а не чаемъ. Вотъ новости! Да я еще долженъ и отвѣчать?.. Я ему заплачу, объ этомъ нечего безпокоиться.

Городничій (робѣя).

Извините, я, право, не виноватъ. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую говядину: на рынкѣ у меня всегда хорошая. Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, я не хочу: я знаю, что значитъ „на другую квартиру“, то есть, это — въ тюрьму. Нѣтъ, я не хочу... Зачѣмъ же меня?. Я, я... я заплачу. Вы не имѣете

права меня... Я покажу вамъ подорожную: я чиновникъ, я губернскій секретарь. Я ѣду въ собственную мою деревню въ Екатеринославскую губернію, я служу по Министерству Финансовъ. Я... Вы меня не смѣете... Я буду жаловаться на васъ министру.

Городничій (въ сторону).

Ай, ай, ай, какой сердитый! Вѣрно, узналъ что-нибудь! Донесли проклятые купцы.

Хлестаковъ (храбрясь).

Да какъ вы смѣете? Я хоть вамъ и кажусь... однакожъ меня самъ министръ знаетъ... Я и по службѣ получаю отличія, мнѣ къ новому году выйдетъ... прибавка жалованья... Да... Нѣтъ, я не пойду! Ей Богу, не пойду, вотъ вамъ перекрещусь, хоть вы со всей своей командой... Не поддаваться! Ей Богу, не поддаваться! Взять въ руки эту бутылку (беретъ рукою сзади бутылку), и если что, то, ей Богу, бутылкою...

Городничій

(вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ).

Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... Не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!..

Хлестаковъ.

Нѣтъ, я не хочу... Вотъ еще! Мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму! Нѣтъ... благодарю покорно, я не хочу.

Городничій.

Перемѣните гнѣвъ на милость. По неопытности, ей Богу, по неопытности... Недостаточность состоянія... Казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь да пару платья; что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета! Это выдумали злодѣи мои, ей Богу! Это такой народъ, что готовы покуситься на жизнь мою.

Хлестаковъ.

Да... конечно... (Въ размышленіи.) Я не знаю однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой то унтеръ-офицерской вдовѣ... Я не знакомъ съ нею. Да мнѣ и дѣла нѣтъ къ ней. Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь. До этого вамъ

далеко... Я заплачу, я заплачу вамъ деньги... У меня только теперь нѣтъ... Я потому и сижу здѣсь такъ долго, что ни копейки нѣтъ денегъ.

Городничій (въ сторону).

О, тонкая штука! Экъ, куда метнулъ! Какого тумана напустилъ! Разбери, кто хочетъ! Теперь я вижу, что значитъ столичныя доки. Боже упаси! Никакъ не хочетъ показать, зачѣмъ пріѣхалъ: и о деньгахъ говоритъ, и увѣряетъ, что заплотитъ — Богъ его знаетъ, что! Ну, какъ не потерять ума? Именно не знаешь, какъ и хватиться. Однакожъ попробовать на авось... Если вы, точно, имѣете нужду въ деньгахъ, или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность — помогать проѣзжающимъ, останавливающимся въ подвѣдомственномъ моему распоряженію городѣ.

Хлестаковъ.

А, такъ вы согласны дать мнѣ взаймы! О, если такъ, то я сейчасъ готовъ расплатиться. Сдѣлайте милость, мнѣ хоть двѣсти рублей — раздѣлаться только съ трактирщикомъ; а тамъ я, какъ только въ деревню, я вамъ сейчасъ пришлю. У меня это вдругъ

Городничій.

Помилуйте, я готовъ ждать, сколько угодно. Какъ можно, чтобы я осмѣлился назначать срокъ! Вотъ тутъ ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ.

А, хорошо! Покорнѣйше васъ благодарю. (Беретъ ассигнаціи и, скомкавши, кладетъ ихъ въ карманъ.)

Городничій (въ сторону).

Ну, слава Богу, по крайней мѣрѣ деньги взялъ! Теперь дѣло, можетъ быть, на ладъ пойдетъ. Я таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ.

Эй, Осипъ! (Осипъ входитъ.) Позови сюда трактирнаго слугу! (Къ городничему и Добчинскому.) А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. (Добчинскому.) Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій.

Ничего, я и такъ постою.

Хлестаковъ.

Садитесь, пожалуйста, я васъ прошу. (Къ Добчинскому.) Садитесь. (Городничій и Добчинскій садятся.)

Городничій (въ сторону).

Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Нужно такъ прикинуться, какъ будто бы совсѣмъ не знаешь, что онъ за человѣкъ. (Вслухъ.) Мы такъ сегодня по утру прохаживались здѣсь: все утро хлопотали по должности, а потомъ вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего и дѣла нѣтъ, лишь бы ему было хорошо; но я кромѣ должности еще по христіанскому человѣколюбію хочу, чтобы всякому смертному оказывался хорошій пріемъ, и потому зашелъ тотъ же часъ въ гостиницу и обязанъ этому пріятнымъ знакомствомъ съ вами.

Хлестаковъ.

Да я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: я, право, совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій (въ сторону).

Да, разсказывай себѣ! (Вслухъ.) Осмѣлюсь ли спросить, куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ.

Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій

(въ сторону, дѣлая ироническую гримасу).

Въ Саратовскую губернію!.. хе, хе, хе! Да, какъ разъ! (Вслухъ.) Да, пріятная прогулка для ума и сердца. Въ дорогѣ способности хорошо развиваются... И вы, вѣрно, такъ только, по своей охотѣ, ѣдете туда, для своего удовольствія?

Хлестаковъ.

Да, батюшка меня требуетъ: хочетъ меня видѣть возлѣ себя.

Городничій

(въ сторону, смѣясь и прищуривъ глазъ).

Батюшка требуетъ! Хе, хе, хе!.. (Вслухъ.) И на долгое время изволите ѣхать туда?

Хлестаковъ.

Да я полагаю, навсегда. Я ужъ давно подалъ отставку: хочется пожить на волѣ.

Городничій (въ сторону, дѣлая гримасу).

Подалъ въ отставку! (Вслухъ.) Это хорошо вы дѣдаете, очень хорошо! Что служба? Однѣ хлопоты: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще когда будетъ. (Окидываетъ глазами комнату.) Что это, какъ будто бы тамъ въ углахъ пятна — похожи нѣсколько на течь? Вѣрно, бываетъ сыро? Вотъ стѣны ужъ слишкомъ низенькія. Мнѣ кажется, эта комната для васъ не слишкомъ удобна

Хлестаковъ.

Да, очень скверная комната. Я никогда не останавливался въ такой дурной комнатѣ. Тамъ вездѣ по дорогѣ, гдѣ проѣзжалъ я, было хорошо: живопись и люстры; а здѣсь ничего нѣтъ, и клопы такіе, какихъ еще не видывалъ нигдѣ: такъ, канальи, какъ собаки, кусаютъ.

Городничій.

Да вонъ и паутина виситъ! Кажется, и мухи нѣсколько опачкали, и такъ, — сколько на мои слабые глаза, — даже нѣсколько темновато.

Хлестаковъ.

Да, совсѣмъ темно, и хозяинъ завелъ такое скверное обыкновеніе — не отпускать совсѣмъ свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или такъ придетъ фантазія сочинить что-нибудь; но никакъ не можно, оттого, что вовсе темно.

Городничій.

Позвольте попросить васъ переѣхать ко мнѣ въ домъ. У меня есть для васъ очень удобная комната.

Хлестаковъ.

А, я очень радъ. А что, у васъ развѣ хорошая комната?

Городничій.

Прекрасная комната; и столъ тоже вы будете у меня имѣть, хоть не такой, какъ въ столицѣ: припасы все свѣжіе, — не такіе, какіе отпускаютъ въ трактирѣ за деньги. Не откажите! А я ужъ такъ буду радъ гостю! У меня такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства; все, что ни есть, радъ предложить, особливо, если еще

притомъ гость такой образованный. Я, признаюсь, сейчасъ ощутилъ къ вамъ самую сильную привязанность.

Хлестаковъ.

Покорно благодарю васъ. Мнѣ тоже вы очень понравились.

Явленіе IX.

Тѣ же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипомъ. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь.

Слуга.

Изволили спрашивать?

Хлестаковъ.

Да, подай счетъ.

Слуга.

Я ужъ давеча подалъ вамъ другой счетъ.

Хлестаковъ.

Я ужъ не помню.

Слуга.

Вы изволили въ первый день спросить двѣ бутылки шампанскаго, обѣдъ и ужинъ, а на другой день одинъ обѣдъ, на третій день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

Хлестаковъ.

Ну, да всего то сколько слѣдуетъ?

Городничій.

Да вы не извольте безпокоиться: онъ подождетъ. (Слугѣ.) Пошелъ вонъ! тебѣ пришлютъ.

Хлестаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, и то правда.

(Слуга уходитъ; въ дверь выглядываетъ Бобчинскій.)

Явленіе X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій.

Не угодно ли будетъ вамъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ то: богоугодныя и другія?

Хлестаковъ.

А что тамъ такое?

Городничій.

А такъ, посмотрите, какой у насъ порядокъ, какъ у насъ идетъ все это теченіе дѣлъ... Знаете, это для наблюдательнаго ума хорошо: тутъ можно вывести много полезнаго.

Хлестаковъ.

Извольте, съ большимъ удовольствіемъ; я готовъ.

(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь.)

Городничій.

Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище — осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ.

Извольте, извольте.

Городничій.

Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы, — разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ.

Нѣтъ... тюрьмы и острогъ... я не... Лучше я посмотрю богоугодныя заведенія.

Городничій.

Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ

Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій (Добчинскому).

Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добчинскій.

Ничего, я такъ...

Городничій.

Вы побѣгите наскоро ко мнѣ и скажите женѣ моей... или лучше я дамъ вамъ записочку. (Хлестакову.) Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну только строчку къ женѣ, чтобы она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлестаковъ.

О, помилуйте, зачѣмъ безпокоиться! Впрочемъ, извольте, напишите: вотъ тутъ и чернила есть, только бумаги не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?..

Городничій.

Я здѣсь напишу. (Пишетъ и отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери; но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія: „ухъ!“ Бобчинскій подымается.)

Хлестаковъ.

Что, не зашиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій.

Ничего, ничего, Вашество! Только сверху носа небольшая нашлепка. Я забѣгу къ Крестьяну Ивановичу: онъ дастъ мнѣ пластырь, и все пройдетъ.

Городничій

(дѣлаетъ Бобчинскому укорительный знакъ; Хлестакову).

Прошу покорнѣйше, пожалуйте! А слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. (Осипу.) Любезнѣйшій! ты переноси все ко мнѣ, къ городничему; тебѣ всякой покажетъ. Прошу покорнѣйше! (Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ; но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому.) Ужъ и вы! Не нашли другого мѣста упасть! (Уходитъ, за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается.)

Дѣйствіе третье.

Комната перваго дѣйствія.

Явленіе I.

Анна Андреевна и Марья Антоновна (стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ).

Анна Андреевна.

Ну, вотъ ужъ цѣлый часъ дожидаемся. А все глупое это жеманство: одѣлась вѣдь, совершенно одѣлась — нѣтъ, еще нужно: „я, маменька, косыночку, я булавочку“... Было не слушать ее вовсе! Экая досада! Какъ нарочно ни души! Какъ будто вымерло все. Хотя бы по крайней мѣрѣ что-нибудь узнать теперь — одно слово только! Ну, по крайней мѣрѣ, кто пріѣхалъ!

Марья Антоновна.

Да, право, маменька, черезъ минуты двѣ все узнаемъ: ужъ скоро Авдотья должна придти.

Анна Андреевна.

Черезъ минуту, мнѣ хочется — черезъ минуту! Я и безъ того уже часъ битой дожидаюсь. Желательно знать, что эта сквернавка тамъ дѣлаетъ. Вѣдь сорокъ лѣтъ, если не больше, а если послать куда, ни за что не побѣжитъ, какъ слѣдуетъ: и начнетъ финтить и этою рукою, и другою, и назадъ поворачивается: воображаетъ, что позадь забора стоитъ Земляникинъ кучеръ. И кучеръ такой негодный пьяница! Я ей скажу, чтобъ она и въ умъ ничего не забирала себѣ. Негодная вертопрашка! Какъ, право, до сихъ поръ... Хоть бы что нибудь узнать!

Марья Антоновна.

Маменька, маменька! Кто то идетъ, вонъ въ концѣ улицы.

Анна Андреевна.

Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи. Ну, да, идетъ. Кто жъ это идетъ? Небольшого роста... во фракѣ... Кто жъ это? А? Это однакожъ досадно! Кто жъ бы это такой былъ?

Марья Антоновна.

Это Добчинскій, маменька.

Анна Андреевна.

Какое Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое! Совсѣмъ не Добчинскій. (Машетъ платкомъ.) Эй, вы, ступайте сюда скорѣе!

Марья Антоновна.

Право, маменька, Добчинскій.

Анна Андреевна.

Ну, ботъ; такъ нарочно, чтобы только поспорить. Говорятъ тебѣ: не Добчинскій.

Марья Антоновна.

А что? А что, маменька? Видите, что Добчинскій.

Анна Андреевна.

Ну да, Добчинскій; теперь я вижу; изъ чего же ты споришь? (Кричитъ въ окно.) Скорѣй, скорѣй! (Слышенъ издали невнятный голосъ: А?.) — Я говорю: скорѣе, скорѣе! Вы тихо идете.

Голосъ Добчинскаго.

Нѣтъ, я не тихо иду.

Анна Андреевна.

Ну что, гдѣ они? Пріѣхалъ? А? Что жъ тамъ? что тамъ такое? Да говорите же оттуда, все равно. Что? Строгой? А? А мужъ, мужъ? (Немного отступя отъ окна, съ досадою.) Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ,

---

Явленіе II.

Тѣ же и Добчинскій.

Анна Андреевна.

Ну, скажите пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго че-

ловѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда жъ за ними! И я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ! Я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

Добчинскій.

Ей, Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевесть. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

Марья Антоновна.

Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

Анна Андреевна.

Ну, что? Ну, разсказывайте: что и какъ тамъ?

Добчинскій.

Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

Анна Андреевна.

Ну, да онъ кто такой? Генералъ?

Добчинскій.

Нѣтъ, не генералъ, а не уступитъ генералу: такое образованіе и важные поступки!

Анна Андреевна.

А, такъ это точно тотъ чиновникъ, про котораго мужу писано?

Добчинскій.

Настоящій. Я это первый открылъ — вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андреевна.

Ну, разскажите: что, какъ?

Добчинскій.

Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово, сердился и говорилъ, что и въ гостиницѣ все нехорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли и, слава Богу, все пошло... хорошо пошло. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... А то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса. Я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андреевна.

Да вамъ то отчего бояться? Вѣдь вы не служите.

Добчинскій.

Да такъ, знаете: когда вельможа говоритъ, то чувствуешь страхъ.

Анна Андреевна.

Ну, что жъ... Это все однакожъ вздоръ. Разскажите, каковъ онъ собою: что, старъ или молодъ?

Добчинскій.

Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ; а совсѣмъ такъ говоритъ, какъ старикъ. „Извольте“, говоритъ, „я поѣду туда и туда“... Такъ это все славно! „Я“, говоритъ, „и написать, и почитать люблю, но мѣшаетъ, что въ комнатѣ“, говоритъ, „очень темно“.

Анна Андреевна.

Ну, что, какъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

Добчинскій.

Нѣтъ, больше шантретъ[1], и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущеніе даже приводятъ.

Анна Андреевна.

Что тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ? — „Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное, но, уповая на милосердіе Божіе... за два соленые огурца особенно и полпорціи икры — рубль двадцать пять копеекъ“... (Останавливается.) Я ничего не понимаю: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

Добчинскій.

А! это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ по скорости: тамъ какой то счетъ былъ написанъ.

Анна Андреевна.

А, да, да, точно; такъ, стало быть, нужно читать, что написано чернилами потемнѣе. (Продолжаетъ читать.) „Но, уповая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, — ту, что выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи у Артемія Филипповича. А вина вели побольше; скажи купцу Авдулину, чтобы прислалъ

---

[1] Шатенъ.

самаго лучшаго, а не то я перерою весь его погребъ. Цѣлуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой Антонъ Сквозникъ-Прочуханскій". Ахъ, Боже мой! Это однакожъ нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добчинскій

(бѣжитъ и кричитъ въ дверь).

Мишка! Мишка! Мишка!

(Мишка входитъ.)

Анна Андреевна.

Послушай, бѣги къ купцу Авдулину... постой, я дамъ тебѣ записку. (Садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ.) Эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобы онъ пошелъ съ нею къ купцу Авдулину и привезъ оттуда вина. А самъ поди, сейчасъ прибери хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставить кровать, и скажи Авдотьѣ — приставить все, что слѣдуетъ: рукомойникъ и прочее.

Добчинскій.

Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

Анна Андреевна.

Ступайте, ступайте! Я не держу васъ.

Явленіе III.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна.

Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ — столичная штука: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ! Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

Марья Антоновна.

Фи, маменька, голубое! Мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, я лучше цвѣтное...

Анна Андреевна.

Цвѣтное!.. Право, говоритъ лишь бы только наперекоръ! Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что и я хочу надѣть палевое: я очень люблю палевое.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, вамъ нейдетъ палевое!

Анна Андреевна.

Мнѣ палевое нейдетъ?

Марья Антоновна.

Нейдетъ; я, что угодно, даю, нейдетъ; для этого нужно, чтобы глаза ужъ слишкомъ были хороши и совсѣмъ темные.

Анна Андреевна.

Вотъ хорошо! А у меня глаза развѣ не темные? — самые темные. Какой вздоръ говоритъ! Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, вы больше червонная дама!

Анна Андреевна.

Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. А что касается до того, хороши ли мои глаза, то я и теперь скажу смѣло, что никогда и не было ни у кого и не будетъ такихъ глазъ; пусть другое что-нибудь не такъ и не хорошо, — я съ этимъ не буду спорить, — но что до глазъ моихъ, то извините, сударыня! Это можно только сказать человѣку безтолковому, а всякой со вкусомъ бываетъ совершенно очарованъ. Когда жила у насъ полковница, которая ужъ такая была модница, какой я именно не знаю, — выписывала все платье изъ Москвы, — бывало мнѣ нѣсколько разъ повторяетъ: „Сдѣлайте милость, Анна Андреевна, откройте мнѣ эту тайну, отчего ваши глаза просто говорятъ“. — И всѣ, бывало, въ одинъ голосъ: „Съ вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы отъ вашей любезности позабыть всѣ дѣла и обстоятельства“. А стоявшій въ то время штабъ-ротмистръ Ставрокопытовъ, — онъ не помню, проживалъ за ремонтомъ, что ли? Красавецъ! Лицо свѣжее, румянецъ — какъ я не знаю что, глаза черные-черные, а воротнички рубашки его — это батистъ такой, какова никогда еще купцы наши не подносили намъ, онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ: „Клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не видалъ, не начитывалъ даже такихъ глазъ! Я не знаю, что со мною дѣлается, когда гляжу на васъ“... На мнѣ еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями съ колосками, обложенная тон-

кою, не больше, какъ въ палецъ, блондою: это просто было обвороженіе! Такъ говоритъ, бывало; „Я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольствіе, когда гляжу на васъ, что самая страсть моя изнываетъ и“... Я ужъ не могу теперь припомнить, что онъ мнѣ говорилъ. Куды жъ! Онъ послѣ того такую поднялъ исторію: хотѣлъ непремѣнно застрѣлиться, да, говорятъ, какъ то въ разсѣянности позабылъ зарядить пистолетъ, да и порохъ тотъ часъ куда то запропастился, потому только и остался живъ; а случись порохъ, его давно бы уже не было на свѣтѣ.

Марья Антоновна.

Я не знаю, маменька... Мнѣ однакожъ кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

Анна Андреевна.

Никогда, никогда! Вотъ этого уже нельзя сказать! Что вздоръ, то вздоръ.

Марья Антоновна.

Нѣтъ, право, маменька!... Когда вы этакъ говорите или сидите въ профили, у васъ губы все...

Анна Андреевна.

Пожалуйста, не толкуй этакого вздора! Такая несносная! Боже сохрани, какъ-нибудь не поспорить! Хоть что-нибудь наперекоръ! Вотъ, что у матери ея хорошіе глаза, такъ ужъ ей и завидно. За этими спорами я заболталась съ тобой. Того и гляди, что онъ пріѣдетъ и застанетъ насъ одѣтыми, Богъ знаетъ какъ. (Поспѣшно уходитъ, за ней Марья Антоновна.)

(По уходѣ ихъ отворяются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ щеткою соръ. Изъ другихъ дверей входитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ.)

Явленіе IV.

Мишка и Осипъ.

Осипъ.

Куда тутъ?

Мишка.

Сюда, дядюшка, сюда!

Осипъ.

Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ, ты горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка.

Что, дядюшка, скажите пожайлуста: скоро будетъ генералъ?

Осипъ.

Какой генералъ?

Мишка.

Да баринъ вашъ.

Осипъ.

Баринъ? Да какой онъ генералъ?

Мишка.

А развѣ не генералъ?

Осипъ.

Генералъ, да только съ другой стороны.

Мишка.

Что жъ, это больше или меньше настоящаго генерала?

Осипъ.

Больше.

Мишка.

Вишь ты какъ! То-то у насъ сумятицу подняли.

Осипъ.

Послушай, малой: ты, я вижу, проворный парень — приготовь-ка тамъ чего-нибудь поѣсть.

Мишка.

Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово: простова блюда вы не будете кушать; вотъ какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ.

Осипъ.

Ну, а простова то что есть у васъ? ..

Мишка.

Щи, каша, да пироги.

Осипъ.

Давай ихъ: щи, кашу, пироги! Ничего, все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Что тамъ другой выходъ есть?

Мишка.

Есть.

(Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату.)

Явленіе V.

(Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ Хлестаковъ; за нимъ городничій, далѣе попечитель богоугоднаго заведенія, смотритель училищъ, Добчинскій и Бобчинскій съ краснымъ носомъ и пластыремъ. Городничій указываетъ квартальному на полу бумажку, который бѣжитъ и снимаетъ ее.)

Хлестаковъ.

Очень благодаренъ вамъ, господа, за то, что показали мнѣ свои заведенія. Хорошія заведенія! Скажите, пожалуйста; у васъ ужъ, вѣрно, такъ водится, чтобы показывать проѣзжающимъ все въ городѣ? Это хорошо. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Городничій.

Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользѣ. А здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

Хлестаковъ.

Завтракъ тоже былъ очень не дуренъ. Что, у васъ каждый день бываетъ такой завтракъ или но нѣкоторымъ днямъ?

Городничій.

Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлестаковъ.

Покорнѣйше благодарю. Я тоже васъ прошу, господа, если пріѣдете ко мнѣ въ деревню... Вина тоже были у васъ очень хороши. Я никакъ не полагалъ, чтобы въ уѣздномъ городишкѣ могли быть они. А это какая была рыба? Кажется, не лососина?

Артемій Филипповичъ.

Лабарданъ.

Хлестаковъ.

Очень, очень вкусная; я давно такой не ѣлъ. Гдѣ это мы завтракали? Кажется, въ больницѣ?

Артемій Филипповичъ.

Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ.

Да, именно, тамъ стояли кровати. Что, больные, вѣрно, выздоровѣли? Тамъ что то ихъ было немного.

Артемій Филипповичъ.

Человѣкъ десять осталось, не больше, а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство: можетъ быть, вамъ покажется невѣроятнымъ, но всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ ужъ и здоровъ, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ содержанія.

Городничій.

Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, многотрудна и головоломна обязанность здѣшняго градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ относительно одной чистоты, починки, поправки, такъ что у иного голова бы перевернулась; но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно, и въ 10 лѣтъ столько сдѣлано для блага общественнаго, что узнать нельзя. Еслибы изволили навѣстить прежде нашъ городъ, то возымѣли бы самое дурное понятіе. Конечно, иной, будучи въ моей должности, бралъ бы взятки и составилъ бы тѣмъ себѣ состояніе; но я имѣю совсѣмъ другой образъ мыслей. Вѣрите ли, что, когда ложусь даже спать, все думаешь: „Господи Боже Ты мой! какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?...“ Наградитъ ли оно или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, но крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало... то чего же мнѣ больше? Ей Богу, и почестей никакихъ не хочу! Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Артемій Филипповичъ (въ сторону).

Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ! Далъ же Богъ этакой даръ!

Хлестаковъ.

Да, я и самъ люблю этакъ иногда заумствоваться и пофилософствовать; такъ, знаете, иногда прозой, а иногда напишешь стишки — хоть и въ водевиль.

Бобчинскій (Добчинскому).

Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ.

Скажите, пожалуйста: нѣтъ ли у васъ тутъ такихъ обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, этакъ поиграть въ карты?

Городничій (въ сторону).

Эге! Знаемъ, голубчикъ, куда это перо летитъ! (Вслухъ). Боже сохрани! Здѣсь и слуха нѣтъ о такимъ обществахъ. Я карты въ руки никогда не бралъ, ей Богу! и даже не знаю, какъ тамъ играть въ эти карты. Даже никогда не могъ смотрѣть на нихъ; и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля и что-нибудь другое, то такое омерзѣніе нападетъ, что просто плюнешь (плюетъ). Разъ какъ то, случилось, выстроилъ, забавляя дѣтей, будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились, проклятыя. Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ!

Лука Лукичъ (въ сторону).

А у меня, подлецъ, вчера сто рублей выигралъ.

Городничій.

Лучше жъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ.

Да, конечно... Впрочемъ, вы напрасно говорите: иногда очень заманчиво поиграть въ карты. Мнѣ случилось...

Явленіе VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій.

Осмѣлюсь представить вамъ семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ (раскланиваясь).

Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю удовольствіе васъ видѣть!

Анна Андреевна.

Намъ еще болѣе пріятно видѣть... такую особу...

Хлестаковъ.

Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе встрѣтить въ васъ такую свѣтскую любезность, и, ужъ какъ вы хотите, я долженъ вамъ сказать...

Анна Андреевна.

Прошу покорнѣйше садиться.

Хлестаковъ.

Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ ужъ непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ такъ близко!..

Анна Андреевна.

Я никакъ не смѣю подумать или принять на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы дорога ваша показалась очень скучною?

Хлестаковъ.

Чрезвычайно скучна. Знаете, сдѣлавши привычку жить въ свѣтѣ, пользоваться всѣми удобствами, и вдругъ послѣ этого въ какой-нибудь скверной дорогѣ! Вездѣ такая чепуха; не встрѣтишься съ образованнымъ человѣкомъ, съ которымъ бы можно поговорить о чемъ-нибудь; станціонные смотрители такіе невѣжи, народъ безъ воспитанія... Еслибы, признаюсь, не случай, который меня вознаградилъ совершенно (посматриваетъ на Анну Андреевну), то я не знаю, что бы со мною было.

Анна Андреевна.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно!

Хлестаковъ.

Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна.

Вы дѣлаете много чести.. Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ.

Отчего не заслуживаете? Вы, сударыня, очень заслуживаете.

Анна Андреевна.

Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ.

Да, конечно, это не то, что въ городѣ. Впрочемъ, деревня тоже пріятна: ручейки, хижинки, зефиры..

Анна Андреевна.

А тамъ зато, я думаю, все въ магазинахъ самыя модныя вещи и съ самымъ тонкимъ вкусомъ.

Хлестаковъ.

О, да, тамъ вы найдете все, что захотите. Одѣ-

нутъ васъ. Портные тамъ удивительно шьютъ. Если вамъ понадобится, напримѣръ, сдѣлать себѣ фракъ и панталоны, вы просто приходите къ нему и скажите: „Вотъ мнѣ нужны фракъ и панталоны“, и можете быть увѣрены, что фрака такого вамъ нигдѣ не сошьютъ.

Анна Андреевна.

Скажите, какъ скоро!

Хлестаковъ.

Да, я служу тамъ съ большою выгодою. Это правда, что на мнѣ небольшой чинъ: ужъ никакъ не больше коллежскаго ассессора, даже немножко меньше. Но зато меня ужъ вся канцелярія знаетъ, и начальникъ отдѣленія совершенно со мной на дружеской ногѣ: этакъ ударитъ по плечу: „приходи, братецъ, обѣдать!“ Я, можно сказать, одинъ у насъ завѣдываю всѣми дѣлами. Въ канцеляріи безъ меня былъ бы страшный ералашъ. А я, знаете, я только приду, скажу: „это вотъ такъ, это вотъ этакъ“; тотчасъ наскоро напишу отношеніе изъ одного отдѣленія въ другое — все это такъ живо! Мнѣ тамъ ужъ и кресло стоитъ особенно, какъ будто столоначальнику, право! (Городничему.) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь. Я не церемонный.

Городничій.
Чинъ такой, что еще можно постоять.

Артемій Филипповичъ.
Мы постоимъ.

Лука Лукичъ.
Не извольте безпокоиться!

} Вмѣстѣ.

Хлестаковъ.

Безъ чиновъ, прошу садиться. (Городничій и всѣ садятся.) А какой странный со мною анекдотъ случился во время проѣзда въ гостиницѣ. Пріѣзжаю я, вотъ въ этакую самую пору... только нѣтъ, правда, это было около вечера... только вижу, въ гостиницѣ ужъ дожидается какой то этакой молодой человѣкъ, которыхъ называютъ (вертитъ рукою) фу, фу! въ козырькѣ какомъ то эдакомъ залихвацкомъ. Я ужъ какъ только вошелъ: „ну“, думаю себѣ, „хорошъ ты гусь!“ Нужно вамъ знать, что мнѣ ѣсть страшнымъ образомъ хотѣлось. Только трактирщикъ приходитъ и говоритъ: „Ну, господа, какъ хотите, только и есть всего одна куропатка: когда хотите, подѣлитесь поровну, а нѣтъ — такъ который-нибудь одинъ

долженъ съѣсть“. Ну, дѣлить то я, думаю себѣ, ни за что не хочу. Зачѣмъ же дѣлить, чортъ возьми! Ему дать даромъ куропатку! А къ тому жъ аппетитъ — проклятый просто. Вотъ я думаю: „Постой же ты, голубчикъ, я тебя подбрею“. — „Ну, милостивый государь, видите ли: кому-нибудь изъ насъ нужно съѣсть. Не хотите ли, мы вотъ какъ сдѣлаемъ: пусть каждый изъ насъ заснетъ теперь, и кто увидитъ изъ насъ лучшій сонъ — того куропатка.“ — „Пожалуй, пожалуй!“ Вотъ трактирщикъ сейчасъ прибѣжалъ: „Не прикажете ли диванъ?“ — „Да зачѣмъ? — „Помилуйте, помилуйте! Какъ такъ спать, Иванъ Александровичъ? Иванъ Александровичъ, вамъ будетъ неловко!“ — „Ничего,“ говорю себѣ: „я человѣкъ походный — привыкъ ужъ“. Только, мой молодчикъ въ козырку, смотрю я, растянулся на всемъ диванѣ и свою венгерку, — и венгерку ему шилъ какой то дрянной портнишка, совсѣмъ не Ручъ, — храпитъ такъ, что... [1] А я, нужно сказать, облокотился на стулѣ и такъ сдѣлалъ знакъ, какъ будто сплю. Только жъ замѣтилъ, что онъ спитъ, я сейчасъ потихоньку накинулъ на себя халатъ, потихоньку къ шкапу и — преспокойно съѣлъ себѣ куропатку. Только по утру просыпается мой молодецъ въ венгеркѣ, будитъ меня: „Вставайте! я видѣлъ сонъ такой, какого вамъ никогда не удастся видѣть“. И вретъ чепуху мнѣ такую... дмется, такъ расписываетъ, что его и на небо подняли и въ самый рай внесли. „Ну, братецъ“, я говорю: „я какъ увидѣлъ, что тебя подняли въ рай, такъ подумалъ, что ты ужъ совсѣмъ не воротишься на землю да и съѣлъ куропатку“. Еслибы вы увидѣли, въ какое бѣшенство впалъ мой франтъ! „Ужъ этотъ“, говоритъ, „Хлестаковъ! Всегда онъ надѣлаетъ такихъ штукъ.“ (Городничій и всѣ почтительно смѣются.)

Анна Андреевна.

Какъ это забавно! Какой простакъ вашъ пріятель!

Хлестаковъ.

Да, этакихъ молодчиковъ много есть на свѣтѣ; мнѣ часто случалось имѣть съ ними дѣло... Я въ Петербургѣ бываю во всѣхъ лучшихъ обществахъ. Меня даже разъ, когда я шелъ пѣшкомъ, приняли за Дибича-Забалканскаго, право! И удивительно то, что даже на мнѣ не было военной шинели: всѣ солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже ихъ

[1] Одно слово не разобрано.

офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: „ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за Дибича-Забалканскаго“.

Анна Андреевна.

Скажите, какъ!

Хлестаковъ.

Да, меня уже вездѣ знаютъ. Я на всѣхъ гуляньяхъ бываю, въ театрѣ... Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже литературою занимаюсь: на сцену разные водевильчики даю и довольно, знаете, этакъ удачно. Литераторовъ часто вижу. А какъ странно сочиняетъ Пушкинъ! Вообразите себѣ: передъ нимъ стоитъ въ стаканѣ ромъ, славнѣйшій ромъ, — рублей по сту бутылка, какова только для одного Австрійскаго императора берегутъ, — и потомъ, ужъ какъ начинаетъ писать, такъ перо только: тр... тр... тр... Недавно онъ такую написалъ піесу: „Лѣкарство отъ холеры“, что просто волосы дыбомъ становятся. У насъ одинъ чиновникъ съ ума сошелъ, когда прочиталъ: того же самаго дня пріѣхала за нимъ кибитка, и взяли его въ больницу. Съ Булгаринымъ обѣдаю.

Анна Андреевна.

Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ.

Да, какъ же, я помѣщаю разные водевили и такія разныя театральныя штучки. Моихъ впрочемъ много есть сочиненій: Женитьба Фигарова, Сумбека... Вотъ и Финелла — тоже мое сочиненіе, Робертъ... И все это такъ, по случаю. Я даже не хотѣлъ ихъ, признаюсь, писать, но театральная дирекція говоритъ: „Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь“. Думаю себѣ: „пожалуй, изволь, братецъ“; и тутъ же, въ канцеляріи, началъ одну изъ нихъ. Да и въ журналахъ помѣщаю сочиненія: въ „Московскомъ Телеграфѣ“ и въ „Библіотекѣ для чтенія“. Да, если сказать правду, то я самъ почти все тамъ дѣлаю. Вотъ эти всѣ статьи, что были тамъ Брамбеуса, это мои.

Анна Андреевна.

Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ!

Хлестаковъ.

Да, это все мои: и Марлинскіе и другія разныя со-

чиненія. Мнѣ Смирдинъ двадцать пять тысячъ плотитъ. Какъ же! Я тамъ главный распорядитель въ его журналѣ. У меня все это... Безъ меня ничто тамъ не помѣщается; я тамъ всѣ статьи переправляю [1].

Анна Андреевна.

Такъ, вѣрно, это „Юрій Милославскій“ ваше сочиненіе?

Хлестаковъ.

Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна.

Да, я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, тамъ написано: это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна.

Ну вотъ, я такъ и знала: даже здѣсь будетъ спорить!

Хлестаковъ.

Ахъ, да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой „Юрій Милославскій“, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна.

Ну это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ.

Да, я за словесность получаю сорокъ тысячъ въ годъ. Я этимъ составилъ себѣ состояніе. У меня два дома есть въ Петербургѣ, и еслибы вы подошли къ моему дому, то вы бы подумали, что дворецъ. А я нарочно ужъ такъ велѣлъ архитектору, чтобы далъ самый лучшій видъ: такъ вездѣ колонны и вазы. Я самъ даю балы даже иногда.

Анна Андреевна.

Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы!

Хлестаковъ.

Да, балы тамъ такіе!.. Вотъ, напримѣръ, балъ у графа Кочубея: ему кушанье присылаютъ прямо изъ Лондона, даже этакъ какъ принесутъ съ корабля, то

[1] Брамбеусъ-Сенковскій переправлялъ по-своему большинство присылаемыхъ въ „Библіотеку для чтенія“ статей, даже беллетристическихъ.

маленькой паръ еще слышенъ. Да, батюшка, тамъ каждая десертная тарелочка, такъ это, я вамъ скажу, просто объяденіе! Одинъ рябчикъ стоитъ восемь сотъ рублей, да какая-нибудь перепелка рублей тысячу. Подадутъ вамъ какой-нибудь этакой пирогъ, что самъ онъ горячъ такъ, что вы не можете взять въ ротъ, а въ серединѣ мороженое, холодное, вотъ какъ ледъ. Да, я каждый разъ бываю на этихъ балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ финансовъ, министръ юстиціи, французскій посланникъ и я. И какъ только иногда какъ-нибудь замѣшкаюсь, то ужъ министры говорятъ: „Да гдѣ жъ Иванъ Александровичъ? Послать за Иваномъ Александровичемъ!“ И какъ начнемъ играть, то, просто, я вамъ скажу, что ужъ ни на что не похоже: дня два, не сходя со стула, играемъ! И такъ уморишься, такъ уморишься, что какъ взбѣжишь къ себѣ на лѣстницу въ четвертый этажъ, то просто сбросишь съ себя шинель кухаркѣ и скажешь только: „На, Маврушка!“ А потъ такъ въ три ручья и льется! И на другой день въ должность ужъ никакъ не хочешь идти. „Осипъ, и не буди меня!“ бывало, говорю: „ей Богу, не пойду!“ Впрочемъ, я это такъ только говорю, а у меня должность тутъ же на дому, и чиновники всегда ко мнѣ приходятъ. А любопытно очень видѣть, еслибы нарочно заглянули, когда я проснусь: въ передней у меня графы и князья толкутся и жужжатъ такъ, какъ шмели; только слышно: ж...ж...ж... „Да подите“, думаю себѣ, „къ...“ Ну, нечего дѣлать, нужно однакожъ выдти къ нимъ. И нельзя, впрочемъ: иной разъ министръ, не то, что бы всегда, а иногда заѣдетъ. (Городничій и прочіе съ робостію встаютъ съ своихъ стульевъ.) Всѣмъ нужда ко мнѣ: я вѣдь имѣю самое прибыточное мѣсто. Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ иногда: „Ваше Превосходительство“; у меня и звѣзда есть: небольшая только, маленькая — вотъ такая (показываетъ рукою на фракъ). Я одинъ разъ даже управлялъ министерствомъ, право! И такъ это странно случилось! Министръ куда то уѣхалъ, всѣ думали: кому дать исправлять должность? кто будетъ? какъ и что? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но пойдутъ, бывало: — „нѣтъ, мудрено!“ Кажется, и легко на видъ, а разсмотришь — нѣтъ, чортъ возьми, трудно! Да послѣ видятъ, что нечего дѣлать — ко мнѣ. „Иванъ Александровичъ“, говорятъ, „можетъ это сдѣлать“. И тотчасъ фельдъ-егерь скачетъ: „Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ! ступайте министерствомъ управлять!“ Я, признаюсь, немного смутился: вышелъ въ халатѣ — ну, ужъ отказаться, да

думаю себѣ: дойдетъ до государя... непріятно. Ну, да и не хотѣлось испортить свой послужной списокъ. „Извольте“, говорю, „господа, я принимаю должность, только ужъ у меня прошу не такъ, ужъ теперь ни, ни, ни!.. Ужъ у меня ухо востро держите!.. Я ужъ...“ И точно: бывало, какъ прохожу, то у меня чиновники всѣ вотъ такъ трясутся. (Городничій и прочіе трясутся отъ страха.) Я и въ Государственномъ Совѣтѣ присутствую, и во дворецъ: если тамъ иногда маленькіе балы случатся, то за мной ужъ посылаютъ. Да меня даже хотѣли сдѣлать... (не могши придумать, останавливается). Да! А какія есть хорошенькія магазинщицы на Невскомъ проспектѣ!..

Городничій

(подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить).

А ва...ва...ва...ва...

Хлестаковъ.

Что такое? Вы что то говорите?

Городничій.

А ва... ва... ва... ва...

Хлестаковъ.

Не разберу ничего.

Городничій.

Ва...ва...ва...шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. Вотъ и комната, и все, что нужно...

Хлестаковъ.

А, хорошо, хорошо! Мнѣ точно что то немного зѣвается. (Встаетъ). Вы меня извините, сударыня: право, чрезвычайно хочется спать. Завтракъ былъ у васъ хорошъ. (Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій.)

Явленіе VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій (Добчинскому).

Вотъ это, Петръ Ивановичъ, какой важный человѣкъ! Я, ей Богу, никогда еще не былъ въ присутствіи такой важной персоны. Я чуть не умеръ со страху, ей Богу! Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой?

Добчинскій.

Я думаю, что чуть ли не генералъ.

Бобчинскій.

А я такъ думаю, что генералъ ему и въ подметки не станетъ; а когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ, ей Богу! И во дворецъ ѣздитъ!.. Пойдемъ, Петръ Ивановичъ, разскажемъ Аммосу Ѳедоровичу и Коробкину: они еще ничего объ этомъ не знаютъ. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій.

Прощайте, кумушка!

Артемій Филипповичъ (Лукѣ Лукичу).

Шутите! Съ этакою молодостію да такія должности отправляетъ! Я еще, признаюсь, никогда такова ревизора не видѣлъ. Прощайте, сударыня! (Уходитъ, за нимъ Лука Лукичъ.)

Явленіе VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна.

Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна.

Ахъ, милашка!

Анна Андреевна.

Но только какое тонкое обращеніе! Сейчасъ можно увидѣть столичную штучку: пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я просто безъ памяти... Онъ однакожъ меня очень понравилъ: я замѣтила, все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, видите ли, какія вы! Онъ больше на меня глядѣлъ.

Анна Андреевна.

Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна.

Нѣтъ, маменька, право...

Анна Андреевна.

Ну вотъ! Боже сохрани, чтобъ не поспорить! Нельзя, нельзя, да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой же стати ему смотрѣть на тебя?

Марья Антоновна.

Право, маменька, все смотрѣлъ: и какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня, и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ министромъ, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андреевна.

Ну, можетъ быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, вѣрно, лишь бы только... „А!“ говоритъ себѣ: „дай ужъ посмотрю на нее!“

Марья Антоновна.

Ей Богу, маменька, на васъ меньше глядѣлъ, чѣмъ на меня. Вы, можетъ быть, не видали, и оттого вамъ такъ кажется.

Анна Андреевна.

Сама ты „кажется“. Досаднѣе всего, когда начнетъ этакія разсужденія... Ты просто дура — и больше ничего. Тебѣ не слѣдуетъ мнѣ этакъ говорить; ты можешь это сказать своей Парашкѣ. Какія въ самомъ дѣлѣ глупости! Нельзя же ему дѣлать мнѣ прямо глазки: онъ знаетъ, что я женщина замужняя, да притомъ и дурачина мужъ мой тутъ же стоялъ.

Явленіе IX.

Тѣ же и городничій.

Городничій (входитъ на цыпочкахъ).

Тс... тс...

Анна Андреевна.

Что?

Городничій.

Прилегъ отдохнуть. Боже васъ сохрани тутъ какъ-нибудь шумѣть!

Анна Андреевна.

Послушай, да зачѣмъ же ты пригласилъ его въ комнату? Вѣдь нужно обѣдать; сейчасъ обѣдъ готовъ.

Городничій

(разставляя руки и задумываясь)

Обѣдать?

Анна Андреевна.

Да какъ же! Съ какой стати ты предложилъ ему спать?

Городничій.

Ну, матушка, признаюсь, я и самъ не знаю, отчего я ему предложилъ спать. Такъ совсѣмъ ошеломило! Страхъ такой напалъ: еще такова никогда не было ревизора. (Задумывается.) Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ: какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна.

А я никакой совершенно не ощущаю робости. Я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка; а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій.

Ну, ужъ вы женщины — все кончено: одного этого слова достаточно. Вамъ все это — тралала. Вдругъ брякнутъ ни изъ того, ни изъ другого словцо — васъ высѣкутъ да и только, а мужа и поминай, какъ звали! Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна.

Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы кой-что знаемъ такое...

Городничій.

Ну, ужъ съ вами говорить!.. Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. (Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь.) Мишка, позови квартальныхъ Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. (Послѣ небольшого молчанія.) Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькой, поджаристый такой — никакъ не узнаешь, что онъ важная особа. Однакожъ какъ онъ ни скрывался, а, наконецъ таки, не выдержалъ и все разсказалъ: видно, что человѣкъ молодой.

Явленіе X.

Тѣ же и Осипъ. (Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу и кивають ему пальцемъ.)

Анна Андреевна.

Подойди сюда, любезный!

Городничій.

Чш!.. Что, что? спитъ?

Осипъ.

Нѣтъ еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна.

Послушай, какъ тебя зовутъ?

Осипъ.

Осипъ, сударыня.

Городничій.

Полно, полно вамъ! Ну, что, другъ, тебя накормили хорошо?

Осипъ.

Накормили, покорнѣйше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна.

Ну, что, скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

Осипъ (въ сторону.)

А что говорить! Коли теперь накормили хорошо, значитъ, послѣ еще лучше накормятъ. (Вслухъ.) Да, бываютъ графы и князья.

Анна Андреевна.

А какою каретою баринъ твой ѣздитъ, если случится, во дворецъ — голубою или желтою?

Марья Антоновна.

Душенька Осипъ! Какой твой баринъ хорошенькой!

Анна Андреевна.

А Государь къ нему ѣздитъ?

Городничій.

Да перестаньте, пожалуйста! Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете... Ну, что, другъ?..

Анна Андреевна.

А чинъ какой на твоемъ баринѣ?

Осипъ.

Чинъ обыкновенно какой; извѣстно, что ужъ чинъ важный.

Городничій.

Ахъ, Боже мой! Вы все съ своими глупыми разспросами! Не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что, другъ, что? какъ тамъ твой баринъ?.. Что, строгъ? Любитъ этакъ распекать или нѣтъ?

Осипъ.

Да, порядокъ любитъ. Ужъ ему чтобы все было въ исправности!

Городничій.

А мнѣ очень нравится твое лицо, другъ; ты долженъ быть хорошій человѣкъ. Ну, что?...

Анна Андреевна.

А маскерады?...

Городничій.

Полно вамъ, право! Трещотки какія! Здѣсь нужная вещь: дѣло идетъ о жизни человѣка.... (Къ Осипу.) Ну, что, сосѣдъ, имѣешь ты хозяйку?

Осипъ.

Нѣтъ, сударь, еще не женатъ.

Городничій.

Право, мнѣ ты очень нравишься. Послушай: въ дорогѣ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ, — оно теперь холодновато, — такъ вотъ тебѣ пара цѣлковиковъ на чай.

Осипъ (принимая деньги).

А, покорнѣйше благодарю, сударь. Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! Бѣдный человѣкъ, помогли ему.

Городничій.

Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что, другъ?...

Анна Андреевна.

Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?...

Марья Антоновна.

Осипъ, душенька!...

Городничій.

Да постойте, дайте мнѣ! (Къ Осипу.) А что, другъ, скажи пожалуйста: на что больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то есть, что ему на дорогѣ больше всего нравится?

Осипъ.

Любитъ онъ по разсмотрѣнію, что́ какъ придется. Больше всего любитъ, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобъ было хорошее.

Городничій.

Хорошее?

Осипъ.

Вотъ ужъ на что я — крѣпостной человѣкъ, но и то смотритъ, чтобъ и мнѣ было хорошо. Ей Богу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: „Что, Осипъ, хорошо тебя угостили?“ — „Плохо, ваше высокоблагородіе!“ — „Э“, говоритъ: „это не хорошій человѣкъ — хозяинъ; ты, говоритъ, напомни мнѣ, какъ пріѣду“. А, думаю себѣ, (махнувъ рукою) Богъ съ нимъ! Я человѣкъ простой.

Городничій.

Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще, сверхъ того, на баранки.

Осипъ.

За что жалуете, ваше высокоблагородіе? (Прячетъ деньги.) Развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна.

Приходи, Осипъ, ко мнѣ, тоже получишь.

Марья Антоновна.

Осипъ, скажи, пожалуйста....

(Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.)

Городничій.

Чш!... (Поднимается на цыпочки. Вся сцена вполголоса.) Боже васъ сохрани шумѣть! Идите, идите себѣ! Полно ужъ вамъ....

Анна Андреевна.

Пойдемъ, Машенька! Я тебѣ скажу что то такое:

я замѣтила у гостя такое, что намъ вдвоемъ только можно сказать.

Городничій.

О, ужъ тамъ наговорятъ! Я думаю, поди только да послушай, и уши потомъ заткнешь. (Обращаясь къ Осипу.) Ну, другъ....

Явленіе XI.

Тѣ же, Держиморда и Свистуновъ.

Городничій.

Чш! Экіе косолапые медвѣди стучатъ ногами! Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

Держиморда.

Былъ по приказанію....

Городничій.

Чш! (Закрываетъ ему ротъ.) Экъ какъ каркнула ворона! (Дразнитъ его.) „Былъ по приказанію!“ Какъ изъ бочки, такъ рычитъ. (Къ Осипу.) Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что нужно для барина: все, что ни есть на дому, требуй. (Осипъ уходитъ.) А вы — стоять на крыльцѣ и ни съ мѣста! И никого не впускать въ домъ сторонняго, Боже васъ сохрани! особенно купцовъ. Какъ только одного изъ нихъ впустите — то.... я даже и говорить не хочу, что̀ вамъ за это достанется. Какъ только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человѣка, что хочетъ подать на меня просьбу, то въ-зашей такъ прямо и толкайте! Такъ его, хорошенько! (Показываетъ ногою.) Слышите, Боже васъ сохрани! Чш... чш... (Уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными.)

(Занавѣсъ опускается.)

Дѣйствіе четвертое.

Явленіе I.

Хлестаковъ (одинъ).

Мнѣ нравится здѣшній городокъ: жители такіе гостепріимные... Этакъ я люблю жить. А много значитъ побыть нѣсколько времени въ Петербургѣ: даже не будь помощникомъ столоначальника, а просто канцелярскимъ чиновникомъ, а всѣ ужъ къ тебѣ чувствуютъ почтеніе. Городничій бѣгаетъ, услуживаетъ, всѣ заведенія показываетъ. И если что говоришь, то говоришь отъ души: ничѣмъ не связанъ; никто тебя не перебьетъ-именно духу придаетъ, чувствуешь, какъ будто значишь что-нибудь важное. Дочка у него очень хорошенькая: такая свѣженькая, розовыя губки... такъ у ней и то... и то... (вертитъ рукою) — изрядный каленкоръ. Да и матушка такая, что еще можно бы... Я люблю этакъ проводить время! А городничій долженъ быть совсѣмъ разсѣяный, я думаю даже — глупъ: вмѣсто двухъ сотъ рублей, какъ я разсмотрѣлъ теперь, онъ мнѣ далъ четыреста. Не худо. Будетъ чѣмъ домой доѣхать. А если ужъ онъ такъ глупъ, то не мѣшало бы еще попробовать: авось либо онъ еще дастъ взаймы. Дорога вѣдь такая вещь, что на всякой случай не худо запастись деньгами. Можетъ быть, придется опять, канальство, попробовать счастія! Вѣдь не всѣ жъ такіе, какъ пѣхотный капитанъ! Можетъ быть, наскочу на такого простофилю, что рубашонку только ему оставлю.

Явленіе II.

Хлестаковъ и почтмейстеръ (входитъ вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу).

Почтмейстеръ.

Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ.

А, хорошо! Прошу покорнѣйше садиться... Я знакомъ съ вашимъ начальникомъ: славный человѣкъ! А какъ въ вистъ отлично играетъ! Съ нимъ никто не можетъ [играть]: онъ знаетъ впередъ — еще вы не пойдете, а онъ ужъ вамъ скажетъ съ чего вы пойдете. „Вы", говоритъ, „съ дамы пойдете"; и точно. И не то, чтобы какъ-нибудь были накраплены карты — нѣтъ, вы съ собою принесите новую колоду... (Въ сторону.) У этого, мнѣ кажется, у почтмейстера можно занять денегъ взаймы! (Вслухъ.) Такъ вы здѣшній почтмейстеръ?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

Вообразите, какой странный случай со мною! Выѣхавши изъ Петербурга, я разсчиталъ, какъ нарочно, все это самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ. — „Вотъ это", думаю себѣ, „на прогоны, это на издержки для себя, это ямщикамъ на водку, это для моего крѣпостного человѣка". — и все, какъ нельзя лучше. Но, къ величайшему изумленію, стало мнѣ всего только на половину дороги, и теперь недостаетъ какой-нибудь бездѣлицы. Не можете ли вы мнѣ снабдить на самое короткое время сколько-нибудь денегъ?

Почтмейстеръ.

Сколько прикажете?

Хлестаковъ.

Да рублей хоть сто на первый случай. Я завтра даже... или очень скоро возвращу

Почтмейстеръ.

Сейчасъ. (Вынимаетъ изъ бумажника деньги и подаетъ Хлестакову.)

Хлестаковъ.

Покорнѣйше благодарю! (Въ сторону.) Почтмейстеръ, кажется, хорошій человѣкъ.

Почтмейстеръ

(встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу).

Не смѣя долѣе безпокоить своимъ присутствіемъ.. Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ.

Прощайте, прощайте! Хорошо, хорошо!...

Явленіе III.

Хлестаковъ и Аммосъ Ѳедоровичъ (въ мундирѣ, вытянувшись и придерживаетъ рукою шпагу).

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій ассессоръ Припекаевъ.

Хлестаковъ.

А, сдѣлайте милость, садитесь! Мнѣ очень хорошо знакомъ вашъ начальникъ. Что, вы давно занимаете тутъ мѣсто?

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ.

Это хорошо. Я самъ тоже служу. Что, вы получали награды?

Аммосъ Ѳедоровичъ.

За три трехлѣтія удостоенъ Владиміра 4 степени и одобренія со стороны начальства.

Хлестаковъ.

Да это, впрочемъ, еще довольно счастливо. У насъ есть одинъ такой, что̀ пятнадцать лѣтъ служитъ и только получилъ одну пряжку. Скажите, пожалуйста... мнѣ, право, нѣсколько и совѣстно, да нечего дѣлать... Со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно истратился... Не можете ли вы одолжить мнѣ на малое время рублей сто? Я вамъ, можетъ быть, завтра же отдамъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Сейчасъ. (Вынимаетъ поспѣшно изъ бумажника деньги.)

Хлестаковъ.

Очень вамъ благодаренъ. Въ дорогѣ, знаете, этакъ разныя потребности могутъ случиться — нельзя предвидѣть: въ одномъ мѣстѣ захочешь поѣсть, въ другомъ купить что-нибудь. Оно хоть и бездѣлица, а все составляетъ счетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ (раскланиваясь).

Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, имѣю честь пребыть...

Хлестаковъ.

А вы уже идете? Зачѣмъ же такъ рано? Посидите еще! Мнѣ очень пріятно съ вами побесѣдовать.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Не смѣю безпокоить...

Хлестаковъ.

Ну, когда такъ, то прощайте. Покорно благодарю васъ за то, что навѣстили меня. (Выпровожаетъ Аммоса Ѳедоровича.)

Явленіе IV.

Хлестаковъ и Артемій Филипповичъ (въ мундирѣ, со шпагою).

Артемій Филипповичъ.

Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ.

Здравствуйте, прошу покорно садиться. Я знакомъ съ вашимъ начальникомъ...

Артемій Филипповичъ.

Имѣлъ честь вчера сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

Хлестаковъ.

А, да, помню. Вы очень хорошо угостили насъ завтракомъ.

Артемій Филипповичъ.

Радъ стараться на службу отечеству.

Хлестаковъ.

Да и вина были очень хороши. Послѣ того я хотя и отдохнулъ немного, но никакъ не могъ обѣдать: за обѣдомъ ужъ почти ни одной рюмки не пилъ, а въ головѣ все чортъ знаетъ какъ ходенемъ пошло! Скажите, пожалуйста: какъ ваша фамилія? Я все позабываю.

Артемій Филипповичъ.

Надворный совѣтникъ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ.

А да, Ляпкинъ-Тяпкинъ... Ляпкинъ-Тяпкинъ... У васъ, вѣрно, и родственники есть?

Артемій Филипповичъ.

Никакъ нѣтъ.

Хлестаковъ.

Что же это мнѣ показалось, какъ будто у васъ есть родственники?

Артемій Филипповичъ.

Можетъ быть, вы изволили о комъ другомъ слышать.

Хлестаковъ.

А да, точно, можетъ быть! (Издаетъ небольшую отрыжку.)

Артемій Филипповичъ.

Изволили что то сказать?

Хлестаковъ.

Ничего. (Помолчавъ.) А впрочемъ, если ужъ вамъ такъ послышалось, то я попросилъ бы у васъ взаймы нѣсколько денегъ.

Артемій Филипповичъ
(берется за карманъ).

Сколько прикажете?

Хлестаковъ.

Рублей полтораста, а если въ случаѣ при васъ отыщется и двѣсти, то, конечно, лучше ужъ двѣсти.

Артемій Филипповичъ.

Сейчасъ. (Вынимая и вручая деньги.) Могу сказать, что должность свою исполняю ревностно. (Придвигая стулъ ближе, говоритъ вполголоса.) Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ. Всѣ дѣла въ большомъ запущеніи, посылки задерживаются, — вотъ извольте сами нарочно розыскать. Судья тоже, — который только что былъ передъ моимъ приходомъ, — ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ, и поведенія, если признаться передъ вами, — конечно. для пользы отечества я долженъ это сдѣлать, хоть онъ мнѣ родня и пріятель, — поведенія самаго предосудительнаго; тутъ есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть: и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ ужъ и сидитъ у жены его. Я присягнуть готовъ... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго; но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлестаковъ.

Скажите, пожалуйста! А я никакъ этого не думалъ.

Артемій Филипповичъ.

Да и безбожникъ: больше десяти лѣтъ, какъ не исповѣдывался. Вотъ и смотритель здѣшняго училища Земляника... Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что еслибы только узнали...

Явленіе V.

Хлестаковъ и Лука Лукичъ (въ мундирѣ, при шпагѣ).

Лука Лукичъ.

Имѣю честь представиться: смотритель здѣшняго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ Земляника.

Артемій Филипповичъ.

Позвольте мнѣ удалиться. Я лучше послѣ зайду къ вамъ и постараюсь изъяснить все это на бумагѣ.

Хлестаковъ.

Хорошо, прощайте. (Къ Лукѣ Лукичу.) Прошу покорно садиться. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ... Теперь я вспомнилъ, что вчера васъ видѣлъ.

Лука Лукичъ.

Такъ точно, когда изволили заѣзжать въ училище.

Хлестаковъ.

Да, я былъ въ училищѣ. Только вы, кажется, были какъ будто немножко ниже ростомъ — не правда ли?

Лука Лукичъ.

Очень можетъ быть.

Хлестаковъ.

Вашъ начальникъ любезный старичокъ — такой добрякъ! Мы съ нимъ... вѣдь это по Адмиралтейству вы служите? Да, я его знаю... Мы даже, если сказать вамъ, волочились вмѣстѣ за одною прехорошенькою. Ну, натурально, куды жъ ему? — старикъ. Бывало всегда, какъ встрѣтитъ меня... я ужъ у Полицейскаго моста, а онъ еще у Аничкина... подниметъ палецъ и кричитъ: „Злодѣй! счастливецъ, каналья!“ А тамъ хо-

рошо: въ вечеру если пойдешь по Невскому проспекту, иногда очень много встрѣтишь хорошенькихъ.

(Небольшое молчаніе.)

Лука Лукичъ.

Не смѣя безпокоить присутствіемъ, имѣю честь засвидѣтельствовать почтеніе! (Откланивается.)

Хлестаковъ.

Прощайте, прощайте! (Выпровожаетъ его, потомъ подбѣгаетъ къ дверямъ и кричитъ.) Эй, вы! Какъ васъ? Позвольте на одно слово... Я все позабываю ваше имя.

Лука Лукичъ (возвращаясь).

Лука Лукичъ.

Хлестаковъ.

Лука Лукичъ? Посмотрите, сдѣлайте милость, Лука Лукичъ, въ бумажникъ вашъ: нѣтъ ли при васъ рублей полтораста денегъ? Я вамъ на-дняхъ и возвращу. А, что, есть?

Лука Лукичъ.

Есть. (Вынимаетъ изъ бумажника.)

Хлестаковъ.

А, скажите, какъ кстати! А я думалъ сегодня по утру: гдѣ бы мнѣ взять? — Очень благодарю васъ; прошу и впредь продолжать знакомство. (Выпровожаетъ Луку Лукича.)

Явленіе VI.

Хлестаковъ и **Растаковскій** (въ Екатерининскомъ мундирѣ, съ эксельбантомъ).

Растаковскій.

Имѣю честь рекомендоваться: житель здѣшняго города, помѣщикъ, отставной секундъ-маіоръ Растаковскій.

Хлестаковъ.

А, прошу покорнѣйше садиться; очень радъ Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

Растаковскій (сѣлъ).

А, такъ вы изволили знать Задунайскаго?

Хлестаковъ.

Какого Задунайскаго?

Растаковскій.

Графа Румянцева-Задунайскаго, Петра Александровича: вѣдь это мой бывшій начальникъ.

Хлестаковъ.

А, такъ вы служили уже давно! Очень радъ... Мнѣ очень пріятно.

Растаковскій.

Находился во время осады подъ Силистріей въ 773 году. Очень жаркое было дѣло. Турокъ былъ вотъ такъ, какъ этотъ столъ передъ нами. Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-маіоръ былъ въ нашемъ полку, — не изволите ли знать? — Гвоздевъ, Петръ Васильевичъ.

Хлестаковъ.

Гвоздевъ? Какой это?

Растаковскій.

Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по Высочайшему повелѣнію покойной Императрицы переведенъ потомъ въ драгуны.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, не знаю.

Растаковскій.

Я такъ и полагалъ, что вы не знаете, потому что ужъ больше тридцати лѣтъ, какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь недалеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, что вышла замужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлестаковъ.

За Рогатку? скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

Растаковскій (не слыша).

Такъ турокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ. Зима и снѣгъ, и сумятица была такая, какъ въ томъ году, когда французъ подступалъ подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-маіоромъ — Фухтель-Кнабе, нѣмецъ. Звали его Сихфридъ Ивановичъ, но генералъ-аншефъ тогдашній, Потемкинъ, велѣлъ переименовать: „ты“, говоритъ, „не Сихфридъ, а Супъ; такъ будь ты Супомъ Ивановичемъ“; и съ той поры такъ и осталось ему имя — Супъ Ивановичъ. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и секундъ-маіоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражемъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ я и еще квартермистръ,

если изволите знать, Трепакинъ, Автономъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать, какъ умеръ.

Хлестаковъ.

Трепакинъ? Нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы...

Растаковскій (не слушая).

Видной мущина, русый волосъ, золотой эксельбантъ!.. Ловко танцовалъ польскій: хлопнетъ бывало рукою и отобьетъ пару у самаго полковника. И какъ только дѣвушки... хе, хе, хе... У насъ бывали тогда палатки, и какъ только заглянешь къ нему въ палатку... хе, хе, хе... тамъ ужъ сидитъ; и на утро деньщикъ выводитъ какъ будто драгуна въ треугольной шляпѣ... хе, хе, хе... и портупея виситъ... хе, хе, хе!

Хлестаковъ.

Я хотѣлъ васъ попросить...

Растаковскій (наставляя ухо).

А?

Хлестаковъ.

Я хотѣлъ попросить у васъ взаймы.

Растаковскій (не разслышавъ).

Полковой квартермистръ?

Хлестаковъ.

Да рублей триста на десять минутъ... взаймы триста рублей — я вамъ завтра отдамъ.

Растаковскій.

Триста рублей? Можетъ, и есть триста рублей (вынимая). Сегодня казначей выдалъ пенсіонъ — и не считалъ еще, сколько... Иногда водятъ, мѣсяца по три не выдаютъ, да теперь, благодаря вашему пріѣзду, вдругъ выдали. Вотъ триста рублей.

Хлестаковъ.

Покорнѣйше благодарю.

Растаковскій.

Я къ вамъ пришелъ съ убѣдительною просьбою.

Хлестаковъ.

А что, о чемъ?

Растаковскій.

Долженъ получить прибавочнаго пенсіона, такъ я просилъ бы, чтобы замолвили тамъ сенаторамъ или кому другому.

Хлестаковъ.

Извольте, извольте.

Растаковскій.

Я самъ подавалъ просьбу, да только, можетъ, не туда, куда слѣдуетъ.

Хлестаковъ.

А какъ давно вы подавали просьбу?

Растаковскій.

Я то подавалъ еще въ 1801 году, да вотъ ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи. Я послалъ чрезъ Сосулькина, Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ то не слишкомъ надежный человѣкъ: выпить любитъ. Можетъ быть, онъ просьбу не туда отнесъ, куда нужно. А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало быть, теперь скоро дѣло рѣшится.

Хлестаковъ.

Да, натурально, разумѣется. Будьте покойны: я тамъ прикажу все это разыскать.

Явленіе VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобчинскій.

Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города Петръ Ивановъ Бобчинскій.

Добчинскій.

Помѣщикъ Петръ Ивановъ Добчинскій.

Хлестаковъ.

А, да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали. Что, какъ вашъ носъ?

Добчинскій.

Слава Богу! Не извольте безпокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

Хлестаковъ.

А, хорошо, что присохъ. Я радъ... (Вдругъ и отрывисто.) Денегъ нѣтъ у васъ?

Бобчинскій.

Денегъ? Какъ денегъ?

Хлестаковъ (громко и скоро).

Взаймы рублей тысячу.

Бобчинскій.

Такой суммы, ей Богу, нѣтъ! А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Добчинскій.

Нѣтъ; а если есть, то въ Приказѣ общественнаго призрѣнія.

Хлестаковъ.

Досадно... Ну, если тысячи нѣтъ, въ такомъ случаѣ хоть рублей сто.

Бобчинскій.

У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня только двадцать пять.

Добчинскій (смотря въ бумажникъ).

Сорокъ ассигнаціями.

Бобчинскій.

А у мена двадцатипятирублевая. А вотъ, можетъ быть, есть мелочь... Сейчасъ поищу. (Копается въ карманахъ.) Три двугривенныхъ!

Хлестаковъ.

Ну, толковать объ этомъ, впрочемъ, нечего. Какъ случилось; я не буду слишкомъ досчитываться. Давайте ихъ — все равно. (Принимаетъ деньги.) Я вамъ завтра...

Добчинскій.

Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обтоятельства.

Хлестаковъ.

А что это?

Добчинскій.

Дѣло очень тонкаго свойства: старшій сынъ рожденъ мною еще до брака.

Хлестаковъ.

Да?

Добчинскій.

То есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ: и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными узами супружества. Такъ я хочу, чтобы онъ теперь уже былъ совсѣмъ законнымъ моимъ сыномъ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій. Теперь это запрещено, я знаю, но потому только, что объ этомъ просятъ большею частію маленькіе люди; а если большой человѣкъ попроситъ, то оно сейчасъ сдѣлается.

Хлестаковъ.

Хорошо, я...

Добчинскій.

Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль очень: такой мальчишка... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные разскажетъ и этакъ, если гдѣ попадетъ ножикъ, то сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки, — такъ искусно, какъ лучшій фокусникъ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобчинскій.

Да, большія способности имѣетъ.

Хлестаковъ.

Хорошо, хорошо! Я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... и вы надѣйтесь, что все будетъ сдѣлано — я скажу министру. (Обращаясь къ Бобчинскому.) Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобчинскій.

Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

Хлестаковъ.

А что, о чемъ?

Бобчинскій.

Я прошу васъ покорнѣйше: какъ поѣдете въ Петербургъ, такъ скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, что вотъ живетъ въ такомъ то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите, что живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ.

Очень хорошо.

Бобчинскій.

Да если этакъ и Государю придется, то скажите и Государю, что „вотъ молъ, Ваше Императорское Величество, въ такомъ то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій“.

Хлестаковъ.

Очень хорошо.

Добчинскій.

Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Бобчинскій.

Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Хлестаковъ.

Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. (Выпровожаетъ ихъ.)

Явленіе VIII.

Хлестаковъ и Гибнеръ.

Гибнеръ.

Ich habe die Ehre mich zu rekomandiren: Doktor der armen Anstalten, Hiebner.

Хлестаковъ.

Прошу покорнѣйше садиться.

Гибнеръ.

Es freuet mich sehr die Ehre zu haben, einen so würdigen Mann zu sehen, den die hohe Obrigkeit bevollmächtigt hat.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, я по-нѣмецки... не такъ... Лучше по-русски. Скажите, пожалуйста: теперь вообще время хорошее на все — не обзавелись ли вы деньгами?

Гибнеръ.

Денгъ?.. Ишто денги?..

Хлестаковъ.

Да. Если вы обзавелись, то я бы попросилъ у васъ. Вы мнѣ giebt взаймы, а я вамъ послѣ назадъ отгибаю.

Гибнеръ.

Денг... Нѣтъ деньги... (Вынимаетъ бумажникъ и вытря-

хиваетъ.) Sehen sie! Нѣтъ... Одна сигаръ... больш нѣтъ...

Хлестаковъ.

Ну, нечего дѣлать! На нѣтъ и суда нѣтъ.

Гибнеръ

(прячетъ бумажникъ, потомъ опять берется за карманъ).

Wollen sie eine Zigare rauchen? (Вынимаетъ и подаетъ сигару.)

Хлестаковъ.

А, хорошо, gut! Дайте сюда, giebt! (Беретъ и раскуриваетъ.) Хорошая сигарка: это, вѣрно, изъ Петербурга? (Пускаетъ дымъ.)

Гибнеръ.

Нѣтъ... изъ... Рига.

Хлестаковъ.

Изъ Риги? Да, я такъ и думалъ.

Гибнеръ(вставая со стула и кланяясь).

Ich darf Sie nicht mehr zu beunruhigen und Ihnen die theuere Zeit zu berauben, die Sie den Staatsgeschäften widmen. (Откланивается.)

Хлестаковъ.

Прощайте, радъ познакомиться.

Явленіе IX.

Хлестаковъ (одинъ).

Хлестаковъ.

Хорошо и цигарку выкурить. Какъ много здѣсь чиновниковъ! Городишка таки населенъ довольно. (Разсматриваетъ ассигнаціи.) Эка, чортъ возьми, сколько денегъ! Думалъ прежде, гдѣ бы достать; теперь не знаешь, куда дѣвать. Удивительно, какой щедрый народъ здѣсь! Я думаю, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ такова нѣтъ. А какая, право, разница въ нравахъ здѣсь и въ Петербургѣ! Тамъ какой-нибудь Ручъ ни за что не сошьетъ тебѣ въ долгъ фрака; а здѣсь, заикнись только — ужъ всѣ тебѣ вынимаютъ бумажники. Даже срока не назначаютъ! Должны быть, впрочемъ, дураки, большіе: въ головѣ только посвистываетъ. Нужно, право, написать объ этомъ къ Тряпичкину. Онъ тамъ сочиняетъ по словесности разныя статейки — пускай-ка

ихъ обкритикуетъ хорошенько! Это будетъ славно. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернила!

Осипъ (выглянувъ изъ-за дверей).

Сейчасъ!

Явленіе X.

Хлестаковъ и Осипъ (съ чернилами и бумагой).

Хлестаковъ (пишетъ.)

Послушай, Осипъ. (Продолжаетъ писать.) Ты вотъ, какъ я напишу письмо, отнесешь его сей же часъ на почту, да возьми подорожную и потребуй лошадей, самыхъ лучшихъ... А ямщикамъ скажи, что я буду теперь давать по цѣлковому на водку — съ тѣмъ, чтобы только везли лихо и пѣсни затягивали бы самыя залихватскія, — такъ, какъ фельдъ-егеря скачутъ. (Продолжая писать.) Воображаю, какъ Тряпичкинъ будетъ смѣяться: онъ вѣдь такой остроумный! (Запечатываетъ и надписываетъ адресъ.) Не съѣхалъ ли съ квартиры? Онъ вѣдь тоже любитъ переѣзжать и не доплачивать. На, отдай поскорѣе!

Осипъ.

Я, сударь, отправлю чрезъ человѣка, а самъ лучше буду укладываться, чтобы не пропало понапрасну время.

Хлестаковъ.

Хорошо, отдай чрезъ человѣка!

Осипъ

(уходитъ и говоритъ за сценой).

Эй, послушай, братъ! Отнеси вотъ это письмо на почту и скажи почтмейстеру, чтобы онъ принялъ его безъ денегъ. Да скажи, чтобы сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку — курьерскую: „а прогону“, скажи: „баринъ не плотитъ; прогонъ молъ“, скажи, „казенный“. Да скажи тамъ, чтобы все живѣе, а не то баринъ сердится, что нескоро дѣлается. (Входя.) Сказалъ.

За сценой.

Голосъ квартальнаго Держиморды.

Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ: никого не велѣно пускать.

Голоса купцовъ.

Допустите, батюшка! Допустите! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды.

Говорятъ вамъ: нельзя. Подите, подите! Не принимаютъ, никого не принимаютъ: спитъ.

Голоса купцовъ.

Да мы ужъ слышали это, батюшка, со вчерашняго дни, да дѣло то такой важности, что намъ нужно видѣть его милость.

Держиморда.

Ну, чего жъ ты, брюхатый дуракъ, лѣзешь? Хочешь, такъ тебѣ поставлю тумака въ затылокъ?

Купецъ.

Ты не бранись, братъ: и я тебя такъ ругну, что выплюнешь. Ишь, ты, кварташка длиннохвостый! Я тѣ не посмотрю, что у тебя портупея.

Держиморда.

Ну, пошелъ, пошелъ! говорятъ тебѣ.

Купецъ.

Пошелъ ты самъ, коровій пометъ!

Голоса купцовъ.

Ребята, не отставай! (Стукъ въ калитку.)

Хлестаковъ.

Что тамъ такое? Посмотри, Осипъ!

Осипъ (смотря въ окно).

Купцы какіе то хотятъ войти, да не допускаетъ квартальный.. Машутъ бумагами: вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

Хлестаковъ (подходя къ окну).

А, что вы, любезные?

Голоса купцовъ.

Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажи, государь, просьбу принять.

Хлестаковъ.

Впустите ихъ, впустите! Пусть идутъ! (Принимаетъ изъ окна просьбы, разворачиваетъ одну изъ нихъ и читаетъ:) „Его Высокоблагородному Свѣтлости, Господину Кавалеру Финансову отъ купца Арбахузина“... Чортъ знаетъ, что такое: и чина такого совсѣмъ нѣтъ! Взять нарочно для смѣху.

Явленіе XI.

Тѣ же и купцы.

Хлестаковъ.

А, что вы, любезные?

Купцы.

Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлестаковъ.

А что вамъ нужно?

Купцы.

Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлестаковъ.

Отъ кого?

Купцы.

Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя! Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. И не только насчетъ того, что ему, то есть, долженъ принесть, а сверхъ того самъ еще беретъ все, что ни вздумается, и такъ поступаетъ, что разсказать страшно. Схватитъ за бороду, говоритъ: „Ахъ, ты татаринъ!“ Ей Богу! Еслибъ мы, то есть, чѣмъ-нибудь не уважили его; но мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ и все, что слѣдуетъ: каждый подаритъ на пару платья, — это ужъ дѣло извѣстное, — супружницѣ его и дочкѣ — мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало! Ей Богу! Придетъ въ лавку, и что ни попадется ему, все беретъ. Сукна увидитъ штуку, говоритъ: „Э, милый, это хорошее суконцо, снеси-ка его ко мнѣ“. Нечего дѣлать, и несешь; а въ штукѣ то будетъ безъ малаго аршинъ пятьдесятъ.

Хлестаковъ.

Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Купцы.

Ей Богу! Такого никто не запомнитъ городничаго, право! Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, — всякую дрянь беретъ: чернослив такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть ту-

да запуститъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, чего ему больше? всего нанесемъ, ни въ чемъ не нуждается. Нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Ануфрія его именины. Ей Богу! Что дѣлать? И на Ануфрія несешь подарки.

Хлестаковъ.

Да это просто разбойникъ!

Купцы.

Ей Богу! А попробуй прекословить — наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. Позоветъ къ себѣ, да и двери велитъ запереть. „Я тебя", говоритъ, „не буду", говоритъ, „подвергать тѣлесному наказанію или пыткой пытать — это", говоритъ, „запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!" Да пристукнетъ ногой. „Нѣтъ", говоритъ, „ѣшь"! Да послѣ дня на два запретъ и не дастъ пить, то это, я вамъ скажу, такое средство, что сейчасъ согласишься, на что ни захочетъ. Ей Богу!

Хлестаковъ.

Ахъ, какой мошенникъ! Да за это просто въ Сибирь!

Купцы.

Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его, все будетъ хорошо, лишь бы, то есть, отъ насъ подальше. Не побрезгуй, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью. Кланяемся тебѣ сахарцомъ и кузовкомъ вина.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Вы этого не думайте: я не беру совсѣмъ никакихъ взятковъ. Вотъ, еслибы вы, напримѣръ, предложили мнѣ взаймы рублей 300, — ну, тогда, совсѣмъ другое: взаймы я могу взять.

Купцы.

Изволь, отецъ нашъ! (Вынимаютъ деньги.) Да что триста! Лучше ужъ пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлестаковъ.

Извольте, взаймы — я ни слова: я возьму.

Купцы

(подносятъ ему на серебряномъ подносѣ деньги).

Ужъ, пожалуйста, и подносикъ вмѣстѣ возьмите.

Хлестаковъ.

Ну, и подносикъ можно.

Купцы (кланяясь).

Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахару.

Хлестаковъ.

О, нѣтъ, нѣтъ! Я взятковъ никакихъ...

Осипъ.

Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите: въ дорогѣ все пригодится. Давай сюда головы и кулекъ, подавай все! Все пойдетъ въ прокъ. Что тамъ? Веревочка? Давай и веревочку! И веревочка въ дорогѣ пригодится: телѣжка обломается или что другое — подвязать можно.

Купцы.

Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство! Если уже вы, то есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ, какъ и быть: просто, хоть въ петлю полѣзай!

Хлестаковъ.

Непремѣнно, непремѣнно! Я ужъ не люблю шутить, обманывать. Ступайте съ Богомъ. (Купцы идутъ; въ дверяхъ слышенъ крикъ женскій: Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! Я на тебя пожалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!)

Хлестаковъ.

Кто тамъ? (Подходитъ къ окну.) А, что ты, матушка?

Унтеръ-офицерская жена.

Милости твоей, отецъ мой, прошу. Повели, государь, выслушать!

Хлестаковъ.

Пропустите ее.

Явленіе XII.

Хлестаковъ, унтеръ-офицерша и слесарша.

Унтеръ-офицерша и слесарша
(обѣ валятся въ ноги).

Помилуй, отецъ нашъ! Милости твоей просимъ, государь!

Хлестаковъ.

Вставайте, вставайте! Что тамъ? Кто вы таковы?

Унтеръ-офицерша.

Мѣщанка здѣшняго города, унтеръ-офицерская жена Мокрина Иванова.

Слесарша.

Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пашлепкина, отецъ мой.

Хлестаковъ.

Ну, зачѣмъ же вы пришли?

Обѣ вмѣстѣ (кланяясь).

Обиду, отецъ мой, обиду!..

Хлестаковъ.

Ну, стой, по порядку. Ты первая. Ну, кто тебѣ тамъ обиду?

Унтеръ-офицерша.

Да кто такой! Вѣстимо городничій здѣшній: кому же больше другому?

Хлестаковъ.

Ахъ, какой плутъ этотъ городничій!

Унтеръ-офицерша.

Тяжкую обиду нанесъ: высѣкъ, мой кормилецъ!

Хлестаковъ.

Какъ? За что?

Унтеръ-офицерша.

А Богъ его знаетъ, за что. Говоритъ, будто бы для порядка; а оно то совсѣмъ за другое, и я въ немъ ни душою, ни тѣломъ. Тутъ было квартировалъ одинъ офицеръ и женился на купеческой дочери — здѣшняго купца. Такъ городничій говоритъ: „Это ты, каналья, всему причиною: еслибы“, говоритъ, „не ты, то онъ бы женился на моей дочери“. А ему, слышь ты, донесъ кто то, что будто бы я была свахой и сосватала купеческую дочь; а я вовсе и заикать не заикалась и совсѣмъ не знала, что его милости нуженъ женихъ. И какъ приказалъ онъ, кормилецъ мой, взять меня десятскимъ и такъ больно отрапортовалъ меня кругомъ, что три дня не могла сидѣть. Ей Богу!

Хлестаковъ.

Ахъ, какой мошенникъ! Да его за это въ каторгу!

Унтеръ-офицерша.

Ей Богу! Если не вѣришь, кормилецъ, я тебѣ, пожалуй, знаки покажу.

Хлестаковъ.

Не нужно, не нужно, матушка! Я и безъ того вѣрю. Ну, а ты?

Слесарша.

Милости прошу вашей. На городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло — чтобы ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядямъ, ни теткамъ его ни въ чемъ никакого прибытку не было!

Хлестаковъ.

А что?

Слесарша.

Да мужу то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты. И очередь то на насъ не припадала, мошенникъ такой, да и по закону нельзя: онъ женатый.

Хлестаковъ.

Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

Слесарша.

Сдѣлалъ, мошенникъ, сдѣлалъ! Побей Богъ его и на томъ и на этомъ свѣтѣ! Чтобы ему, если тетка есть, то и теткѣ всякая пакость; и отецъ если живъ у него, то чтобы и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся на вѣки. Мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портного, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелѣевой; а Пантелѣева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ. „На что“, говоритъ, „тебѣ мужъ? онъ ужъ тебѣ не годится. — Да я то знаю, годится или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой! „Онъ“, говоритъ, „воръ: хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно“, говоритъ, „онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты“. Да мнѣ то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Я слабый человѣкъ, подлецъ ты такой! Чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божіяго! И если есть теща, то чтобы и тещѣ...

Хлестаковъ.

Хорошо, хорошо, матушка! Ступайте, ступайте! Я ему это все... Ступайте съ Богомъ! (Выпровожаетъ старухъ.)

Обѣ вмѣстѣ (уходя).

Не позабудь, отецъ нашъ! Будь милосливъ!

Хлестаковъ.

Хорошо, хорошо! (Въ окно высовываются руки съ просьбами.) Да кто тамъ еще? (Подходитъ къ окну.) Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! (Отходя.) Надоѣли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ.

Осипъ (кричитъ въ окно).

Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

(Дверь отворяется и выставляется какая то фигура въ фризовой шинели съ небритою бородою, и раздутою губою, и перевязанною щекою.)

Осипъ.

Пошелъ, пошелъ: Чего лѣзешь? (Упирается ему руками въ брюхо и выпирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь.)

Голосъ Анны Андреевны.

Право, какъ будто никому дѣла нѣтъ!

Хлестаковъ.

А!

Голосъ Анны Андреевны.

Тамъ набрело просителей полонъ дворъ, а мужа нѣтъ! И зачѣмъ, куда онъ зашелъ? Хотя бы ты что-нибудь... вѣдь ты здѣсь сидишь.

Голосъ Марьи Антоновны.

Ахъ, право, маменька, какія вы странныя!

Хлестаковъ.

А!

Голосъ Марьи Антоновны.

Что жъ мнѣ дѣлать?

Голосъ Анны Андреевны.

О, ты всегда права! Ей Богу, такой безпорядокъ! И эти квартальные мерзавцы! (Входитъ на сцену и, увидѣвъ Хлестакова, вскрикиваетъ.)

Явленіе XIII.

Хлестаковъ и Анна Андреевна.

Анна Андреевна.

Я совсѣмъ не знала, что вы тутъ сидите... Я вамъ помѣшала въ занятіяхъ.

Хлестаковъ.

Вы никогда не можете помѣшать. Куда вы спѣшили?

Анна Андреевна.

Вы извините меня: мнѣ, право, очень нужно приказать ключницѣ...

Хлестаковъ.

Да это все суета: и приказаніе, и ключница. Ключница — пустякъ! Вы останьтесь здѣсь.

Анна Андреевна.

Я, право, помѣшала вамъ заниматься важными дѣлами.

Хлестаковъ.

А ваши глазки, сударыня, еще лучше, нежели важныя дѣла.

Анна Андреевна.

Я никакъ не беру на свой счетъ.. Я скоро къ вамъ приду.

Хлестаковъ.

Ну, не ходите, Анна Андреевна, сдѣлайте милость! Сядьте со мной вотъ здѣсь.

Анна Андреевна.

Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно.

Хлестаковъ.

Какое у васъ прекрасное платье!

Анна Андреевна.

Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлестаковъ.

Какъ бы желалъ, сударыня, быть вашимъ платьемъ, чтобы обнимать все, что ни есть у васъ!

Анна Андреевна.

Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какое

то платье, а больше я ничего не поняла... Сегодня ка кая хорошая погода!

Хлестаковъ.

А ваши губки, сударыня, лучше нежели всякая погода на дворѣ.

Анна Андреевна.

Вы все говорите такое, чего я никакъ не понимаю. Вы бы лучше пропѣли, или проиграли на фортепіяно, или проговорили бы какіе-нибудь хорошіе стихи. Я очень люблю стихи; вы, вѣрно, ихъ знаете много.

Хлестаковъ.

Въ угодность вашу все, что хотите! Требуйте, какіе стихи вамъ.

Анна Андреевна.

Какіе-нибудь этакіе хорошіе, новые.

Хлестаковъ.

Да что стихи! Я много ихъ знаю.

Анна Андреевна.

Ну, скажите же...

Хлестаковъ.

Да къ чему же говорить? Я и такъ ихъ знаю.

Анна Андреевна.

Я очень люблю ихъ...

Хлестаковъ.

Да у меня много ихъ всякихъ. „О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ!..“ Ну и множество другихъ, теперь я не могу припомнить. Впрочемъ, это все вздоръ. Я такъ счастливъ, что сижу теперь возлѣ васъ! Еслибы я могъ, сударыня, напечатлѣть поцѣлуй въ ваши губки...

Анна Андреевна.

Вы, какъ нарочно, говорите все такое, чего я совсѣмъ не могу понимать... Я думаю, какъ хорошо въ Петербургѣ играютъ разныя комедіи.

Хлестаковъ.

Комедіи? А что это такое — комедія?

Анна Андреевна.

Вотъ, какъ будто вы не знаете!

Хлестаковъ.

Право, не знаю. Что жъ бы такое — комедія? Это какой-нибудь звѣрь или чиновникъ?

Анна Андреевна (обидѣвшись).

Вы, вѣрно, воображаете меня такою провинціалкою... что и...

Хлестаковъ.

Право, не знаю. А! теперь вспомнилъ: комедія это все равно, что артиллерія!

Анна Андреевна.

Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Конечно, мы здѣсь не имѣемъ столичнаго воспитанія... Что жъ дѣлать? не всякому быть ученымъ и премудрымъ.

Хлестаковъ.

Вотъ видите, сударыня, вы ужъ и сердитесь. Куда же вы это... Сидите здѣсь!

Анна Андреевна (садясь).

Я вижу, что вамъ скучно у насъ.

Хлестаковъ.

Вотъ видите, какія вы! Я пошутилъ. Прошу садиться. Вѣрите ли, сударыня, что моя любовь къ вамъ...

Анна Андреевна.

Вы напрасно мнѣ это говорите. Любовь! Я не понимаю любовь.. Я никогда и не знала, что это за любовь. (Отодвигаетъ стулъ.)

Хлестаковъ (придвигая стулъ).

Отчего жъ вы такъ отодвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

Анна Андреевна.

Для чего жъ близко? Все равно и далеко.

Хлестаковъ (придвигаясь).

Отчего жъ далеко? Вѣдь все равно и близко. Это вѣдь все только въ воображеніи кажется, что близко: оно все равно, что далеко. Еслибъ я былъ такъ счастливъ, сударыня, что могъ бы прижать васъ въ свои объятія.

Анна Андреевна (смотритъ въ окно).

Что это, такъ, какъ будто бы полетѣло? Ворона или какая другая птица?

Хлестаковъ

(скоро цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно).

Это сорока.

Анна Андреевна (встаетъ).

Нѣтъ, это ужъ... слишкомъ! Вы меня почитаете за какую-нибудь...

Хлестаковъ.

Простите, сударыня! Я это сдѣлалъ отъ любви; ей Богу, отъ любви!

Анна Андреевна.

Вы это можете дѣлать съ другой, а не со мной.

Хлестаковъ (удерживая ее).

Я долженъ признаться вамъ въ самой страстной любви. Люблю васъ такъ, какъ не можете вообразить — осчастливьте меня! (Падаетъ на колѣни.)

Анна Андреевна.

Ахъ, Боже мой! Я, право... Встаньте, сдѣлайте милость... Какъ же это такъ: вдругъ и на колѣни! Я, ей Богу, никакъ и не думала объ этомъ.

Хлестаковъ (на колѣняхъ).

Сдѣлайте меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ! Руки вашей прошу, а не то — умру, сію же минуту умру.

Анна Андреевна.

Ахъ, Боже мой! Вѣдь я нѣкоторымъ образомъ замужемъ.

Хлестаковъ.

Мнѣ все равно, я ничего не хочу знать. Если вы не согласитесь отдать руки вашей, то застрѣлюсь, какъ ни въ чемъ не бывало: я рѣшительный человѣкъ.

Анна Андреевна.

Ахъ, Боже мой! Я право не знаю, что дѣлать. У меня, право, есть мужъ; развѣ въ Синод...

Хлестаковъ (поднимая одно колѣно).

А да, точно: у васъ есть мужъ, у меня изъ ума..

Явленіе XIV.

Тѣ же и Марья Антоновна.

Марья Антоновна

(увидѣвъ Хлестакова, не успѣвшаго встать на ноги, и всплеснувъ руками).

Ахъ, какой пасажъ!

Хлестаковъ (вставая).

А, чортъ возьми!

Анна Андреевна.

Ну, что жъ? Къ чему тутъ? Съ какой стати такъ вбѣжала?

Марья Антоновна (смутившись).

Я, маменька, хотѣла увидѣть, гдѣ вы.

Анна Андреевна.

Такая вѣтреность во всемъ!.. И не понимаю: девятнадцать лѣтъ, и она все еще совершенно какъ дитя. Вдругъ вбѣжитъ сбухты-барахты, а за чѣмъ, Богъ ее знаетъ! Я не понимаю, что будетъ изъ тебя, какъ доживешь моихъ лѣтъ. Никакой совершенно степенности, чтобы можно было видѣть, что она воспитанная, благородная дѣвица; нѣтъ, у ней, напротивъ, все это такъ, на вѣтеръ только.

Хлестаковъ.

Какъ вы давно лишали насъ удовольствія васъ видѣть! Гдѣ вы были?

Марья Антоновна.

Право, нигдѣ... Я была въ своей комнатѣ.

Хлестаковъ.

Какъ бы я счастливъ былъ, сударыня, еслибы я былъ ваша комната! (Въ сторону.) А она очень недурна: щечки свѣженькія такія... (Вслухъ.) Для меня нѣтъ ничего больше въ мірѣ, какъ видѣть васъ, потому что, признаться, я съ перваго взгляда, какъ только увидалъ васъ, ощутилъ въ сердцѣ любовь. (Послѣ небольшого молчанія.) Смѣю ли надѣяться, Марья Антоновна, что вы примете благосклонно мои сердечныя чувства?

Марья Антоновна.

Я не знаю, право...

Анна Андреевна.

Да. . ну, что жъ ты? и скажи или... (Въ сторону.) Я и сама не знаю, что такое.

Хлестаковъ.

Рѣшите мою участь, Марья Антоновна. Я прошу васъ на колѣняхъ. Если вы не согласитесь отвѣтствовать, то сдѣлаете меня несчастливѣйшимъ человѣкомъ, и я принужденъ буду сей же часъ застрѣлиться.

Марья Антоновна.

Ахъ, Боже мой!.. Маменька!

Хлестаковъ

(обращаясь къ Аннѣ Андреевнѣ).

Склонитесь, Анна Андреевна, на мою просьбу: не могу жить безъ вашей дочери. Если же не согласитесь, то сей же часъ беру пистолетъ и стрѣляюсь. О, я рѣшительный человѣкъ! Мнѣ жизнь копейка.

Анна Андреевна.

Я, право, не могу еще придти въ себя... Мы никакъ и не думаемъ о такой чести. Вамъ нужна графиня или княгиня.

Хлестаковъ.

О, мнѣ все равно! Я не слишкомъ гляжу на графинь; мнѣ нужны достоинства. Сударыня, если вы не рѣшитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится; какъ честной человѣкъ, увѣряю.

Анна Андревна.

Ахъ, Боже мой, какъ вы меня пугаете! Встаньте... Я согласна, только встаньте.

Хлестаковъ.

Вы мнѣ возвратили жизнь; я теперь самый счастливѣйшій изъ смертныхъ. (Цѣлуетъ руки Марьи Антоновны.) Теперь, Марья Антоновна, мнѣ за васъ порфиры не нужно; ей Богу, не нужно!

Явленіе XV.

Тѣ же и городничій (впопыхахъ).

Городничій.

Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаковъ.

Что съ вами?

Городничій.

По неопытности... Ей Богу, безъ всякаго умыслу!

Хлестаковъ.

Да что?

Городничій.

Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству — честью увѣряю, и на половину нѣтъ того, что они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерская вдова налгала тоже вамъ, что будто я ее высѣкъ... Ей Богу, не сѣкъ! Ей Богу, не сѣкъ! Она сама себя высѣкла. Вотъ какъ Богъ святъ! И перекрещусь.

Хлестаковъ.

О! объ этомъ не безпокойтесь! я имъ не вѣрю.

Городничій.

Не вѣрьте; ей Богу, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ вотъ этакой ребенокъ не повѣритъ. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества, то я вамъ скажу: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Хлестаковъ.

О, да, бездѣльники — я это сейчасъ увидѣлъ.

Анна Андреевна.

Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ васъ Александръ Ивановичъ?[1]. Онъ проситъ руки нашей дочери.

Городничій.

Куда! куда! Богъ съ тобой! (Креститъ ее.) Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство: она немного съ придурью, таковая же была и мать ея

Хлестаковъ.

Нѣтъ, Анна Андреевна говоритъ правду: я точно прошу васъ осчастливить меня рукою Марьи Антоновны.

Городничій.

Не могу вѣрить, ваше превосходительство.

---

[1] Вмѣсто — Иванъ Александровичъ.

Анна Андреевна.

Да когда говорятъ тебѣ?...

Хлестаковъ.

Я не шутя вамъ говорю... Если вы не согласитесь, то сдѣлаете меня несчастнѣйшимъ человѣкомъ.

Городничій.

Не смѣю вѣрить: недостоинъ такой чести.

Хлестаковъ.

Сдѣлайте милость, не приводите меня въ отчаяніе. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, признаюсь, на чортъ знаетъ что готовъ.

Городничій.

Не могу вѣрить: изволите шутить, ваше превосходительство.

Анна Андреевна.

Ахъ, какой чурбанъ въ самомъ дѣлѣ! Ему толкуютъ... Ну, что ты съ своимъ носомъ стоишь? Только мотаетъ имъ — радъ, что толстый носъ?

Городничій.

Не смѣю...

Хлестаковъ.

Отдайте руку вашей дочери, я говорю въ послѣдній разъ. А не то, ей Богу... я отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все. Когда застрѣлюсь, то васъ подъ судъ отдадутъ.

Городничій.

Боже, Боже мой! Я, ей Богу, не виноватъ ни душою, ни тѣломъ. Не извольте гнѣваться! Извольте поступать... такъ, какъ вашей милости угодно: у меня, ей Богу, въ головѣ теперь.. я и самъ не знаю, что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андреевна.

Ну, благословляй!

Хлестаковъ

(подходитъ съ Марьей Антоновной).

Городничій.

Да благословитъ Богъ!... А я не виноватъ, ей Богу!

Хлестаковъ
(цѣлуется съ Марьей Антоновной).

Городничій (смотритъ на нихъ).

Что за чортъ! Въ самомъ дѣлѣ! Эка, счастье какое привалило!

Явленіе XVI.

Тѣ же и Осипъ.

Осипъ.

Лошади готовы.

Хлестаковъ.

А, хорошо, хорошо я сейчасъ

Городничій.

Изволите ѣхать?

Хлестаковъ.

Да, ѣду.

Городничій.

А когда же насчетъ свадьбы?

Хлестаковъ.

Да я вѣдь только на одинъ день къ дядѣ моему; тутъ онъ недалеко живетъ, богатый человѣкъ Завтра я буду назадъ.

Городничій.

Не смѣемъ никакъ удерживать; соблаговолите только показать намъ въ скоромъ времени опять ваше свѣтлое лицо.

Хлестаковъ.

О, нѣтъ! Я вѣдь человѣкъ очень аккуратный. Прощайте, Марья Антоновна, нѣжнѣйшій предметъ моей страсти! Я съ вами на минуточку только разстаюсь. Прощайте, душенька! (Цѣлуетъ ея руки.)

Городничій.

Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

Хлестаковъ.

О нѣтъ, къ чему это? А, впрочемъ, не худо.

Городничій.

Сколько угодно вамъ?

Хлестаковъ.

Да вотъ тогда, кажется, дали мнѣ четыреста, такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Городничій.

Вотъ я сію минуту. (Вынимаетъ изъ бумажника.) Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаковъ.

А, да. Это хорошо: вѣдь это, говорятъ, новое счастіе, когда новенькими бумажками?

Городничій.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

Ну, такъ прощайте, любезный будущій тестюшка! Прощайте, маменька! Прощайте, душенька моя! Я не замѣшкаюсь: завтра же, можетъ быть, назадъ буду.

(За сценой.)

Голосъ Хлестакова.

Прощайте, ангелъ души моей, Марья Антоновна!

Голосъ городничаго.

Какъ же это вы — прямо такъ на перекладной и ѣдете?

Голосъ Хлестакова.

Да, я привыкъ ужъ такъ. У меня всегда голова болитъ отъ рессоръ.

Голосъ ямщика.

Тпр...

Голосъ городничаго.

Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ нибудь застлать, хотя бы коврикомъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

Голосъ Хлестакова.

Нѣтъ, зачѣмъ? Это пустое; а впрочемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

Голосъ городничаго.

Эй, Авдотья! Ступай въ кладовую, вынь коверъ самый лучшій, что по голубому полю, персидскій. Скорѣй!

Голосъ ямщика.

Тпр...

Голосъ городничаго.

Такъ когда же прикажете ожидать васъ?

Голосъ Хлестакова.

Завтра или послѣ-завтра непремѣнно.

Голосъ Осипа.

А, это коверъ? Давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голосъ ямщика.

Тпр...

Голосъ Осипа.

Вотъ съ этой стороны еще! Сюда еще! Хорошо! Славно будетъ. (Бьетъ рукою по ковру.) Теперь садитесь, ваше благородіе!

Голосъ Хлестакова.

Прощайте, будущій тестюшка!

Голосъ городничаго.

Прощайте, ваше превосходительство!

Голосъ Хлестакова.

Прощайте, маменька!

Женскіе голоса.

Прощайте, Александръ Ивановичъ!

Голосъ ямщика.

Эй вы, залетные! (Колокольчикъ звенитъ. Занавѣсъ опускается.)

Дѣйствіе пятое.

Явленіе I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій.

Что, Анна Андреевна, а? Думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Каково благословеніе Божіе, а? Ну, признайся откровенно, тебѣ и во снѣ не видѣлось это, чтобы какая-нибудь просто изъ городничихи и вдругъ, фу ты канальство, съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андреевна.

Совсѣмъ нѣтъ, я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

Городничій.

Да я самъ, матушка, порядочный человѣкъ; ужъ лучше моего никто не удовлетворитъ тебя. Эко, канальство, какія мы съ тобой теперь, птицы сдѣлались! А, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побери: Теперь забираетъ меня охота отдѣлать всѣхъ этихъ мерзавцевъ, которые смѣли подавать на меня доносы. Эй, кто тамъ? (Входитъ квартальный.) А, это ты, Иванъ Карповичъ! Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, каналій! Такъ жаловаться на меня? жаловаться? Ишь ты, проклятый Іудейскій народъ! Я имъ теперь дамъ знать, аршинники! И объяви тамъ всѣмъ, чтобы знали, что вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, — что выдаетъ дочь свою не то, чтобы за какого-нибудь простого человѣка, а за такого чиновника, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, въ тюрьму посадить и все, что хочетъ. Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ,

валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество! (Квартальный уходитъ.) Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить: здѣсь, или въ Петербургѣ?

Анна Андреевна.

Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Городничій.

Ну, въ Петербургѣ, такъ въ Петербургѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь, я думаю, уже городничество тогда къ чорту? А, Анна Андреевна?

Анна Андреевна.

Натурально; что за городничество!

Городничій.

Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за панибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ: такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со-временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна.

Еще бы! Конечно, можно.

Городничій.

А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна: красную или голубую?

Анна Андреевна.

Ужъ, конечно, голубую лучше.

Городничій.

Э! вишь чего захотѣла! Хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? Потому, что, случится, поѣдешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: „лошадей!“ И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, всѣ дожидаются: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ стой — городничій! Хе, хе, хе! (Заливается и помираетъ со смѣху.) Вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна.

Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ пом-

нить, что жизнь тебѣ нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что бы какой-нибудь судья собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Ляпкинъ-Тяпкинъ; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда влѣпишь такое словцо, какое только въ кучерской услышишь.

Городничій.

Что жъ, вѣдь слово не повредитъ.

Анна Андреевна.

Да, хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Городничій.

Да, тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: рябушка и корюшка, — такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна.

Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобы нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобы у меня въ комнатѣ такое было анбре, чтобы нельзя было войти въ комнату, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза. (Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ.) Ахъ, какъ хорошо!

Явленіе II.

Тѣ же и купцы.

Городничій.

А! Здорово, соколики!

Купцы (кланяясь).

Здравія желаемъ, батюшка!

Городничій.

Что, голубчики, какъ поживаете? Какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники проклятые, жаловаться? Жаловаться, протоканальи! Жаловаться, архибестіи! Жаловаться, козлиныя бороды! Что, много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.... Знаете ли вы, — семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, — что...

Анна Андреевна.

Ахъ, Боже мой, какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничій (съ неудовольствіемъ).

А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? А? Что теперь скажете? Теперь я васъ всѣхъ скручу такъ, что ни одного волоска не останется въ вашихъ бородахъ. Мошенники! Вы только обманываете народъ, мошенники! Еще медали даютъ имъ! Я бы вамъ канчуковъ[1] вмѣсто медалей. За что вы получаете медали? Вы сдѣлаете подрядъ съ казною, да на сто тысячъ надуете ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь, каналья, двадцать аршинъ — тебѣ и медаль даютъ! А еслибы знали, такъ бы петлю навѣсили вмѣсто медали! Мошенники! А кто вамъ доставилъ медали? — Я! Что, позабыли? Еще и „почтеннымъ“ его называютъ, и брюхо суетъ впередъ: онъ первой гильдіи купецъ — его не тронь! „Мы“, говоритъ: „и дворянамъ не уступимъ.“ Да дворянинъ..... Ахъ ты рожа! Дворянинъ учится наукамъ, и его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло: чтобы онъ зналъ полезное. А ты что? Ты начинаешь аршиномъ да плутнями; тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать; ты мальчишка, еще „Отче наша“ не знаешь, а ужъ обмѣриваешь. А тамъ какъ раздметъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и „почтенный!“ Почтенный! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и почтенный? Почтенный! Да я плевать на твою голову и на твое почтеніе!

Купцы (кланяясь).

Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Городничій.

Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда, какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также, каналья, спровадить въ Сибирь. Что скажешь, а?

Одинъ изъ купцовъ.

Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ: лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться. Вотъ те Хри-

[1]. Плетей

стосъ! Всякое удовлетвореніе, какое хошь, готовы сдѣлать, не гнѣвись только.

Городничій.

Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего? Оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ

Купцы (кланяясь въ ноги).

Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Городничій.

„Не погуби!“ Теперь: „не погуби!“ А прежде что? Я бы васъ въ тюрьму!.. Ну, да Богъ проститъ! Вставайте, полно! Я не памятозлобенъ. Только теперь, смотрите, ухо востро! Я выдаю теперь дочку свою не за какого-нибудь простого дворянина, — смотрите же, чтобъ поздравленіе было приличное: не то чтобы отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару; понимаешь? Ну, ступайте съ Богомъ! (Купцы уходятъ.)

Явленіе III.

Тѣ же, Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, потомъ Растаковскій.

Аммосъ Ѳедоровичъ (еще въ дверяхъ).

Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? Къ вамъ привалило необыкновенное счастіе.

Артемій Филипповичъ.

Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастіемъ. Я душевно обрадовался, когда услышалъ... (Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.)

Растаковскій (входя).

Антона Антоновича поздравляю съ новымъ счастіемъ: да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! (Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.) Марья Антоновна! (Подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны.)

Явленіе IV.

Тѣ же, Коробкинъ съ женою и Люлюковъ.

Коробкинъ.

Имѣю честь поздравить Антона Антоновича и Анну Андреевну! (Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.) Марья Антоновна! (Подходитъ къ ея ручкѣ.)

Жена Коробкина.

Душевно васъ поздравляю, Анна Андреевна, съ новымъ счастіемъ.

Люлюковъ.

Имѣю честь поздравить васъ, Анна Андреевна! (Подходитъ въ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства.) Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! (Подходитъ къ ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ.)

Явленіе V.

Лука Лукичъ съ женою

Лука Лукичъ.

Имѣю честь....

Жена Луки Лукича (бѣжитъ впередъ).

Поздравляю васъ, Анна Андреевна! (Цѣлуются.) А я такъ, право, обрадовалась! Говорятъ мнѣ: „Анна Андреевна выдаетъ дочку.“ — „Ахъ, Боже мой!“ думаю я себѣ и такъ обрадовалась, что говорю мужу: „Послушай, Луканчикъ: вотъ какое счастіе Аннѣ Андреевнѣ!“ — „Ну“, думаю себѣ: „слава Богу!“ И говорю ему: „Послушай, я такъ восхищена, что сгараю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Андреевнѣ“.... „Ахъ, Боже мой!“ думаю себѣ: „Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла“. И такъ, право, обрадовалась, что не могла говорить: плачу, плачу, вотъ просто рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: „Отчего ты, Настенька, рыдаешь?“ — „Луканчикъ“, говорю: „я и сама не знаю, такъ слезы вотъ рѣкой и льются“.

Явленіе VI.

Тѣ же, Погоняевъ съ женою и множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ и Богъ знаетъ въ чемъ, нѣсколько офицеровъ, потомъ **Бобчинскій** и **Добчинскій.**

Погоняевъ.

Слухъ дошелъ къ намъ, что вы вступаете въ родство съ знаменитою фамиліею. Сожалѣю, что не имѣлъ чести представиться будущему зятю вашему.

Жена Погоняева.

Поздравляю, Анна Андреевна! Мнѣ сказывала Капитолина Ивановна. Говорятъ, что за именитымъ гостемъ шесть каретъ пріѣхало, и всѣ съ какими то необыкновенными форейторами, по восьми лошадей въ рядъ.

(Множество гостей подходятъ поперемѣнно сначала къ Аннѣ Андреевнѣ, потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, произнося поперемѣнно: „Анна Андреевна! Марья Антоновна!“ Бобчинскій и Добчинскій продираются сквозь толпу.)

Бобчинскій.

Имѣю честь поздравить.

Добчинскій.

Антонъ Антоновичъ, имѣю честь поздравить!

Бобчинскій.

Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добчинскій.

Анна Андреевна!

Бобчинскій.

Анна Андреевна! (Оба подходятъ въ одно время къ рукѣ и сталкиваются лбами.)

Добчинскій.

Марья Антоновна! (Подходитъ къ ея ручкѣ.) Честь имѣю поздравить. Теперь вы будете въ большомъ, въ большомъ счастіи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать — очень забавно будете проводить время . . .

Бобчинскій (перебивая).

Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка такого маленькаго, вотъ этакого (показываетъ рукою), чтобы можно было на ладоньку посадить, и такъ только все будетъ кричать: уа, уа!

Городничій.

Прошу покорнѣйше садиться, господа! Эй, Мишка! принеси сюда побольше стульевъ. (Гости садятся.)

Явленіе VII.

Тѣ же и купцы.

Одинъ изъ купцовъ.

Поздравляемъ батюшку Антона Антоновича, и матушку Анну Андреевну, и дщерицу ихъ Марью Антоновну: тебя, батюшка Антонъ Антоновичъ, поздравляемъ штукой тонкаго сукна, пятнадцатью аршинами бархата на халатъ, а ея милость — кисейкой на пару платья, парчою золотою.

Городничій.

Хорошо, хорошо! Тамъ скажите Авдотьѣ: пусть приметъ. (Купцы уходятъ.)

Явленіе XIII.

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

Частный приставъ.

Имѣю честь поздравить ваше высокоблагородіе и пожелать благоденствія на многія лѣта.

Городничій.

Спасибо, спасибо!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Но скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось: постепенный ходъ всего, то есть, дѣла.

Городничій.

Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственнолично сдѣлать предложеніе.

Анна Андреевна.

Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ. Говоритъ: „Я, Анна Андреевна, не посмотрю на то, что она не графиня и не княгиня — я именно изъ одного уваженія къ вашимъ достоинствамъ и вашей дочери“... И такой

прекрасный и воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ! „Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь копейка; но именно за то только, что уважаю ваши рѣдкія качества, я прошу, я умоляю руки вашей; если вы будете такъ жестоки.....

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька! Вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андреевна.

Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся! „Я, Анна Андреевна, — вы повѣрите ли это, — я потому только ищу руки вашей или вашей дочери, что чувствую сердечную любовь и изумляюсь вашимъ достоинствамъ“. Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ!.. И когда я хотѣла сказать: „Мы никогда не смѣемъ надѣяться на такую честь“, тогда онъ, не говоря ни слова, вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: „Анна Андреевна, не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! И если вы не согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, тогда я смертію окончу жизнь свою“.

Марья Антоновна.

Ахъ, ей Богу, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ!

Анна Андреевна.

Да, конечно... и объ тебѣ было... я ничего этого не отвергаю.

Городничій.

И такъ даже напугалъ: говоритъ, что онъ застрѣлится.

Многіе изъ гостей.

Скажите, пожалуйста!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайное происшествіе!

Лука Лукичъ.

Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела!

Артемій Филипповичъ.

По заслугамъ и благословеніе Божіе. „Возвеличу мужа праведна и вознесу его“, сказалъ Богъ... (Въ сторону.) Вотъ, этакой свиньѣ такъ и лѣзетъ въ самый ротъ счастье!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

Городничій.

Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Ну, не хотите — на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина.

Ахъ какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастію! Вы не можете себѣ представить.

Жена Погоняева.

Я, Анна Андреевна, узнала теперь секретъ, какъ на нѣмецкій манеръ квасить капусту: нужно прежде всего обложить бочку дубовыми листьями, потомъ взять.

Анна Андреевна
(съ видомъ пренебреженія).

Фи! капуста! Я не знаю, какъ вы можете говорить объ этомъ!... Я, признаюсь... такой предметъ... капуста! Фи! Я никогда и не знала, что это за капуста. Ѣла, правда, въ кушаньѣ что то такое, но никогда и не любопытствовала узнать, что это за капуста.

Жена Погоняева (одной гостьѣ).

Вы слышали, какъ она отзывается о насъ?

Гостья.

Да она такова, я ужъ ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги...

Коробкинъ.

Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ зачѣмъ то.

Городничій.

Да, онъ отправился на одинъ день по весьма важному дѣлу.

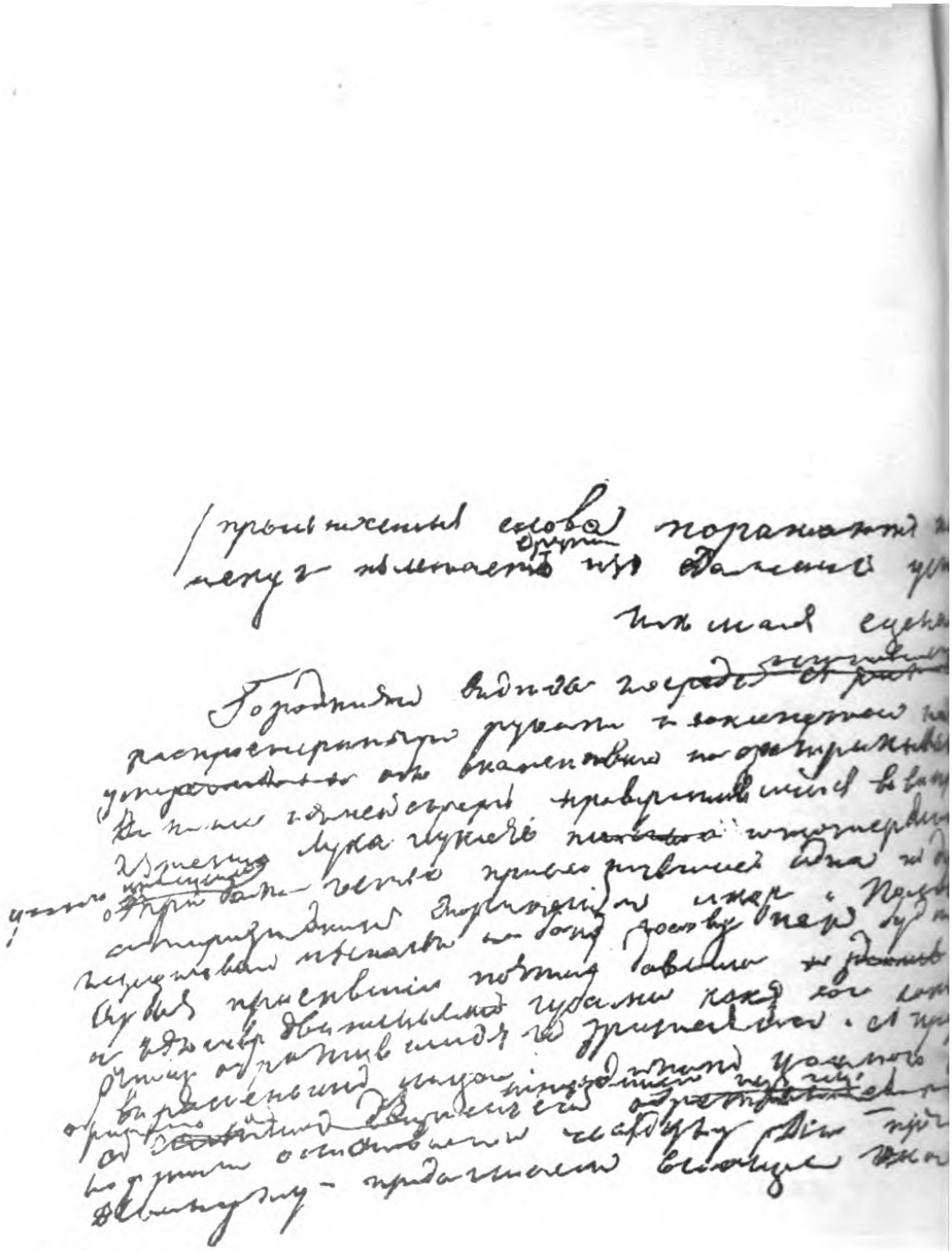
Анна Андреевна.

Къ своему дядѣ, чтобы испросить благословеніе.

Городничій.

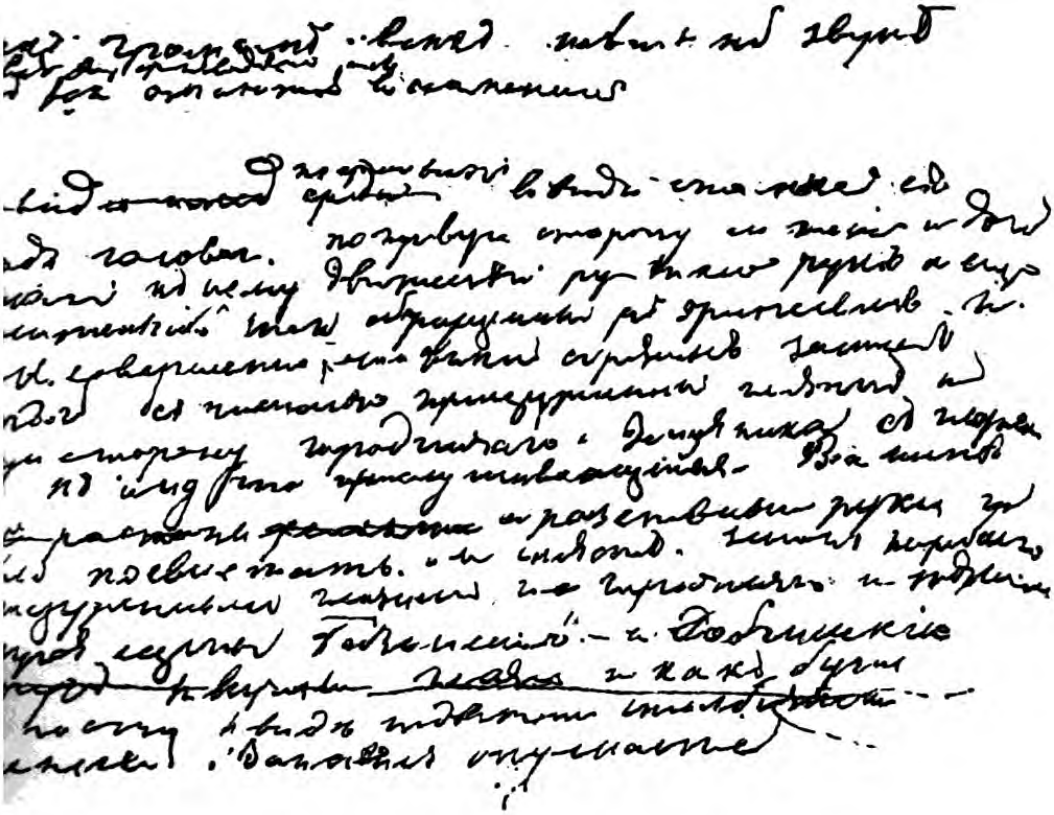
Испросить благословеніе, но завтра же... (Чихаетъ.)

(Поздравленія сливаются въ одинъ гулъ. Слышнѣе другихъ слѣдующіе голоса:



Н. В. Гоголь. VI.

Снимокъ съ собственноручнаго наброска



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Гоголя съ послѣдней сцены „Ревизора“.

Артемія Филипповича.

Желаю здравствовать!

Коробкина.

Многія лѣта!

Частнаго пристава.

Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Аммоса Ѳедоровича.

Здравствуйте, Антонъ Антоновичъ!

Городничій.

Много благодаренъ!... Но завтра же и назадъ... (Чихаетъ.)

Поздравительный гулъ; слышнѣе другихъ голоса:

Частнаго пристава.

Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе

Бобчинскаго.

Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добчинскаго.

Продли, Боже, на сорокъ сороковъ!

Артемія Филипповича.

Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коробкина.

Чортъ тебя побери!

Анна Андреевна.

Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... очень спертый,.. Вотъ, и мужъ мой: онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Городничій.

Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лукичъ.

И дай Богъ получить.

Растаковскій.

Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Большому кораблю большое плаванье.

Артемій Филипповичъ.

По заслугамъ и честь.

Аммосъ Ѳедоровичъ (въ сторону).

Вотъ выкинетъ штуку, когда, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ къ коровѣ сѣдло! Нѣтъ, до этого еще далека пѣсня: тутъ и почище тебя есть, да до сихъ поръ еще не генералы.

Артемій Филипповичъ (въ сторону).

Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзетъ! Чего добраго, можетъ, и будетъ, свинья, генераломъ! Вѣдь у него солидности, голосу и важности, лукавый не взялъ бы его, довольно. (Обращаясь къ нему.) Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

И если что случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ.

Коробкинъ.

Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ сдѣлайте милость ему — вашею протекціею мѣсто отца заступить сироткѣ.

Городничій.

Я готовъ, съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андреевна.

Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени и думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять этакими хлопотами?

Городничій.

Почему жъ, душа моя? Иногда можно.

Анна Андреевна.

Можно! Ты это себѣ воображаешь. Пожалуй, весь уѣздъ нагрянетъ обо всѣхъ вздорахъ и пустякахъ просить и затруднять насъ — нѣтъ, на это я не согласна: я это напередъ говорю всѣмъ. Право, эти господа воображаютъ, что люди важные должны непремѣнно...

Явленіе IX.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтмейстеръ.

Я, господа, пришелъ объявить вамъ удивительное дѣло.

Городничій.

А, напримѣръ, что такое? Послушаемъ.

Почтмейстеръ.

Я и самъ не знаю, что сказать вамъ: такое странное обстоятельство, что я...

Нѣкоторые.

Какое? что?

Почтмейстеръ.

Просто удивительное. Я долженъ васъ предувѣдомить, господа, что по любопытству люблю иногда почитать иное письмо изъ приходящихъ ко мнѣ на почту; притомъ же самъ Антонъ Антоновичъ просилъ меня не оставлять, не распечатавши, писемъ, чтобы имѣть свѣдѣніе о ревизорѣ. Какъ вдругъ сегодня приносятъ ко мнѣ на почту письмо отъ этого самаго чиновника, которому мы показывали въ городѣ всѣ заведенія! Я, признаюсь, не утерпѣлъ: со страхомъ, съ большимъ страхомъ, а распечаталъ...

Городничій.

Какъ же вы смѣли распечатать?

Почтмейстеръ.

Что жъ дѣлать? Рѣшился, такъ ужъ на пропало рѣшился. Меня, признаюсь, подзадорило больше то, что на пакетѣ было написано: „Его Благородію, какому то Тряпичкину“. Еслибы къ какому-нибудь превосходительству, то я бы никакъ не осмѣлился; но какъ увидѣлъ, что къ благородію, то такое почувствовалъ любопытство, какого еще никогда не помню. Я даже приказалъ затворить ставни, чтобы никто не могъ подсмотрѣть, и самъ зажегъ свѣчу...

Городничій.

Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ.

Въ томъ то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городничій.

Что жъ онъ по вашему такое?

Почтмейстеръ.

Ни се, ни то; чортъ знаетъ, что такое:

Городничій (запальчиво).

Какъ вы смѣете это сказать? Знаете ли, что я велю васъ подъ арестъ взять?

Почтмейстеръ.

Кто? вы?

Городничій.

Да, я.

Почтмейстеръ.

Фи!...

Городничій.

Знаете ли, что этотъ самый чиновникъ женится теперь на моей дочери. Я самъ скоро буду вельможа и если захочу, то васъ въ Сибирь законапачу.

Почтмейстеръ.

А вотъ этого не хотите? (Показываетъ ему палецъ.)

Городничій.

Господа, протестую; будьте свидѣтелями: почтмейстеръ показалъ мнѣ при всѣхъ шишъ.

Почтмейстеръ.

Господа, позвольте же и мнѣ прочитать вамъ письмо, а потомъ можете сказать свое мнѣніе. (Читаетъ.) „Маія такого то числа и проч... и проч... и проч... Я уже писалъ къ тебѣ, Тряпичкинъ, въ прежнемъ письмѣ, какъ я былъ обыгранъ въ Пензѣ пѣхотнымъ капитаномъ. Еслибы Осипъ не догадался припрятать новой пары платья, то и платья бы не было. Добравшись кое-какъ до этого городка, я, къ изумленію, не могъ даже заплатить и задолжался въ трактирѣ по волѣ Зевеса до такой степени, что трактирщикъ, — ты только, пожалуйста, не разсказывай никому, — хотѣлъ меня потащить даже въ тюрьму. Къ батюшкѣ я не смѣлъ писать: у него, знаешь, такія неблагородныя средства... Помнишь, какъ онъ обѣщалъ въ письмѣ своемъ даже розгами... словомъ, человѣкъ, не имѣющій благородныхъ чувствъ. Такими мѣрами ничего нельзя теперь, а особенно при теперешнемъ просвѣщеніи; онъ можетъ

это дѣлать съ своими мужиками. Но, вообрази, вдругъ сцена перемѣнилась. Я живу теперь у городничаго въ домѣ и наслаждаюсь всѣми пріятностями жизни, жирую, отпускаю бонъ-мо... Вообрази, братецъ! Жена и дочка у него прелесть. Я строю курбеты имъ обѣимъ, но еще не рѣшился, съ которой начать прежде. Думаю, лучше съ матушки: къ дочкѣ еще, неизвѣстно, можетъ быть, труденъ доступъ, а матушка такая, что сію минуту готова облагодѣтельствовать, и сегодни или завтра намѣренъ поставить городничему препорядочные рога. Самъ городничій преблагороднѣйшій человѣкъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ, какъ сивый меринъ..."

Городничій.

Не можетъ быть: тамъ этого не писано.

Почтмейстеръ (показывая письмо).

Читайте сами.

Городничій (читая).

„Какъ сивый меринъ". Не можетъ быть; это вы сами написали.

Почтмейстеръ.

Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ.

Читайте!

Лука Лукичъ.

Читайте!

Почтмейстеръ (продолжая читать).

„Городничій преблагороднѣйшій человѣкъ и съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ, какъ сивый меринъ..."

Городничій.

О, чортъ возьми, нужно еще повторять! Какъ будто бы тамъ и безъ того нѣтъ...

Почтмейстеръ (продолжая читать).

„Но"... хм. хм. хм. хм... „сивый меринъ..." „Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ"... (Оставляя читать.) Ну, тутъ и обо мнѣ неприлично выразился.

Городничій.

Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ.

Да къ чему жъ?

Городничій.

Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Артемій Филипповичъ (читаетъ).

„Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ и чрезвычайно похожъ на пьяницу департаментскаго сторожа: должно быть, тоже, подлецъ, пьетъ горькую“...

Почтмейстеръ (къ зрителямъ).

Ну, скверный мальчишка, котораго нужно посѣчь — больше ничего!

Артемій Филипповичъ
(продолжая читать).

„Кромѣ того надзиратель надъ богоугоднымъ заведеніемъ, какой то Ляпкинъ-Тяп“... (Заикается.)

Коробкинъ.

А что жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ.

Да нечеткое перо... Впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинъ.

Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. (Беретъ письмо).

Артемій Филипповичъ.

Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ.

Да позвольте! Э, скажите, господа, чтобы Артемій Филипповичъ отдалъ.

Городничій.

Отдайте!

Всѣ (приступаютъ къ нему.)

Отдайте, отдайте! Читайте!

Коробкинъ (читая).

„Кромѣ того, надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ, какой то Ляпкинъ-Тяпкинъ: вообрази себѣ чухонскую свинью въ картузѣ, съ пребольшими ушами“.

Артемій Филипповичъ (къ зрителямъ).

И нимало не остроумно! Богъ знаетъ что: свинья въ картузѣ! Совсѣмъ неправдоподобно: гдѣ жъ свинья въ картузѣ бываетъ

Коробкинъ. (продолжая читать).

„А отъ смотрителя училищъ страшно воняетъ лукомъ“.

Лука Лукичъ (къ зрителямъ).

Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку!

Коробкинъ (продолжая читать).

„Словомъ, братъ, все ужасный моветонъ. Но при всемъ томъ мнѣ чрезвычайно нравится здѣшнее добродушіе: такъ знаешь, просто, безъ всякихъ претензій, такъ что я истинно тронутъ. Денегъ здѣсь занять можно, сколько хочешь. Помнишь, какъ мы хотѣли пообѣдать у Палкина на счетъ Англинскаго короля, да мерзавецъ мальчишка придержалъ за шинель? — Вотъ сюда, братецъ, пріѣзжай; вообрази: даютъ взаймы, сколько хочешь, бумажками и серебромъ! На этотъ счетъ у нихъ чрезвычайно благородно. Меня возили по всѣмъ заведеніямъ и являлись ко мнѣ въ мундирахъ, даже просили о многомъ замолвить о нихъ въ Петербургѣ. По моей физіогноміи они, вѣрно, почли меня за военнаго генералъ-губернатора. Я таки съ своей стороны подпустилъ имъ пыли порядочной. Вѣришь ли, душа Тряпичкинъ, я съ грустью помышляю объ отъѣздѣ. Пріятность времени, проведеннаго съ здѣшними жителями, у меня долго останется въ сердцѣ. Впрочемъ, это однакожъ нимало не помѣшаетъ тебѣ воспользоваться такими предметами для твоего остроумнаго пера. Ты пишешь тамъ разныя статейки для „Библіотеки для чтенія“: пожалуйста, ихъ помѣсти туда и обкритикуй. Не чинись таки нимало, и хорошенько ихъ отбрей; обо мнѣ только упоминай полегче и съ хорошей стороны, а то вѣдь я тебя знаю, ты родного отца не пожалѣешь. Прощай, душа Тряпичкинъ! Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братецъ, такъ жить: ищешь пищи для души, а свѣтская чернь тебя не понимаетъ — хочешь, наконецъ, чѣмънибудь этакимъ высокимъ заняться. Прощай! Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку.“ (Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ.) „Его Благородію, Милостивому Государю Ивану Васильевичу Тряпичкину.“

Одна изъ дамъ.

Ахъ, какой странный пассажъ!

Жена Луки Лукича.

Какой репримандъ неожиданный!

Городничій.

Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу; вижу какія то свиныя рыла вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить его, воротить! (Машетъ рукою.)

Жена Погоняева.

Вотъ въ самомъ дѣлѣ безпримѣрная конфузія!

Анна Андреевна.

Не вѣрю, ничему не вѣрю...

Коробкинъ.

Экъ, какой казусъ!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Однакожъ, чертъ возьми, господа, вѣдь онъ у меня взялъ деньги взаймы.

Артемій Филипповичъ.

У меня тоже занялъ двѣсти рублей, — сказалъ „только до завтра.“

Почтмейстеръ.

У меня у самого сто рублей выпросилъ.

Лука Лукичъ.

У меня полтораста, всѣ — ассигнаціями.

Бобчинскій.

У насъ съ Петромъ Ивановичемъ семьдесятъ пять ассигнаціями и три двугривенныхъ.

Растаковскій.

У меня триста. Впрочемъ, Богъ съ нимъ, лишь бы только не обманулъ да постарался о дѣлѣ; только, правда, вѣтреный человѣкъ, то, можетъ быть, и обманетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Экое въ самомъ дѣлѣ!.. (Въ недоумѣніи разставляетъ руки.) Какъ же это мы такъ?..

Городничій (бьетъ себя по лбу).

Какъ я?.. Нѣтъ, какъ я, старый дуракъ?.. Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ: ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести меня; мошенниковъ надъ мошенниками обма-

нывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!.. А теперь... вертопрахъ какой-нибудь, мальчишка, на губахъ молоко еще не обсохло... Ступай, ищи его, чортъ побери! Я думаю, такъ удираетъ по столбовой дорогѣ, что колокольчикъ заливается.

Анна Андреевна (мужу).

Какъ же?.. Вѣдь это не можетъ быть... Онъ совсѣмъ вѣдь обручился уже съ нашей Машенькой.

Городничій (съ досадою).

А развѣ ты не видишь, что у него все это: тра ла ла. Пустѣйшій человѣкъ! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну, что въ немъ было такого, чтобы можно было принять за важнаго человѣка или вельможу? Былъ бы онъ хотя, по крайней мѣрѣ, толстъ въ тѣлѣ, какъ прилично знатному человѣку, или говорилъ бы громкимъ голосомъ, внушающимъ уваженіе; а то, чортъ знаетъ что: дрянь, сосулька, тоньше сѣрной спички! И какимъ это образомъ случилось? Съ чего, откуда взялось это? Кто первый вынесъ, что онъ чиновникъ, присланный для того, чтобы ревизовать?..

Артемій Филипповичъ.

А кто вынесъ! Вотъ кто вынесъ! Эти молодцы! (Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго.)

Бобчинскій.

Ей Богу, ей Богу, нѣтъ! и не думалъ.

Добчинскій.

Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ.

Конечно, вы.

Лука Лукичъ.

Разумѣется. Вы первые прибѣжали, какъ сумашедшіе, изъ трактира: „пріѣхалъ, пріѣхалъ ревизоръ, и денегъ не плотитъ“... Нашли, чортъ бы васъ побралъ, важную птицу!

Городничій.

Натурально вы! Сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Чтобы васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и росказнями!

Городничій.

Только рыскаете по городу да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! Сплетни сѣете, сороки коротко-хвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ.

Колпаки!

Артемій Филипповичъ.

Сморчки короткобрюхіе!

(Всѣ обступаютъ ихъ.)

Бобчинскій (закрываясь рукою.

Ей Богу, это не я! Это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій.

Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ! Это вы говорили.

Бобчинскій.

Э, нѣтъ; ей Богу, вы прежде. .

Явленіе послѣднее.

Тѣ же и жандармъ.

Жандармъ.

Пріѣхавшій чиновникъ требуетъ всѣхъ васъ сей же часъ къ себѣ: онъ остановился въ гостиницѣ.

(Всѣ открываютъ въ изумленіи рты и въ разныхъ положеніяхъ минуту остаются неподвижны. Въ такомъ состояніи закрываетъ ихъ опускающаяся занавѣсь.)

Примѣчанія.

„Ревизоръ“.

Текстъ „Ревизора“ имѣетъ свою очень сложную исторію. Начатъ былъ онъ въ 1834 г. Сценическій текстъ былъ готовъ къ первымъ числамъ декабря слѣдующаго года и одобренъ къ представленію 2 марта 1836 г., что не помѣшало Гоголю внести въ него позднѣе рядъ перемѣнъ. Первое представленіе въ Петербургѣ было 19 апрѣля (Александринскій театръ), въ Москвѣ — 25 мая (Малый театръ) [1].

Одновременно вырабатывался Н. В. другой текстъ „Ревизора“, для печати (вышелъ въ апрѣлѣ 1836 г.). Послѣ ряда передѣлокъ онъ получилъ окончательную редакцію только къ половинѣ іюля 1842 г. (III томъ перваго изданія „Сочиненій Н. В. Гоголя“).

Въ послѣднюю печатную редакцію „Ревизора“, сравнительно съ предыдущими, внесены слѣд. перемѣны:

1) Подробно развита заключительная нѣмая сцена, имѣвшая въ двухъ первыхъ печатныхъ изданіяхъ комедіи такой видъ:

„Всѣ издаютъ звукъ изумленія и остаются съ открытыми ртами и вытянутыми лицами. Нѣмая сцена. Занавѣсь опускается“.

2) Во второмъ изданіи „Сочиненій Гоголя“ исключены замѣчанія о гостяхъ, принадлежавшія, повидимому, автору: „гости должны быть разнохарактерны. Они должны быть высокіе и низенькіе, толстые и тонкіе, нечесанные и причесанные. Костюмированы тоже должны быть различно — во фракахъ, венгеркахъ и сюртукахъ разнаго цвѣта и покроя. Въ дамскихъ костюмахъ та же пестрота: однѣ одѣты довольно прилично, даже съ притязаніемъ на моду, но что-нибудь должны имѣть не такъ, какъ слѣдуетъ: или чепецъ на-бекрень, или ри-

[1] См. Михайловскій. Комедіи Н. В. Гоголя и ихъ исполнители на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ, „Русская мысль“, 1902, II, 168—178.

дикюль какой-нибудь странный; другія въ платьяхъ, уже совершенно не принадлежащихъ ни къ какой модѣ — съ большими платками и чепчиками въ видѣ сахарной головы и проч. — Вообще слѣдуетъ обратить вниманіе на цѣлое всей пьесы. Страхъ, испугъ, недоумѣніе, суетливость должны разомъ и вдругъ выражаться на всей труппѣ дѣйствующихъ лицъ, выражаться въ каждомъ совершенно особенно, сообразно съ его характеромъ".

3) Напечатанныя въ новой редакціи строки: „Пѣхотный капитанъ" и т. д. замѣняютъ собою слѣдующее мѣсто первыхъ двухъ изданій „Ревизора": „Пѣхотный капитанъ больше всего меня поддѣлъ; однакожъ, что ни говори, а удивительно, бестія, штосы срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ, и все обобралъ. Славно играетъ! Еслибъ еще гдѣ-нибудь съ нимъ встрѣтиться! Впрочемъ, какъ же встрѣтиться? на это все нуженъ случай. Когда бъ въ самомъ дѣлѣ уже скорѣе доѣхать домой! надоѣло въ дорогѣ! Нарочно такой мерзкій городишка: въ другихъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь бываетъ, а здѣсь ничего совершенно нѣтъ. Въ овошенной лавкѣ балыки еще сносные, но проклятые сидѣльцы очень мало даютъ на пробу".

4) Передѣлано слѣдующее мѣсто двухъ первыхъ печатныхъ редакцій комедіи: „Хлестаковъ (испугавшись). Вотъ тебѣ на! Я, ей Богу, никакъ не думалъ про это... Эка бестія трактирщикъ! Если въ самомъ дѣлѣ потащитъ въ тюрьму? Что жъ? если благороднымъ образомъ, еще ничего, я, пожалуй, пойду... Нѣтъ, что жъ я говорю: пойду? Тамъ вчера смотрѣли на меня двѣ купеческія дочери, офицеры тоже безпрестанно ходятъ... Нѣтъ, я не соглашусь. Онъ не можетъ сдѣлать этого, или ужъ онъ будетъ послѣ этого такая скотина... Это можно какого-нибудь мѣщанина или ремесленника... Нѣтъ, не поддаваться! (Ободряется.) Что онъ можетъ мнѣ? Я скажу ему: какъ вы!.. Я знать не хочу... (У дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ).

5) Измѣнены слѣдующія строки перваго и второго изданія „Ревизора": „Перестань, ты ничего не знаешь, и не въ свое дѣло не мѣшайся"! „Я, Анна Андреевна, вы повѣрите ли, что я потому только ищу руки вашей или вашей дочери, что чувствую сердечную любовь и изумляюсь вашимъ достоинствамъ". Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... и когда я хотѣла сказать: „мы никогда не смѣли надѣяться на такую честь, тогда онъ, не говоря ни слова, вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: „Анна

Андреевна! не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! и если вы не согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, я смертью окончу жизнь свою". И ниже: „Аммосъ Ѳеодоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное происшествіе! Лука Лукичъ. Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела. Артемій Филипповичъ (въ сторону). Вотъ этакой свиньѣ такъ и лѣзетъ въ самый ротъ счастье".

Исторія текста „Ревизора" подробно разработана и изложена Н. С. Тихонравовымъ (10-е изд., т. II, 635—672, т. VI, 65—248; „Ревизоръ".) Первоначальный сценическій текстъ. М. 1886; Соч. Гоголя. Вып. I. М. 1892. стр. 236—238.

Отрывокъ изъ письма. По поводу этого письма Гоголь писалъ въ 1841 г. С. Т. Аксакову („Исторія моего знакомства съ Гоголемъ", М. 1890, стр. 47): „... письмо, писанное мною къ Пушкину по его собственному желанію. Онъ былъ тогда въ деревнѣ. Піеса игралась безъ него. Онъ хотѣлъ писать полный разборъ ея для своего журнала и меня просилъ увѣдомить, какъ она была выполнена на сценѣ. Письмо осталось у меня неотправленнымъ, потому что онъ скоро пріѣхалъ самъ. Изъ этого письма я выключилъ то, что, собственно, могло быть интересно для меня и для него, и оставилъ только то, что можетъ быть интересно для будущей постановки „Ревизора", если она когда-нибудь состоится. Мнѣ кажется, что прилагаемый отрывокъ будетъ нелишнимъ для умнаго актера, которому случится исполнить роль Хлестакова".

Черновою этого неотправленнаго письма Гоголь воспользовался въ концѣ 1840 или началѣ 1841 г. для выраженія, главнымъ образомъ, своихъ взглядовъ на типъ Хлестакова, какіе сложились у него къ этому, именно, времени. Въ нее внесено было много перемѣнъ.

Напечатано въ „Москвитянинѣ" 1841 г. (III кн.) и при второмъ изданіи „Ревизора" (1841 г.).

Выключенныя сцены. Изъ ранней редакціи „Ревизора" (1834—1835 г.г.). Вторая изъ нихъ напечатана въ „Москвитянинѣ" (1841, III) и, въ болѣе полномъ видѣ, во второмъ изданіи „Ревизора". Для печати отдѣланы въ началѣ 1841 г.

Сцены перваго изданія. Первыя три сцены IV акта были передѣланы для второго изданія „Ревизора" въ январѣ и февралѣ 1841 г., остальныя — для „Сочиненій Николая Гоголя" 1842 г.

Сцены, написанныя для второго изданія. Отдѣланы для печати въ январѣ и февралѣ 1841 г.

Хлестаковъ и Гибнеръ. Изъ ранней редакціи піесы (1835 г.).

Предувѣдомленіе (къ изданіямъ въ пользу бѣдныхъ). Находится въ ближайшей связи съ мистико-моралистическими настроеніями Гоголя половины 40-ыхъ годовъ и возникновеніемъ въ Петербургѣ 2 января 1846 „Общества посѣщенія бѣдныхъ“ (кн. Одоевскій, гр. Сологубъ, гр. Віельгорскіе и другія близкія къ Гоголю лица)[1]. Написано (въ двухъ редакціяхъ — краткой и распространенной) въ октябрѣ 1846 г. Гоголь хотѣлъ напечатать новое изданіе своей піесы подъ заглавіемъ: „Ревизоръ съ Развязкой. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ заключеніемъ. Соч. Н. Гоголя. Изд. 4-ое, пополненное, въ пользу бѣдныхъ“. Но затѣмъ, въ виду неблагопріятныхъ толковъ, Н. В. отказался отъ этой мысли.

Развязка „Ревизора“. См. предыдущее примѣчаніе. Написана „Развязка“ въ октябрѣ 1846 г. Была очень неблагопріятно встрѣчена Аксаковымъ („Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“, стр. 159—160) и Щепкинымъ. Напечатана была только въ 1855 г. во второмъ изданіи „Сочиненій“.

9 декабря С. Т. Аксаковъ писалъ Гоголю: „обращаюсь къ послѣднему вашему дѣйствію — къ новой развязкѣ „Ревизора“. Не говорю уже о томъ, что тутъ нѣтъ никакой развязки, да и нѣтъ въ ней никакой надобности; но подумали ли вы о томъ, какимъ образомъ Щепкинъ, давая себѣ въ бенефисъ „Ревизора“, увѣнчаетъ самъ себя какимъ то вѣнцомъ, поднесеннымъ ему актерами? Вы позабыли всякую человѣческую скромность. Вы позабыли, вы уже не знаете, какъ приняла бы все это русская образованная публика. Вы позабыли, что мы не французы, которые готовы безсмысленно восторгаться отъ всякой эффектной церемоніи. Но мало этого. Скажите мнѣ, ради Бога, положа руку на сердце: неужели ваши объясненія „Ревизора“ искренни? Неужели вы, испугавшись нелѣпыхъ толкованій невѣждъ и дураковъ, сами святотатственно посягаете на искаженіе своихъ живыхъ творческихъ созданій, называя ихъ аллегорическими лицами? Неужели вы не видите, что аллегорія внутренняго города не льнетъ къ нимъ, какъ горохъ къ стѣнѣ; что названіе Хлестакова свѣтскою совѣстью не имѣетъ смысла, ибо принятіе Хлестакова за ревизора есть случайность?“

Болѣе мягкимъ по тону, но столь же убійственнымъ по содержанію было письмо Щепкина (отъ 22 мая 1847 г.,

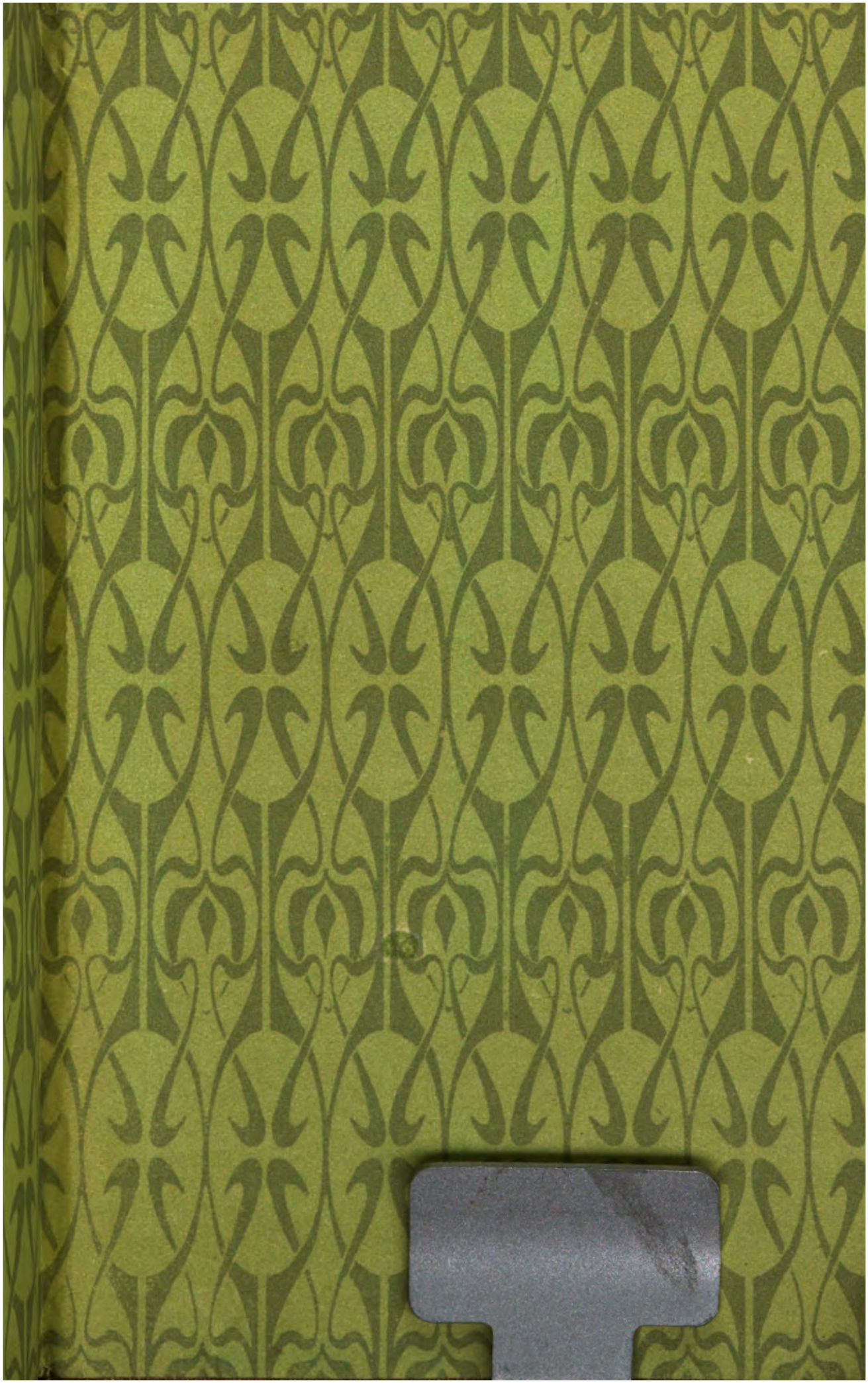
[1] 10-е изд., т. II, 684—689; Боцяновскій, кн. Одоевскій и Общество посѣщенія бѣдныхъ, СПБ., 1899.

см. „Записки и письма М. С. Щепкина“, М.. 1864, стр. 190—191).

„По выздоровленіи, прочтя ваше окончаніе „Ревизора“, я бѣсился на самого себя, на свой близорукій взглядъ, потому что до сихъ поръ я изучалъ всѣхъ героевъ „Ревизора“, какъ живыхъ людей; я такъ видѣлъ много знакомаго, такъ родного, я такъ свыкся съ городничимъ, Добчинскимъ и Бобчинскимъ въ теченіе десяти лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще — это было бы дѣйствіе безсовѣстное. Чѣмъ вы ихъ мнѣ замѣните? Оставьте мнѣ ихъ, какъ они есть. Я ихъ люблю, люблю со всѣми слабостями, какъ и вообще всѣхъ людей. Не давайте мнѣ никакихъ намековъ, что это де не чиновники, а наши страсти; нѣтъ, я не хочу этой передѣлки: это — люди, настоящіе, живые люди, между которыми я взросъ и почти состарѣлся. Видите ли, какое давнее знакомство? Вы изъ цѣлаго міра собрали нѣсколько человѣкъ въ одно сборное мѣсто, въ одну группу; съ этими въ десять лѣтъ я совершенно сроднился, и вы хотите ихъ отнять у меня. Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ! не дамъ, пока существую. Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ; а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ“.

Дополненіе къ „Развязкѣ Ревизора“. Вошло впервые въ десятое изданіе (т. VII, 259—264, примѣч. 677—680). Написано въ половинѣ 1847 г. и во многихъ мысляхъ совпадаетъ съ „Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями“ и „Авторской исповѣдью“.

Предувѣдомленіе (для актеровъ). Впервые напечатано въ изданіи „Ревизора“ Н. С. Тихонравова (1886). Состоитъ изъ полнаго чернового текста и передѣланныхъ самимъ Гоголемъ первыхъ страницъ. По предположенію Тихонравова, написано въ концѣ 1842 г. См. 10 изд., т. VII, стр. 249—258, 667—676.

Первоначальный текстъ „Ревизора“. Напечатанъ впервые Тихонравовымъ въ „Сочиненіяхъ Н. В. Гоголя“. Вып. I. М. 1892. Первая законченная редакція „Ревизора“ (1835 г.), со слѣдами „невинныхъ и беззаботныхъ сценъ“ (въ родѣ пріуроченнаго къ Хлестакову бродячаго анекдота о съѣденной куропаткѣ), не выдѣлявшихъ еще Хлестакова изъ „шеренги водевильныхъ шалуновъ“. Особенно интересенъ при сравненіи съ окончательной редакціей.

783517